

AP2

T93

1200

**ДНЕЙ И НОЧЕЙ
РЫБАЧЬЕГО**

16
1200

ДНЕЙ И НОЧЕЙ
РЫВАЧЬЕГО

286778

Воронцовская ЦБС
Пермской области

МУРМАНСКОЕ КНИЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО · 1970

Редколлегия:

Ю. Домашенко, капитан 1 ранга запаса (ответственный редактор);

Н. Быстрыков, инженер-полковник в отставке;

Ф. Нехорошков, подполковник, начальник музея Краснознаменного Северного флота;

В. Загребин, майор запаса, председатель совета военно-научного общества при Мурманском Доме офицеров (составитель);

А. Краснобаев, старший лейтенант запаса (составитель).

От составителей

В 1965 году Мурманское книжное издательство выпустило сборник «Это было на Крайнем Севере», подготовленный военно-научным обществом при Мурманском Доме офицеров. Он рассказывал о событиях военных лет на Кольском полуострове с начала Великой Отечественной войны и до момента разгрома гитлеровцев в Заполярье. Книга быстро разошлась, а спустя некоторое время, мы получили это письмо:

«Дорогие товарищи! Пишет Вам член КПСС с 1920 года, офицер в отставке Еремин Дмитрий Иванович — один из участников защиты Заполярья в годы Великой Отечественной войны. Около пяти лет служил я в воинских частях на самом краю земли, т. е. на Рыбачьем, и очень интересуюсь современным развитием города Мурманска и заполярной области.

О Мурманске знаю лишь по центральной печати да кое-что из рассказов товарищей.

В свое время я получил книгу под названием «Это было на Крайнем Севере», изданную в Мурманске. В этой книге напечатана и моя маленькая статья. Когда я ознакомился с книгой подробно, она мне показалась бедноватой — многие события тех грозных дней не отражены в ней совсем. Хотя для начала и это неплохо.

Очень хочется, чтобы история обороны Заполярья выглядела полней, чтобы никто не был забыт в ней. Вот я и решился послать вам свои воспоминания о боевых действиях в Заполярье 104-го тяжелого пушечного артполка, в котором я служил комиссаром с начала финской войны и до 1942 года. Не поймите, что делаю это ради собственной славы. Недавно я прочитал мемуары адмирала А. Г. Головки, который командовал Северным флотом.

К сожалению, в книге не сказано про наш полк, хотя мы занимали оборону от Пумманок до Цып-Наволока.

Правда, мы, полевая артиллерия, подчинились 14-й армии, а не Северному флоту, но ведь действовали мы совместно с морскими артиллеристами и многому учились у них. Очень хочется побывать на Рыбачьем, где мне знакомы каждая высотка, каждый камень.

Но что поделаешь, нас разделяет слишком большое расстояние. А ехать в такую даль мне уже трудно.

Ну да ничего, лишь бы помнили о нас земляки-мурманчане.

С приветом к вам участник обороны Заполярья.

Д. И. Еремин.

Вместе с письмом Д. И. Еремин выслал свои воспоминания и альбом с фотоснимками, сделанными на Рыбачьем в 1940—1942 годах. К последней странице альбома была приклеена фотография К. Симонова с дарственной надписью: «Дорогому Дмитрию Ивановичу Еремину. С фронтовым приветом твой К. Симонов. 21.XI—65 г.»

Собственно, это письмо Д. И. Еремина и натолкнуло нас на мысль подготовить к печати второй сборник воспоминаний участников боев в Заполярье, посвятив его героической защите Малой земли — полуостровов Средний и Рыбачий.

Начались долгие поиски фронтовиков, воевавших на Рыбачьем и Среднем. По просьбе военно-научного общества в «Красной звезде» и «Полярной правде» было опубликовано обращение к бывшим рыбачинцам. Отправили мы письмо и К. М. Симонову, который в годы войны был на Рыбачьем. Через несколько дней от него пришел ответ:

«Ваша идея выпустить сборник о Рыбачьем и Среднем мне кажется очень хорошей.

Что касается моего содействия, то оно может выразиться в следующем. Во-первых, я могу вам прислать копии своей переписки с Лоскутовым, а также копии некоторых детских писем, которые ежегодно приходят ко мне в связи с «Сыном артиллериста». Может быть, в какой-то мере это можно будет использовать в сборнике, потому что действительно вся эта история произошла на Рыбачьем и Среднем и в основе ее лежал подвиг Лоскутова — кстати, скромнейшего из скромных человека.

Кое-где я встречал упоминания о том, что я писал эту поэму на Рыбачьем. Это не соответствует действительности. Писал я ее позже, по дороге в Москву, в Архангельске. Но это неважно. Важно, что события, легшие в основу поэмы, произошли на Рыбачьем и Среднем.

Второе — мои дневники. Дневники такие есть, и я попрошу перепечатать кусок дневников, относящийся к Рыбачьему и Среднему, потом посмотрю этот кусок и pošлю вам.

Желаю успеха доброму делу.

Р. С. Да, кстати, я думаю, что вам нужно обратиться к морякам, которые воевали там, на Рыбачьем и Среднем. Там ведь стояли торпедные катера. Кроме того, возможно, в гражданском флоте есть люди, которые тогда возили продовольствие и боеприпасы на мобилизованных катерах и других суденышках. Без помощи моряков Рыбачий и Средний недолго бы продержались. Они ведь были отрезаны.

Кроме того, стоит обратиться к пограничникам. На Рыбачьем стоял и активно действовал пограничный отряд. Командовал отрядом полковник Калеников; он живет сейчас в Молдавии, Кишинев, 14, Кузнечная, 76. Ему есть что рассказать. И может быть, живы и здоровы кто-то из его ребят.

Думаю, что вам есть смысл обратиться также к бывшим офицерам морской разведки Бизигину — он в Москве, Добро-

тину — он тоже в Москве. Думаю, что их адреса вы разыщите через флот.

Наконец, командиром полка на Рыбачьем в самое тяжелое время был Рыклис Ефим Самсонович. Он сейчас в отставке, живет на Кавказе. Вот его адрес: СО АССР, г. Орджоникидзе, ул. Маркова, дом 91, кв. 14. Обязательно надо написать ему. Это командир того полка, где комиссаром был Дмитрий Иванович Еремин.

Надо бы вспомнить и человека, который командовал обороной Рыбачьего в самое трудное время — генерал-майора Красильникова и комиссара Шабунина. Кажется, их уже нет в живых, но важно, чтобы другие о них вспомнили.

...В общем, подумайте над всеми этими вопросами, потому что делать так делать.

С товарищеским приветом

К. М. Симонов».

Мы были искренне благодарны писателю за эту помощь и поддержку. Отправили письма И. А. Лоскутову, И. И. Каленикову, Е. С. Рыклису и многим другим защитникам полуострова, связались с музеем Краснознаменного Северного флота, многие рыбацинцы отыскались в самом Мурманске.

И вот перед вами, дорогие читатели, книга «1200 дней и ночей Рыбачьего». В отличие от первого сборника все его авторы без исключения непосредственные участники боев на Малой земле, живые свидетели событий тех огненных лет.

Характер полученных материалов не позволил полностью выдерживать хронологическую последовательность обороны полуостровов. В некоторых воспоминаниях описываются одни и те же факты, но мы умышленно сохраняли такие повторения, ведь авторы рассказывают о событиях каждый со своей точки зрения, добавляя интересные детали.

К сожалению, нам не удалось разыскать никого из авиаторов и танкистов, воевавших на Рыбачьем. Не претендуя на полноту освещения военных событий, книга тем не менее с достаточной глубиной и достоверностью рассказывает о событиях на Малой земле, а главное

о людях, сражавшихся там и сложивших свои головы за свободу и независимость Родины.

Совет военно-научного общества при Мурманском Доме офицеров и редколлегия сборника выражают сердечную благодарность за активное участие в подготовке книги генерал-лейтенанту В. И. Щербакову, генерал-майору В. В. Рассохину, подполковнику А. Н. Преснухину, майору Н. Ф. Галушкину, офицерам запаса И. М. Кузгину, Н. Ф. Абакумову, В. Ватлецову, А. Н. Мильчакову, Н. М. Исаеву, А. А. Воронову, журналистам Г. А. Нохриной и В. Я. Сексте, главному старшине запаса С. И. Быкодорову, работникам музея Краснознаменного Северного флота и Мурманского краеведческого музея.

В. ЗАГРЕБИН.
А. КРАСНОБАЕВ.

ГЕРОИ РЫБАЧЬЕГО

Прошло 25 лет после окончания Великой Отечественной войны. Все меньше и меньше остается в строю ветеранов, вынесших на своих плечах всю тяжесть жесточайших сражений. Их место постепенно занимает молодое поколение людей, изучающих опыт старших по документам и учебникам.

Прошедшие четверть века, к сожалению, не привели нас к прочному и надежному миру. В мире по-прежнему неспокойно: то в одном, то в другом месте земного шара вспыхивает война. Империалисты пытаются подавить движение народов за социальное освобождение, мечтают разгромить социалистические страны. Вспышки локальных войн грозят перерасти в мировой ракетно-ядерный пожар. В этой обстановке советским воинам приходится постоянно быть начеку. Девиз старого русского патриота адмирала С. О. Макарова — «Помни войну!» — сейчас, как никогда, актуален.

Предлагаемый читателям сборник воспоминаний об обороне полуостровов Рыбачий и Средний написан непосредственными участниками сражений на суше и на море. В этом — его особенная ценность.

Участок фронта, о котором идет речь в книге, трудный по своим природным особенностям. Адмирал Арсений Григорьевич Головкин, ставший командующим Северным флотом за десять с половиной месяцев до начала Великой Отечественной войны, так говорит о своих первых впечатлениях от встречи с Заполярьем:

«Все здесь поражало мощью, угрюмым величием: гранитные скалы-горы, голые или покрытые мхом, и поросшие карликовой березкой, взнесшиеся над морем; грандиозность морских просторов, почти всегда беспокойных, часто штормовых; продолжительность и фантастичность полярной ночи с причудливыми сполохами северного сияния в полнеба над гранитным безлюдьем, над кипением прибоя у подножий черных утесов; лютовость океанских непогод, панорама голубых арктических льдов под незаходящим долгие месяцы солнцем; суровость всего, что окружало человека, что сперва подавляло, затем заставляло приспособляться, искать и находить выход, а в конце концов воспитывало настоящих моряков»*.

С первых дней войны эти моряки и пехотинцы, обыкновенные советские люди, закаленные суровым Севером, грудью встали на защиту родной земли.

Прошли годы. И вот они, уже ставшие ветеранами, пройдя трудную школу войны, умудренные жизнью, выступают в этой книге в качестве авторов. Среди них не только участники Великой Отечественной войны, но и представители более старшего поколения, которое отстаивало молодую Советскую республику на фронтах гражданской войны, старые коммунисты С. И. Кабанов, Д. И. Еремцы, П. А. Шабунин, И. И. Калеников и др.

Многие ветераны находятся на заслуженном отдыхе, а некоторые еще продолжают трудиться на различных участках коммунистического строительства.

К сожалению, уже нет в живых некоторых защитников Рыбачьего, принимавших участие в подготовке материалов сборника: комиссара П. А. Шабунина, записки из дневника которого здесь публикуются, бывшего начальника штаба 63-й бригады морской пехоты Северного флота полковника в отставке А. И. Акулича. Совсем недавно преждевременная смерть оборвала жизнь Героя Советского Союза, бывшего катерника капитана 1 ранга Л. Л. Новоспасского. Не увидит книги и бывший пулеметчик Северного оборонительного

* А. Г. Головкин. Вместе с флотом. М., Воениздат, 1960, стр. 13.

района старший матрос запаса Н. Д. Меньшиков. Но они оставили о себе память, поделившись пережитым в годы войны.

Война началась в то время, когда освоение Северного морского театра еще не было завершено и на морских просторах Заполярья делались крупные географические открытия. В 1930 году впервые были нанесены на карту остров Визе, группа островов Исаченко, остров Длинный, а затем остров Шмидта. В 1935 году обнаружен остров Ушакова. В ходе Великой Отечественной войны нашим кораблям и судам нередко приходилось плавать и вести боевые действия в совершенно необследованных районах по картам с множеством белых пятен. По отдельным таким районам уточненные географические карты изданы лишь после окончания войны.

Нельзя забывать и того, что сам Северный флот был создан только в 1933 году. Но уже через 6 лет он участвовал в войне с белофиннами, а через 8 выступил на защиту социалистического Отечества в самой жестокой, небывалой в истории человечества войне. Вполне понятно, что за такой короткий срок после своего рождения флот не мог стать вполне современным.

Взвесив все это, с восхищением преклоняешься перед людьми, которые не только жили здесь и покоряли суровую природу, но и сумели одержать великую победу над озверелым врагом.

Наступление немецко-фашистских войск в Заполярье началось 29 июня 1941 года. На Мурманском направлении немцам удалось углубиться на 70 километров от государственной границы, а на левом фланге — на перешейке губа Малая Волоковая—губа Кутовая — фашистские захватчики уже на второй день встретили такой отпор, что вынуждены были укрыться в скалах хребта Муста-Тунтури, отказавшись от дальнейшего наступления.

Части нашей 14-й армии и гарнизона на полуостровах Рыбачий и Средний поддерживались мощным артиллерийским огнем эскадренных миноносцев «Куйбышев» и «Урицкий». Совместными усилиями армии и флота враг был остановлен на рубеже Западной Лица, а на севере — на хребте Муста-Тунтури. Для защитников Рыбачьего началась длительная оборонительная война, которую они вели в условиях блокады 1200 дней и ночей.

Полуострова Рыбачий и Средний имели большое стратегическое значение. В своей книге «Вместе с флотом» А. Г. Головкин отмечает: «Кто владеет Рыбачьим и Средним, тот держит в своих руках Кольский залив. Без Кольского залива Северный флот существовать не может. Самое же главное — Кольский залив нужен государству. Мурманск — наш океанский порт...» *.

Никакими усилиями враг не смог сломить стойкость защитников Заполярья. Несмотря на ожесточенные бомбардировки с воздуха, Мурманский порт бесперебойно вел перевалку стратегических грузов для страны. Под огнем противника продолжала непрерывно функционировать Кировская железная дорога. Войска Карельского фронта сумели сохранить ее для страны на протяжении всей войны.

Корабли Северного флота совместно с авиацией обеспечивали проводку караванов судов с военными грузами, нарушали морские перевозки противника вдоль побережья Северной Норвегии, уничтожали корабли, самолеты и наземные войска гитлеровских захватчиков.

Остановив гитлеровцев на скалах Муста-Тунтури, гарнизон полуостровов Рыбачий и Средний в течение всей войны не отдал врагу ни одного метра советской земли, ежедневно вел ожесточенные бои, уничтожая живую силу и корабли противника.

В июле 1942 года Ставка Верховного Главнокомандования оборону Среднего и Рыбачьего возложила на Северный флот. Все силы армии и флота, находившиеся на этих полуостровах, были объединены во вновь сформированный Северный оборонительный район Северного флота. Первым командующим СОРа был назначен генерал-лейтенант С. И. Кабанов, возглавлявший в 1941 году оборону военно-морской базы Ханко на Балтике.

О героических защитниках Среднего и Рыбачьего до сего времени почти ничего не было опубликовано, если не считать небольших газетных статей. Несколько шире освещены в печати заключительные боевые действия в октябре 1944 года. Но о делах защитников Среднего и Рыбачьего в течение 1200 дней обороны полуостровов в условиях блокады сказано крайне мало. По существу этим событиям

* А. Г. Головкин. Вместе с флотом, стр. 35—36.

посвящена единственная книга «На краю земли Советской» непосредственного участника боев на полуострове Средний бывшего командира 221-й батареи береговой дальнобойной артиллерии полковника Ф. М. Поночевного.

Подготовленный военно-научным обществом при Мурманском Доме офицеров и выпускаемый Мурманским книжным издательством сборник «1200 дней и ночей Рыбачьего» в какой-то мере восполняет этот пробел.

Книга представляет коллективный труд непосредственных участников обороны Среднего и Рыбачьего. Ветераны рассказывают о волнующих событиях, которые происходили на самом северном участке огромного фронта Великой Отечественной войны с первых ее дней и до полного изгнания немецко-фашистских захватчиков с нашей территории. Здесь и героика фронтовых будней Рыбачьего и Среднего, и горечь от утраты боевых товарищей, и тяжелые переживания первых дней войны. Каждый пишет так, как он лично наблюдал обстановку того времени.

Книга эта — яркая повесть о ратных делах «малоземельцев» Заполярья.

Материалы сборника дают ясное представление о том, в каких тяжелых, сложных условиях приходилось вести борьбу защитникам Среднего и Рыбачьего.

За героизм, беззаветную стойкость, мужество и высокую боевую активность, проявленные моряками в борьбе с немецко-фашистскими захватчиками, Северный флот награжден орденом Красного Знамени. Боевые традиции флота, традиции его ветеранов — на вооружении молодого поколения североморцев. Молодежь изучает опыт прошлого. Она видит, ценой какого напряжения физических и духовных сил досталась нам победа в минувшей войне.

Как-то на собрании в Военно-Политической академии имени В. И. Ленина Михаил Иванович Калинин сказал:

«Надо, чтобы каждый новобранец, придя в полк, знал не только его номер, но всю его боевую историю, всех его героев и боевые награды... Знамя полка должно быть овеяно боевым революционным романтизмом, чтобы каждый красноармеец свято его чтил, зная под-

робно о всех походах и боевых эпизодах, в которых участвовал полк под этим знаменем» *.

В этом смысле сборник будет полезным для молодого поколения и в первую очередь — для личного состава армии и флота.

Можно с уверенностью сказать, что книга вызовет интерес у наших читателей.

Адмирал флота ЛОБОВ С. М.,
командующий Краснознаменным Северным флотом.

* История Великой Отечественной войны 1941—1945 гг., том 1, стр. 466.

ПОЛУОСТРОВА СРЕДНИЙ И РЫБАЧИЙ

Краткий историко-географический очерк

Полуострова Средний и Рыбачий расположены между 69-м и 70-м градусом северной широты, в 350 километрах от Полярного круга, на 32-м меридиане восточной долготы.

Рыбачий вытянут в направлении с северо-запада на юго-восток на 55 километров. Ширина его в среднем 20 километров. Он соединяется узким перешейком с полуостровом Средний, размеры которого 25 на 13 километров.

По рельефу оба полуострова представляют собой всхолмленное плоскогорье с обрывистыми берегами. Отдельные сопки достигают в высоту 300—350 метров.

На Рыбачьем и Среднем десятки порожистых рек и ручьев. Здесь много озер, но нет лесов — лишь в долинах некоторых рек растет ива и низкорослая полярная береза, а в северной части встречаются небольшие зеленые луга.

Полуострова сложены из песчаных, глинистых сланцевых пород и известняков. Местами на поверхность выходят магматические породы.

На прибрежных скалах Рыбачьего — большие «птичьи базары». Полуострова омываются незамерзающими водами Баренцева моря. С юга Рыбачий окаймлен Мотовским заливом. На западе Варангер-фьорд, врезаясь в полуострова, образует губы Большую Волоковую и Малую Волоковую.

В северной части Рыбачьего расположены губы Вайда, Скорбеевская, Зубовская, бухта Лауш и Цып-Наволоок. Неподалеку от Среднего находятся два небольших островка: Большой и Малый Айнов.

Полуострова имеют интересную особенность: они растут, поднимаясь из воды примерно на 3 сантиметра в год.

Несколько отличается местность в южной части полуострова Средний. Здесь, с трехсотметровой высоты, плато полого спускается к плоскому (до 8 метров над уровнем моря) перешейку шириной от 500 до 1000 метров. Вдоль перешейка — четыре соединенных ручьями проточных озера.

По этим склонам и перешейку проходил в годы Великой Отечественной войны передний край и главный рубеж сухопутной обороны Среднего и Рыбачьего, общей глубиной 3—4 километра и длиной 6 километров.

От губы Кутовая до губы Малая Волоковая, вдоль перешейка, тянется хребет Муста-Тунтури (в переводе с финского — «черная гора») общей длиной 9 километров, с высокими сопками, обрывистыми склонами и утесами.

В отличие от Среднего и Рыбачьего данный район Кольского полуострова сложен из гранитно-гнейсовых пород. Этой естественной крепостью в скалах с 30 июня 1941 года по октябрь 1944 года владели гитлеровцы.

Средний и Рыбачий — древнейшая русская земля. Первыми их посетили и начали заселять в давние времена новгородцы, карелы, поморы с Северной Двины. Рыбная ловля и торговля с зарубежными странами были главным занятием поселенцев.

Близ Цып-Наволока на одной из скал вырублена надпись на древнерусском языке: «Лета 7158 (1650) года Гришка Дудин». Этот «автограф» трехсотлетней давности подтверждает, что в те далекие времена русские поморы посещали бухту Цып-Наволоок.

Первым крупным поселением на Рыбачьем (его называли в древности Кегор) была Вайда-Губа на северо-западной оконечности полуострова. Путь к этому становищу шел вдоль северных берегов Рыбачьего. Но море было подчас слишком бурным для маленьких лодок и ботов. Спокойнее и быстрее можно было добраться

до Вайда-губы по Мотовскому заливу и далее по Варангер-фьорду. Мореплавателям приходилось на отдельных участках тащить свои суденышки «волоком». Отсюда и родились названия заливов Большая и Малая Волоковая.

Первые инструментальные исследования перешейков и заливов были произведены в 1823 году лейтенантом русского флота Литке на бриге «Новая Земля» и продолжены в 1894 году командой крейсера «Вестник». Более подробные исследования полуостровов были сделаны специалистами под руководством В. Е. Ляхницкого в 1915 году во время изысканий места для выхода к океану строившейся Мурманской железной дороги.

Район Печенги, полуострова Рыбачий и Средний до Великой Октябрьской революции являлись территорией России. Победа Октября принесла финскому народу национальную независимость. 1 марта 1918 года между РСФСР и Финляндской социалистической рабочей республикой был подписан договор, по которому в интересах успешного хозяйственного развития государства финских трудящихся Советская Россия уступила Финляндии район Печенги. После изгнания интервентов с севера России Советское правительство в октябре 1920 года подтвердило свое решение о передаче Печенги Финляндии. Государственная граница разделила полуострова Средний и Рыбачий — западная их часть отошла к Финляндии вместе с Печенгой. При этом Финляндия обязалась не сооружать в Печенгском заливе военных портов, не иметь здесь военных кораблей и баз.

Однако пришедшая к власти финская буржуазия мало заботилась о развитии района Печенги. Обнаруженные здесь богатые месторождения медно-никелевых руд были переданы в концессию иностранным монополиям. В 1930 году в нарушение договора белофинны построили в Печенгском заливе военный порт. Империалисты стали создавать на Севере плацдарм для нападения на Советский Союз. Наша страна вынуждена была принять необходимые меры защиты — после финской кампании 1940 года западные части полуостровов Рыбачий и Средний воссоединились с территорией Советского Союза. Район Печенги СССР вновь предоставил Финляндии для использования в мирных хозяйственных целях.

Но профашистские руководители Финляндии и на этот раз нарушили договор. Вступая в войну против СССР на стороне гитлеровской Германии, они предоставили немцам Печенгскую землю в качестве плацдарма для нападения на нашу Родину с севера.

История Рыбачьего и Среднего частично отразилась в наименованиях западных заливов, бухт, мысов и географических пунктов. Печенгский залив, например, стал носить название Петсамо-вуоно, а порт, находящийся в бухте Девкина Заводь, стал называться Лииахамари. Губу Малую Волоковую финны переименовали в Матти-вуоно, Большую Волоковую — в Пуммангин-вуоно, Вайду — в Вайдалахти. Поселок Земляной в губе Большая Волоковая получил название Пумманки, Айповские острова — Хейня-Саари. Огромный Варангер-фьорд в прошлом русские поморы называли Варяжским заливом.

Как показали дальнейшие события, решение Советского правительства воссоединить территории полуостровов Средний и Рыбачий было правильным и своевременным. Когда гитлеровские дивизии 29 июня 1941 года перешли границу в Заполярье и оттеснили наши войска к Западной Лице, у них в тылу оставался нацеленный в спину «пистолет» — героический гарнизон Рыбачьего. Попытки врага сбросить наши части в море и захватить полуострова натолкнулись на мужество и стойкость советских воинов и закончились безуспешно.

Значение обороны полуостровов в ходе военных действий на Севере невозможно переоценить.

Во-первых, Рыбачий и Средний держали под контролем вход с моря в Кольский залив — главную базу Северного военно-морского флота, прикрывали Мурманск. Через Мурманский порт осуществлялись связи нашей Родины с внешним миром, с союзниками по антигитлеровской коалиции. С потерей балтийских и черноморских портов северные коммуникации приобрели особое, жизненно важное значение. Этим единственно возможным в Европе океанским путем СССР получил около 5 миллионов тонн различных военных грузов.

Во-вторых, Рыбачий и Средний, блокируя батареями вход в Печенгский залив, срывали снабжение морским путем гитлеровских войск на Севере, а главное, мешали вывозить из Печенги медно-

никелевую руду, крайне необходимую военной промышленности Германии. Не зря Гитлер, считая никелевые рудники Печенги «жизненно важными для ведения войны», в своей директиве от 22 сентября 1941 года требовал «до наступления зимы по крайней мере захватить западную часть Рыбачьего полуострова и устранить тем самым контроль вражеской артиллерии и торпедных катеров над входом в гавань Линахамари»*.

В-третьих, героические защитники полуостровов все время отвлекали на себя значительные силы гитлеровцев, не давая возможности снять и перебросить войска на другие направления. Во время оборонительных и наступательных боев, десантов и диверсионных вылазок в тыл врага рыбаки уничтожили тысячи вражеских солдат и офицеров, много кораблей и боевой техники противника.

В-четвертых, в октябре 1944 года отсюда был нанесен удар с тыла по немецким частям, державшим оборону на Западной Лице.

И, наконец, оборона полуостровов Рыбачий и Средний имела в те трудные военные годы большое моральное значение, ибо, как отмечала в декабре 1944 года «Правда», здесь находился участок, где врагу в течение всей войны не удалось перешагнуть линию нашей государственной границы.

**ВРАГ
НЕ
ПРОШЕЛ**

* Л. Потемкин. У северной границы. Мурманск, 1965, стр. 126.

23-й УКРЕПЛЕННЫЙ РАЙОН

Из фронтовых записок
комиссара 23-го укрепрайона

П. А. Шабунина

Утром 22 июня 1941 года штаб укрепрайона вместе с батальонами саперов и связистов находился на борту морских судов, следовавших из Мурманска к полуострову Рыбачий. Здесь мы и услышали по радио о нападении фашистской Германии. Настроение было неопределенным, так как до прибытия в Озерко мы не знали всех подробностей и со сводкой Информбюро познакомились только 23 июня. Высадившись, аппарат штаба приступил к осуществлению мобилизационного плана. Через неделю все кадровые части были доукомплектованы личным составом до штатов военного времени.

В 7-м и 15-м отдельных батальонах было сформировано по 4 пулеметных роты. Батальоны выделяли в эти роты кадровых офицеров и сержантов, а сами получали пополнение из запаса.

Таким образом, все части укрепрайона практически обновлялись заново. И пулеметные роты были, по существу, новые, так как их рядовой состав не имел достаточной подготовки.

23 июня в наше распоряжение поступили части, дислоцированные на Рыбачьем и Среднем: 135-й стрелковый полк 14-й дивизии, 104-й артиллерийский полк, 100-й погранотряд, гаубичный дивизион 14-й стрелковой дивизии

и две батареи береговой морской артиллерии. Все приданные нам части отобилизовывались каждая по-своему: расширялись до штатов военного времени, получали войсковые контингенты, а некоторые отправляли с полуостровов имущество, обременительное в условиях войны. Например, погранотряд отправил с полуострова даже собачий питомник, а 135-й полк — все вещевые запасы, в том числе зимнее обмундирование.

К началу наступления гитлеровцев в Заполярье в составе 23-го укрепрайона находились следующие части: 135-й стрелковый полк, 7-й отдельный пулеметный батальон, 15-й отдельный пульбат, 100-й погранотряд, 104-й арtpолк, отдельный гаубичный дивизион, отдельная батарея 130-мм пушек морской артиллерии, 122-мм морская батарея, пять отдельных пулеметных рот, отдельный батальон связи, батальон саперов и автобатальон.

Штаб развернул политотдел, прокуратуру, трибунал, санчасть, полевой подвижный госпиталь. Правда, люди в эти формирования приехали не сразу; трибунал, например, прибыл только через полтора месяца, а до этого пришлось судить самим — на совесть. Госпиталь мы сформировали тоже по собственной инициативе. Пришлось организовать и ветеринарный лазарет, так как на полуостровах осталось около тысячи лошадей, которые, как и люди, болели, подвергались обстрелу и бомбежкам. Все эти нетабельные формирования пришлось создавать за счет боевых частей, вольно или невольно ослабляя их.

По плану мобилизации предполагалось иметь тыловую базу для хранения продовольственных запасов на полгода. Но у нас не было даже ни одного сарая, не говоря уже о складах. Все части, за исключением пулбатов, участвовали в финской кампании и уже имели боевой опыт. Многие их бойцы перед началом войны с фашистами должны были демобилизоваться и, естественно, стремились домой. Теперь они были лишены возможности вернуться к своим

семьям. Это, конечно, не могло не сказаться на настроении людей.

30 июня к 16 часам противник пересек дорогу Титовка—Кутовая. Вражеская авиация совершила налет на губу Кутовую, разбомбив все бараки. Был убит начальник клуба, несколько человек получили ранение, погибло много имущества.

В первые часы наступления немцев нам несколько раз звонил командир 14-й стрелковой дивизии Журба. В последний раз Журба сообщил мне, что у него на левом фланге сложилось тяжелое положение и он едет туда. Я сказал об этом коменданту укрепрайона полковнику Красильникову, но сделать что-либо было уже невозможно — нас отрезали от Большой земли. Вскоре мы узнали, что Журба и сопровождавшие его командиры не вернулись — они погибли во время обстрела.

Наступление немцев на Титовку сдерживали героическими усилиями подразделения 95-го стрелкового полка. Они-то и дали нам время должным образом подготовиться к встрече врага.

135-й стрелковый полк был дислоцирован так: два батальона стояли на Рыбачьем, а третий — на западной кромке полуострова Средний. 29 июня 3-му батальону, находившемуся ближе всех к месту боев, приказали срочно занять оборону на перешейке Кутовая—Матти-вуоно. Тогда же двинулись первый и второй батальоны. Я поехал на перешеек, чтобы проследить за действиями наших бойцов, а если понадобится, то и руководить операцией. Чтобы выяснить обстановку, мы направили в разведку три взвода: один по дороге на Титовку, второй и третий — через седловину хребта Муста-Тунтури. Утром они встретили наступавших немцев и вошли в боевое соприкосновение.

30 июня горные егеря, оттеснив нашу разведку, вышли на хребет Муста-Тунтури и сразу же наткнулись на передний край обороны, который к этому времени занимали

15-й батальон, четыре пулеметы и 135-й стрелковый полк, имевший на вооружении пушки и минометы. Оборону поддерживали батареи 104-го артполка. Противник ринулся вперед, не зная ни наших сил, ни наших огневых средств, и был разбит на всем участке. По нашим подсчетам, в ходе боя было уничтожено не менее полка егерей. Однако обстановка по-прежнему оставалась сложной. Противник не имел еще сплошной линии фронта, и остатки частей 14-й дивизии, которые не смогли пробиться на восток, возвращались к нам на Рыбачий. Около пятисот человек сумели перебежать линию немецких войск, среди них находилась большая группа пограничников 100-го отряда.

В этот момент произошел такой эпизод. Полковник Д. Е. Красильников, направлявшийся на передний край, спустился в долину перешейка и стал задерживать бегущих бойцов, которые самовольно оставили позиции. Некоторые бойцы, охваченные паникой, не подчинялись приказанию. Тогда Даниил Ефимович, выхватив пистолет, стал стрелять в воздух и таким образом приостановил паническое бегство. Затем он не сгибаясь прошел почти шесть километров вдоль линии фронта под непрерывным оружейным и пулеметным огнем противника. Весть об отваге командира пронеслась мгновенно по всей линии обороны. Бойцы стали мужественно отбивать атаки немцев, вынудив их уйти на Муста-Тунтури.

Сильно помогли нам моряки Северного флота. 30 июня, когда немцы пошли в наступление, в Мотовский залив прибыли два наших эсминца и два «охотника». Командир отряда кораблей встретился со мной, и я связал его с командиром 104-го артполка. После этого корабельная и полевая артиллерия стали совместно вести обстрел вражеских позиций. На этих же кораблях к нам прибыл офицер с приказом командующего 14-й армией, предписывавшим подготовить войска укрепрайона к эвакуации и ждать суда для погрузки. Мы с Красильниковым посоветовались и передали свое

отрицательное мнение об эвакуации, которая могла деморализовать наших бойцов. Мы только попросили убрать авиабомбы, лежавшие штабелями на причалах в Пумманках. Взрыв нескольких тысяч бомб в случае вражеского налета мог бы наделать много бед. Свой отказ мы мотивировали тем, что в полярный день невозможно будет скрытно переправить несколько тысяч человек. В гарнизоне не было никаких зенитных орудий, и немецкие самолеты легко могли разрушить весь план эвакуации.

Начались тяжелые военные будни — непрерывные бои за высоты Муста-Тунтури.

Несколько слов о боевых командирах укрепрайона, о своих товарищах.

Комендант 23-го укрепрайона полковник Даниил Ефимович Красильников

После гражданской войны Красильников стал командовать взводом в 16-й стрелковой дивизии имени Киквидзе. Когда мы встретились с ним в 1934 году, он был уже начальником штаба полка 56-й стрелковой дивизии. В финскую кампанию Даниил Ефимович командовал полком, а затем был назначен комендантом Мурманского укрепрайона, который сам и формировал.

Красильников был неутомимым тружеником, правда, работал он без всякого плана, самотеком. Даниил Ефимович постоянно выражал недовольство деятельностью штаба, так как начальник штаба полковник Носов, имевший академическое образование, большую часть времени просиживал в кабинете и не любил, чтобы около него находились люди. Но должной настойчивости и требовательности к работникам штаба Красильников не проявлял.

Отличаясь храбростью и трудолюбием, Красильников требовал того же от бойцов. В то же время комендант был

удивительно добр по отношению к людям. Если случалось ему делать ошибки, то он их сразу чистосердечно признавал и тут же исправлял.

Как-то начальник особого отдела Емельянов представил следственный материал на сержанта 104-го артполка, обвиняя его в распространении передач финского радио. Сержанту грозил расстрел. В тот момент, когда Емельянов докладывал коменданту, я дремал на кровати и почти ничего не слышал. Красильников вынес по докладу суровое заключение: «Судить и расстрелять». Узнав об этом, я попросил оставить дело для просмотра, а Даниилу Ефимовичу порекомендовал лично познакомиться с этим сержантом. Тут же по телефону я затребовал у комиссара полка Д. И. Еремина характеристику на виновного. Оказывается, сержант был секретарем комсомольской организации батареи, подал заявление в партию. По словам Еремина, это был глубоко преданный Родине человек.

Красильников не забыл моего совета и лично познакомился с сержантом. Его мнение совпало с характеристикой Еремина, и Даниил Ефимович без колебания сказал Емельянову: «Я отменяю свое распоряжение в отношении сержанта». После этого мне оставалось только наложить резолюцию: «Дело прекратить».

Надо было иметь мужество, чтобы так честно и открыто изменить свое ошибочное решение.

Был и другой случай. Мы подготовили диверсию, с тем чтобы захватить вершину Большого Муста-Тунтури. В случае успеха, отряд пограничников численностью 60 человек должна была поддержать рота 135-го полка. Ночью пограничники с тыла напали на немцев, разогнали целый батальон и водрузили на вершине флаг. На рассвете немцы пошли в контратаку. Запланированное подкрепление пограничники не получили и, потеряв командира, вынуждены были под давлением превосходящих сил врага оставить захваченную высоту. При отходе отряд понес большие потери.

Спустившись с высоты, пограничники поодиночке проходили через позиции 2-й роты и 15-го пульбата. Здесь их и встретил Красильников, который выехал посмотреть, как развивается на Муста-Тунтури красный флаг. Он собрал тридцать бойцов, оставивших без приказа высоту, и стал грозить расстрелом.

Я был на КП, когда вбежал командир погранотряда Калеников: «Товарищ, комиссар! Красильников построил отступивших пограничников и хочет расстрелять их».

Я выбежал из землянки и увидел бойцов, мокрых, изможденных. На лицах у всех ужас — они ждали «заслуженного» наказания от самого коменданта. Многие наблюдавшие эту сцену попрятались в ближайших землянках. Зная, как Красильников расправляется с паникерами, все были уверены, что он расстреляет и этих.

Я подошел к Даниилу Ефимовичу и шепнул ему на ухо, что виноват во всем полковник Пашковский, не выславший подкрепление, а пограничники отступили согласно сложившейся обстановке. Их надо не расстреливать, а поблагодарить за хорошую службу, обменять мокрую одежду и выдать по двести граммов водки. Он все так и сделал. Затем набросился на Пашковского и уже приказал было двинуть роту во главе с полковником, чтобы вернуть высоту.

Позже Красильников признался, что в тот момент он сам почувствовал, как далеко зашел: хотел только пострашать людей, а вышло все всерьез.

Красильников был настоящим командиром и всеми уважаемым человеком. От нас его перевели командовать 10-й гвардейской дивизией. Сменил его Г. А. Жуков.

Полковник Георгий Андреевич Жуков

Войну полковник Г. А. Жуков встретил в должности командира 101-го пограничного полка, который действовал в глубоком тылу у финнов. Об этом героическом рейде

были сложены песни, а сам Жуков получил заслуженное повышение в должности и в звании. Новый комендант сразу же заставил работать аппарат штаба. Стали проводиться регулярно учебно-полевые занятия. В фортификационных работах Георгий Андреевич применял деревянные конструкции, из которых получался хороший наружный блиндаж. На практике такие каменно-деревянные блиндажи с честью оправдали себя.

Словом, Жуков был грамотным и требовательным военачальником — достойным преемником Даниила Ефимовича Красильникова.

После создания Северного оборонительного района Жуков некоторое время был заместителем командующего, а затем перешел в одну из дивизий 26-й армии. В 1944 году Георгий Андреевич в звании генерал-майора командовал корпусом во время наступления на Петсамо. Позже он со своим корпусом сражался в Восточной Пруссии под началом маршала Рокоссовского.

О себе

Назначение на должность комиссара Мурманского укрепрайона я получил осенью 1940 года. По партийному стажу, сроку военной службы я был старше Красильникова и Жукова и по мере сил старался оказывать на них партийное влияние.

На военной службе я находился с февраля 1915 года. В декабре 1917 года добровольно вступил в Красную гвардию. В 1918 году попал в плен к немцам, откуда дважды бежал. С начала 1919 до конца 1920 года — на врангелевском фронте, а с 1923 по 1929 год участвовал в борьбе с басмачами на Туркестанском фронте. С декабря 1921 года и до ухода в отставку по болезни прошел все ступени политработы: был секретарем ротной парторганизации, политруком роты, секретарем партбюро полка, работником политотдела дивизии, комиссаром полка, инструктором

и инспектором Политуправлений фронта. Бывал в Германии и на Дальнем Востоке, в крепости Кушка и на Рыбачьем. Награжден орденом Ленина, орденом Красной Звезды, медалями. Таков мой жизненный и военный путь.

В декабре 1937 года я был исключен из партии «за либеральное отношение к врагам народа». После январского Пленума ЦК ВКП(б) 1938 года решение первичной партийной организации было пересмотрено, и меня полностью реабилитировали. Были реабилитированы и люди, которых я поддерживал, голосовал против исключения их из партии как врагов народа. Все они были освобождены из заключения и восстановлены в партии без взысканий. Тем не менее последующая моя работа нередко рассматривалась с учетом моего «греха».

Правда, война не оставляла времени для горестных раздумий по этому поводу, и всякие личные обиды на ее грозном фоне казались мелочными и ненужными.

Командир 100-го погранотряда майор Калеников

Его роль была огромной, особенно в первые дни обороны Рыбачьего. Он как «старожил» постоянно информировал нас о специфике местности и давал много ценных рекомендаций. Перейдя в наше подчинение, погранотряд занял вторую линию обороны: в случае прорыва немцев вглубь отряд пограничников мог приостановить их продвижение. Кроме того, 100-й погранотряд регулярно выделял нам людей для разведывательных операций в тылу врага, а однажды 350 пограничников под командованием Каленикова совершили глубокий рейд по вражеским тылам. За успешные боевые действия Каленикову после этой операции присвоили звание полковника. Командовать 100-м отрядом Каленикова назначили после финской кампании, когда полуострова Рыбачий и Средний были воссоединены с территорией Советского Союза. До этого он

служил и на восточной, и на западной границах. Семья Каленикова осталась в Белоруссии и, очевидно, попала в оккупацию. Калеников очень переживал за судьбу жены и детей. С подчиненными он был строг, но никогда не повышал голоса. За каждого бойца болел душой и тяжело переносил потерю каждого пограничника. Павших в боях он старался непременно похоронить на «своем пограничном» кладбище в Больших Озерах.

Калеников, несомненно, был лучшим из командиров всех подчиненных нам частей...

СЕВЕРНЫЙ ОБОРОНИТЕЛЬНЫЙ РАЙОН

(июль 1942 — сентябрь 1943)

В 1942 году приказом Народного Комиссара Военно-Морского Флота СССР я был назначен на должность командующего Северным оборонительным районом. Вечером 15 июля я прибыл на катере в Полярное — главную базу Северного флота. Находившийся на пирсе адъютант командующего флотом пригласил меня к вице-адмиралу Арсению Григорьевичу Головки.

Командующий флотом, совсем еще молодой человек, выслушав рапорт о прибытии, сразу же завел разговор о моей новой службе. Немного картавя, он подробно рассказывал о военном значении Рыбачьего и Среднего:

— Главная ваша задача, — говорил командующий, — сделать все для того, чтобы удержать полуострова. Мы располагаем данными, что фашистское командование готовит наступление на Мурманск и намерено высадить десант на Рыбачий и Средний. Три дня назад Ставка возложила на Северный флот всю ответственность за оборону полуостровов. Так что вступайте в командование как можно быстрее.

— Наш флот, — продолжал Головки, — не только поддерживает правый фланг Карельского фронта, но и обеспечивает безопасность морских перевозок по ленд-лизу. У нас на полуостровах вполне достаточно сил, чтобы отразить любой десант. Кроме того, вы не одиноки: флот поможет всеми наличными силами. Но главная роль все же за вами. Желаю успеха. Катер вас ждет.

«Морской охотник», действительно, в полной готовности стоял у причала, и у меня в распоряжении было всего несколько минут для визита к члену Военного совета флота дивизионному комиссару Александру Андреевичу Николаеву и начальнику штаба флота контр-адмиралу Степану Григорьевичу Кучерову, которого я знал по совместной службе на Балтике.

...Катер отвалил от пирса. Только теперь я мог, наконец, осмотреться. В скале, близ пирса, видна массивная бронированная дверь — это вход на флагманский командный пункт. На Балтике, откуда я прибыл, штаб фронта не имел таких надежно защищенных командных пунктов, за исключением Кронштадта.

Выйдя из Кольского залива, катер повернул на запад. Время к полуночи, а светло как днем. Первый раз в жизни вижу ночью солнце. Правда, в Ленинграде тоже белые ночи, но они совсем короткие и сумеречные. А тут солнце даже не касалось горизонта. Совершенно фантастическая картина.

Впереди, справа по борту, открывается земля. Это полуостров Рыбачий. Командир катера объясняет мне, что мы пересекаем сейчас сухопутную линию фронта 14-й армии — фронт проходит по восточному берегу реки Западная Лица. Но все мое внимание поглощает Рыбачий. Катер идет, прижимаясь к его угрюмым обрывистым берегам. На вершине одной из скал мыса Городецкого виден большой деревянный крест-веха, напоминающий скорее памятник погибшим морякам. Минуя мыс, входим в Мотовский залив.

Справа — наш берег, слева — берег, занятый противником. Командир катера докладывает, что здесь, на мысе Пикшуев, гитлеровцы установили артиллерийскую батарею, несколько минометов и обстреливают входящие в Мотовский залив корабли. Недавно крупнокалиберные минометы чуть не отправили на дно МО-135, перевозивший из Сайда-губы на Рыбачий 63-ю бригаду морской пехоты.

Чувствую, что командир не случайно завел разговор о батареях на Пикшуеве, видимо, решил подготовить меня на тот случай, если немцы вдруг начнут обстрел. Но все обошлось, и мы благополучно миновали Пикшуев. Берег Рыбачьего очень высок и горист — высадить десант здесь просто невозможно.

Справа показалась какая-то бухта.

— Что за бухта? — интересуюсь у командира катера.

— Эйна, — откликается тот.

Я узнаю от командира, что это единственная на южном побережье Рыбачьего губа, куда в основном и доставляются грузы для гарнизона полуостровов. Бухта небольшая, но глубокая. От небольшого причала в глубь полуострова идет дорога, по которой можно добраться до Среднего, а также в Вайтолахти и Цып-Наволоок. Мне, попавшему впервые в эти края, названия ровным счетом ничего не говорили, а расспрашивать подробнее командира катера я посчитал неудобным.

В Эйну не заходим — командиру приказано доставить меня в Западное Озерко. Что за озерко, да еще западное? Оказалось, это еще одна бухта и находится она неподалеку от линии фронта Северного оборонительного района.

Едва наш катер повернул в Озерко, как начался обстрел. Определяю по звуку — бьет четырехорудийная батарея среднего калибра. Командир увеличивает ход, и всплески от падающих снарядов остаются сзади. Однако через минуту снова гремят выстрелы, и впереди вырастают столбы воды. Катер снова делает зигзаг. А спустя некото-

рое время вступают в игру батареи Рыбачьего. Снаряды летят высоко, и я не вижу, куда они падают. Орудия гитлеровцев смолкли так неожиданно, что я, откровенно говоря, не мог понять почему. То ли их накрыли наши снаряды, то ли командир вывел катер из сектора видимости немецких наблюдателей. Так или иначе, но в день приезда на новое место службы мне пришлось сразу лично столкнуться с тяжелыми буднями Рыбачьего.

Причаливаем к небольшому пирсу. Благодарю за умелые действия командира катера, прощаюсь с командой.

На пирсе меня встречает полковник с петлицами пограничника. Он среднего роста, немного рябоват, с живыми пытливыми глазами, строг и подтянут. Это — комендант 23-го укрепленного района 14-й армии Карельского фронта полковник Георгий Андреевич Жуков. Рядом с ним — военком укрепрайона Михаил Григорьевич Васютин и несколько пограничников. Как только мы представились друг другу, я спросил у Жукова:

— Что это за батарея стреляла по катеру и часто ли это бывает?

— Четырехорудийная, стопятимиллиметровая. Бьет чуть не по каждому кораблю — для того немцы и поставили ее. Впрочем, — не без гордости добавил полковник, — цель для нас известная, пристрелянная, и сегодня вон как быстро замолкла.

— Из наших артиллеристов кто стрелял?

— Две стодвадцатидвухмиллиметровые батареи сто четвертого артполка.

— Скажите, полковник, а может эта немецкая батарея менять позицию? Полевая она или стационарная?

Жуков ответил не задумываясь:

— Полевая и менять позицию, конечно, может...

Командир катера попросил разрешения сразу же отправиться в обратный рейс. Теперь я с интересом ждал, откроет ли вражеская батарея огонь по катеру. Но она

молчала. Похоже было, что наши батареи, действительно, вывели ее из строя...

На старенькой «эмке» мы добрались по очень тряской, усыпанной галькой дороге до перешейка, соединявшего полуостров Средний с Рыбачьим, проехали его и вскоре оказались в расположении полевого походного госпиталя № 2215.

Здесь, в одной из землянок, жили временно Жуков и Васютин. Постоянные землянки командования, штаба и политотдела 23-го укрепленного района, теперь уже Северного оборонительного района, размещались на полуострове Средний. Полковник Жуков решил расширить и отремонтировать их. Все войска, штаб и политотдел укрепленного района, согласно решению Ставки Верховного Главнокомандования, остались в системе Северного оборонительного района, а Г. А. Жуков назначался моим заместителем по строевой части.

Спать не хотелось, и, поужинав, мы сели за работу. Надо было прежде всего ознакомиться с обстановкой на полуостровах.

Полковник Г. А. Жуков обстоятельно докладывал о положении дел. К 15 июля 1942 года на полуостровах находились следующие боевые части: 254-я бригада морской пехоты, переформированная из 135-го стрелкового полка и 14-й стрелковой дивизии 14-й армии Карельского фронта, 12-я бригада морской пехоты, доставленная на Рыбачий в двадцатых числах июня, 63-я бригада морской пехоты, прибывшая сюда незадолго до моего приезда. Кроме того, в гарнизоне были три отдельных пулеметных батальона: 347-й, 348-й и 349-й (правильней бы назвать их пулеметно-артиллерийскими батальонами, так как они имели в своем составе много противотанковых 45-мм пушек), 104-й пушечный артиллерийский полк, состоявший из четырех дивизионов, 336-й отдельный батальон связи, 338-й отдельный саперный батальон, 343-й отдельный химический

батальон, полевой госпиталь, прачечный отряд, штаб, политотдел, управление тыла и даже целый взвод танков. В Северный оборонительный район входили также 113-й и 145-й отдельные дивизионы береговой артиллерии.

Да, на полуостровах было достаточно сил для успешной обороны и на суше, и при атаке с моря.

Совсем иначе обстояли дела с противовоздушной обороной. Зенитной артиллерии в СОРе по существу не было, если не считать двух батарей с 45-мм орудиями и несколькими 37-мм автоматами, прикрывавших от нападения с воздуха 221-ю и 147-ю батареи береговой артиллерии. На северо-западе Рыбачьего, в Цып-Наволоке, четыре 37-мм автомата прикрывали батарею № 231.

Такие зенитные силы практически не могли защитить укрепрайон от воздушных налетов. Немцы знали об этом и делали все, что хотели. Фашистские истребители охотились даже за отдельными автомашинами и подводами, расстреливая повозочных и лошадей. Командир 221-й батареи Федор Мефодьевич Поночевный с горечью рассказал мне, что немцы перебили с воздуха всех свиней, которых выкармливали батареи.

Утром 20 июля 1942 года на глазах бойцов и командиров 12-й бригады, размещенной в центре Рыбачьего, немецкие истребители до обидного просто расправились с двумя нашими бомбардировщиками, которые летели без прикрытия на высоте трех-четырёх тысяч метров. Гитлеровские ME-109 напали всей оравой. Начался воздушный бой, а вернее избиение. Один наш самолет сразу же загорелся и стал падать. Второй самолет попытался набрать высоту и, сопровождаемый врагами, скрылся из наших глаз. Что было с ним дальше, неизвестно. В ту же минуту мы увидели, как из горящего самолета выпрыгнул сперва один, за ним второй летчик. Позже мы обнаружили труп первого пилота, а от второго нашли на земле только парашют с отрезанными стропами. В небе били наших, а внизу

более пяти тысяч человек — целая стрелковая бригада — скрипели зубами от бессилия, но ничем не могли помочь своим летчикам. У нас не было ни одного зенитного орудия, стрелявшего на такую высоту.

Невольно вспомнилась оборона балтийской военно-морской базы Ханко в 1941 году. 115 квадратных километров воздушного пространства охраняли двенадцать 76-мм зенитных батарей, а на нашем аэродроме стояли в полной готовности несколько самолетов истребителей. Ни финны, ни немцы не летали над базой так безнаказанно, как здесь.

А над Рыбачьим днем и ночью висел самолет-разведчик «фокке-вульф-189»: корректировал артогонь батарей, сообщал о всех целях, наводил истребители. Позднее на полуостровах появились зенитные батареи, стали базироваться истребители, и немцы как-то сразу потеряли былую «смелость». Но в первые месяцы защитникам Рыбачьего приходилось очень тяжело.

Для того, чтобы ознакомиться в общих чертах с положением дел в СОРе, мне хватило нескольких дней. Теперь надо было разобраться в деталях оперативно-тактического плана обороны. Решение, принятое командованием 23-го укрепрайона и утвержденное командующим 14-й армией, заключалось в следующем. Перешеек, соединяющий полуостров Средний с материком на шестикилометровом участке Кутовая—Казармы, обороняла 254-я морская стрелковая бригада. В распоряжение бригадного командования были приданы 349-й отдельный пульбат и два артдивизиона 104-го артиллерийского полка. Западную часть полуострова Средний, расположенную ближе всего к противнику и по рельефу наиболее доступную для высадки десанта, обороняла 63-я отдельная морская стрелковая бригада. Ей были приданы: 348-й отдельный пульбат, 113-й отдельный дивизион береговой артиллерии и один дивизион 104-го артполка. На Рыбачьем стояла 12-я морская стрелковая бригада, которая действовала совместно с 347-м отдельным

пульбатом, 145-м дивизионом береговой артиллерии и одним дивизионом 104-го артполка.

Я согласился с этим планом, но внес небольшое дополнение, решив, как в первые дни войны на Ханко, создать несколько боевых участков. Определяя границы этих участков, мы столкнулись с существенным недостатком в организации противодесантной обороны. Дело в том, что перешеек между полуостровами Средний и Рыбачий по существу не был защищен и противник, высадившись в западной части полуострова Средний, мог бы кратчайшим путем выйти к перешейку и отрезать наши части, занимавшие оборону по хребту Муста-Тунтури. Эту ошибку мы исправили: на перешейке, который включался во второй боевой участок, сразу же началось строительство фортификационных сооружений.

Всего было образовано три боевых участка: первый и второй — на полуострове Средний, а третий боевой участок — на Рыбачьем. Таким образом, каждый командир бригады становился командиром боевого участка.

18 июля 1942 года к нам прибыл новый начальник штаба Северного оборонительного района капитан 2 ранга Даниил Андреевич Туз, которого я знал по многолетней совместной службе на Балтике. А через пару дней мы встретили Бориса Михайловича Балева, нашего нового комиссара. М. Г. Васютин стал комиссаром 254-й бригады.

Даниил Андреевич рассказал мне и Балеvu много интересного. До назначения на Рыбачий он служил в Москве, в Главном Морском штабе, и был в курсе тех событий, которые предшествовали созданию Северного оборонительного района. Когда командующий Карельским фронтом генерал-лейтенант В. А. Фролов стал усиливать 23-й укрепрайон морскими бригадами, А. Г. Головкин сразу понял, что опасность грозит теперь не только полуостровам, но и главной базе флота. Адмирала заинтересовала организация в укрепрайоне противодесантной обороны. Вскоре

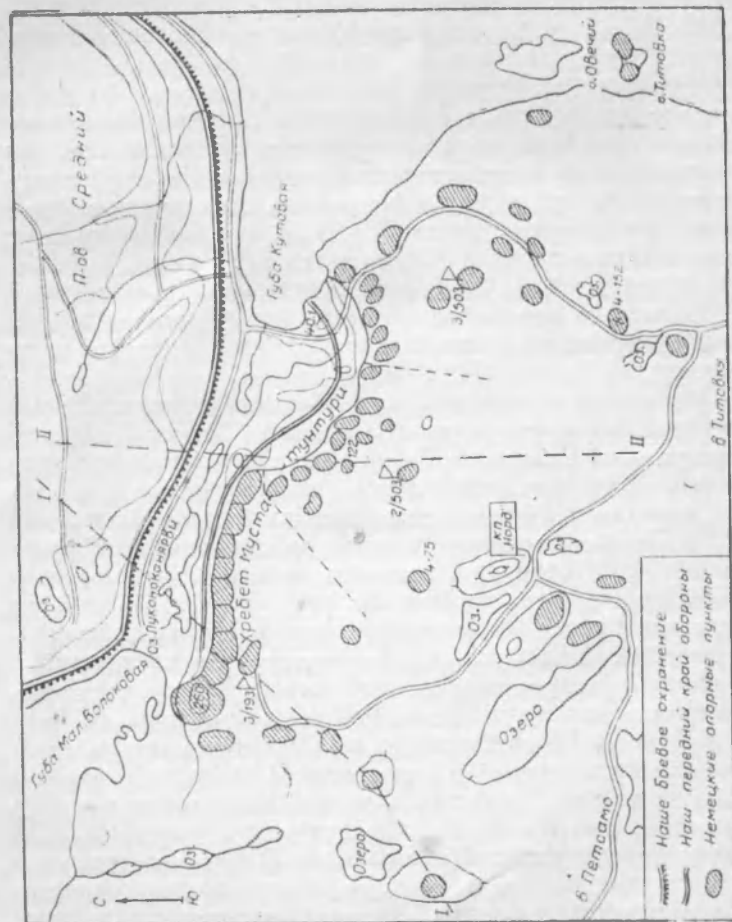

Схема немецких опорных пунктов на центральном участке фронта

он добился проведения совместного командно-штабного учения 23-го укрепрайона и флота. Маневры показали, что одно из наиболее важных условий успешного отражения десанта — объединение всех сил под общим командованием.

24 июня на разборе учения было принято самое правильное решение — объединить все силы, используемые для отражения десанта: авиацию, подводные лодки, надводные корабли и сухопутные войска, подчинив их командующему флотом.

Народный комиссар Военно-Морского Флота СССР адмирал флота Советского Союза Н. Г. Кузнецов поддержал эту идею, и 12 июля Ставка Верховного Главнокомандования возложила оборону полуостровов на Военный совет Северного флота. Флоту передавались все части и соединения 23-го укрепрайона. Так, в предвидении новых наступлений гитлеровцев, на правом фланге огромного фронта был создан надежный заслон — Северный оборонительный район.

С приездом начальника штаба работа пошла быстрее. Вскоре были отремонтированы помещения штаба, политотдела, и мы все перебрались на новые «квартиры». Я поселился в одной землянке с комиссаром.

31 июля 1942 года мы подписали первый приказ, в котором были определены границы боевых участков, поставлены боевые задачи соединениям и частям.

Оперативная обстановка на нашем участке фронта оставалась тревожной и требовала постоянной боевой готовности. Об этом все время напоминал и командующий флотом адмирал Головкин.

Я решил проверить состояние обороны на полуострове Средний, увидеть все своими глазами. Взяв с собой Балева и Жукова, поехал в боевые порядки 254-й отдельной морской стрелковой бригады, которой командовал подполковник Савелий Александрович Косатый.

К переднему краю нашей обороны тянулась грунтовая дорога, сплошь усыпанная галькой. 10 километров пути мы едва одолели за полчаса. Встречал нас командир бригады — молодой, но очень полный подполковник. Вместе с ним был и заместитель командира бригады по строевой части майор Антон Тимофеевич Лоханский.

Поднялись на командный пункт, расположенный на юго-восточном склоне господствующей высоты 342,0, в трех километрах от хребта Муста-Тунтури. Отсюда — прекрасный обзор во всех направлениях. Но вот от снарядов и мин КП — простая теплая землянка — защищал плохо. В это солнечное утро видимость была отличной. Взяли карту с нанесенной обстановкой, чтобы сравнить положение на местности.

Подполковник Косатый раньше командовал 135-м стрелковым полком, тем самым полком, который 30 июня 1941 года, взаимодействуя с батареями 104-го пушечного артиллерийского полка и кораблями Северного флота, остановил наступление горных егерей и встал, как вкопанный, на перешейке Кутовая—Казармы. Косатый, его заместитель майор Лоханский и начальник штаба бригады майор Андрей Леонидович Кильдяшов были участниками этих первых и самых ожесточенных боев.

Из доклада комбрига я узнал, что по северным склонам Муста-Тунтури проходит не передний край обороны, как я полагал, а линия боевого охранения — семь опорных пунктов. Таким образом, северные склоны занимали мы, южные — фашисты, всего 50—60 метров ничейной полосы, а в некоторых местах еще меньше, 25—30 метров. Здесь почти каждый день идут гранатные бои. Наши бойцы даже научились ругаться по-немецки, а немцы — по-русски.

Передний край нашей обороны, оказывается, отнесен на два — два с половиной километра к северу от Муста-Тунтури. Между боевым охранением и передним краем

лежит ровная, как стол, долина. Солдаты не зря зовут ее «долиной смерти» — она под открытым огнем всех видов оружия. В светлое время здесь никто не ходит, зато в темноту или туман по «долине смерти» снуют подносчики боезапасов и продовольствия, санитары выносят раненых и убитых.

Нам с Балевым не удалось попасть на линию боевого охранения. В полярный день дорога туда была закрыта. Целый батальон, затаившийся в опорных пунктах, жил старыми запасами, — их доставили еще в темное время.

Решили ознакомиться с положением на переднем крае. Два батальона бригады стояли в первом эшелоне, в следующем эшелоне находился третий батальон, уступом влево, перекрывая тем самым направление наиболее вероятного удара противника. 4-й батальон стоял в резерве. Боевые порядки мне понравились — сама местность требовала именно такого построения.

Осматривая огневые точки, окопы, дзоты, я сравнивал их с сооружениями на Ханко. Те же четыре километра сухопутной обороны, но какая огромная разница. Там, на Ханко, был лес; иногда приходилось даже вырубать деревья, чтобы расчистить сектор обстрела. Здесь — голая земля: лишь в долинах, на южных скатах сопков, можно встретить редкие карликовые березки.

В большинстве случаев на топливо шел торф, плавник. Огневые точки, землянки и укрытия бойцы делали из камня, укладывая его в стенки и проконопачивая торфом. Деревянными были только крыши, нары, скамейки и двери. Лес добывали в море, бойцы вылавливали каждое бревно, проплывающее близ берега. Любая деревяшка, извлеченная, порой с опасностью для жизни, из холодной воды, шла в дело. Иногда бревна и доски доставлялись нам с Большой земли.

Осенью встала острая проблема — где достать материал для строительства? Скоро зима, а личный состав

двух бригад до сих пор не устроен. На выручку пришел Военный совет флота — по нашей просьбе на Рыбачий стали присылать лесоматериалы в необходимых количествах.

Однако вернемся в боевые порядки 254-й бригады. После осмотра, когда мы сидели уже в землянке, я спросил комбрига:

— Каким силам противника противостоит ваша бригада?

Подполковник Косатый стал уверенно перечислять:

— 388-й пехотный полк, один батальон 137-го горноегерского полка и до полка артиллерии.

— А когда последний раз на вашем участке были взяты пленные?

Косатый смутился:

— Данные на 1 июля. Получены от штаба 14-й армии.

— Значит, с 1 июля вы не взяли ни одного «языка», чтобы проверить эти данные?

— Да, пленных мы не брали давно. Но как возьмешь их сейчас, в полярный день?

— А как вы думаете, мог за такой срок измениться состав войск противника? Посудите сами: в конце июня мы на виду у немцев перебросили по Мотовскому заливу в губу Эйна целую бригаду с артиллерией, автомобилями, повозками, лошадьми, в начале июля туда же направили еще одну бригаду. Мог противник обнаружить эти массовые перевозки? День-то полярный, круглые сутки светло.

— Не только мог, обязан был обнаружить.

— Следовательно, — продолжал я, — противник догадывается, что мы готовимся к чему-то. А раз так, то и нам надо предположить, что немцы либо сменили свои части, либо усилили их. Стало быть, необходимо наладить как следует разведку. Полярный день кончается. Готовьте разведчиков и тщательно наблюдайте за противником. Это вам боевая задача.

Вскоре после этого разговора мне сообщили, что на участке 254-й бригады резко активизировались боевые действия. В ночь на 2 августа, обнаружив оживление на нашем переднем крае, немцы открыли сильный артиллерийский и минометный огонь по боевому охранению. Они выпустили до тысячи снарядов и мин, применили дымовые завесы. Видимо, готовились к атаке. И точно — в ту же ночь две роты противника напали на наше боевое охранение в районе высоты 122. Завязался гранатный бой. Батареи 104-го артполка стали вести заградительный огонь, не давая противнику возможности подтянуть резервы. Гитлеровцы потеряли не менее роты и были отброшены. Наши потери: четверо убитых и семнадцать раненых. Этот бой еще раз подтвердил стойкость бойцов бывшего 135-го стрелкового полка. Они дрались так же храбро, как и год назад.

Но 254-й бригаде надо было в конце концов и самой искать брешь в обороне противника, чтобы взять «языка». 11 августа на рассвете взвод разведки пытался на сопке Малые Тунтури захватить в плен группу немцев. Однако, потеряв несколько человек убитыми, фашисты сумели скрыться. Странная закономерность: почувствовав малейшую угрозу плена, фашисты стремительно убегали. Вывод можно было сделать один: гитлеровская пропаганда запугивала своих солдат ужасами плена.

Утром 15 августа усиленная рота 3-го батальона бригады провела разведку боем, вклинилась в глубину боевого охранения противника и заняла три дзота, четыре окопа и две землянки. Днем роту контратаковал целый батальон. После упорного боя наши стрелки отошли в исходное положение. Пленных опять не взяли, но доставили много солдатских книжек и медальонов. Все они принадлежали солдатам и унтер-офицерам 193-го пехотного полка. Разведотделение, возглавляемое майором Романовым, сделало вывод, что противник сменил свои части на перешейке и даже, может быть, усилил прежние. Нужно было

продолжать разведку, не спускать глаз с противника. Нужны были пленные, очень нужны.

На другой день, 16 августа, два наших взвода снова произвели разведку боем и, вклинившись опять в глубь вражеской обороны на южных скатах Муста-Тунтури, захватили переднюю траншею. Контратаки противника были отбиты — немцы опять потеряли почти целую роту. Однако на следующий день, 17 августа, наши разведчики снова были вынуждены отойти, не взяв никого в плен. Документы убитых подтверждали, что против нас действует 193-й пехотный полк и 1-й батальон 388-го пехотного полка. Значит, противник заметил наши перевозки и усилил войска.

Фашисты стали сбрасывать с самолетов в расположение гарнизона большое количество листовок, восхваляющих успехи гитлеровцев на Волге и Кавказе. Наши солдаты, не дожидаясь каких-либо указаний, собирали и сжигали их. Но политорганы и партийные организации СОРа усилили агитационную работу, разъясняя бойцам истинное положение на фронтах Великой Отечественной войны.

В составе 2-го боевого участка, который возглавляли командир 63-й бригады полковник Алексей Максимович Крылов и военком Борис Иванович Михайлович, действовал 113-й отдельный артдивизион майора П. Ф. Космачева. За несколько дней до моего приезда авиация противника совершила массированный налет на огневую позицию 221-й береговой батареи. Разобравшись с делами в 254-й бригаде, я поехал на эту батарею. Там увидел три старые 130-мм пушки, какие были на вооружении русского флота еще во время первой империалистической войны. Батарею установили, вероятно, в 1940 году, сразу же после финской кампании, в результате которой западные районы Рыбачьего и Среднего отошли к Советскому Союзу.

Пушки в общем-то были неплохие, но куда хуже, чем наши, советские, новой системы Б-13-Б. Стояли орудия в двориках на деревянных основаниях. Низкие, открытые сзади земляные брустверы плохо защищали от осколков. Приборов для управления стрельбой, по сути дела, не было: всего один незащищенный прожектор и один дальномер.

Батарея не шла ни в какое сравнение с батареями береговой обороны на Балтике. Обрадовало меня лишь то, что батарея была защищена от нападения авиации. Правда, четыре 45-мм зенитные пушки не отличались дальностью и высокой скоростью стрельбы, но все-таки это была защита. На Балтике я такой не встречал. Как доложил мне командир дивизиона Космачев, на северо-западе Рыбачьего, в районе мыса Вайтолахти, 147-я батарея береговой обороны тоже прикрывала свои позиции четырьмя зенитными орудиями.

Батарея № 221, которой командовал отличный артиллерист капитан Ф. М. Поночевный, блокировала огнем орудий вход в залив Петсамо-вуоно. Этот фьорд имел для противника важное значение. На севере Финляндии не было железной дороги, и снабжение германских войск шло морем. Порт Линахамари, оборудованный хорошими причалами, стал главной базой, которая обеспечивала всем необходимым горный корпус «Норвегия». Кроме того, в районе поселка Никель находились известные на весь мир рудники и никелевый завод, откуда через Петсамо и порт Линахамари немцы вывозили никель для своей военной промышленности. Таким образом, батарея Поночевного находилась на очень «жарком» месте, под особо пристальным вниманием противника. Батарею систематически обстреливали германские дальнобойные орудия, установленные на мысах Нумерониеми, Ристинниеми и в глубине Петсамо-вуоно. Против Поночевного действовало семь или восемь батарей крупного калибра. Кроме того, перед тем

как ввести в залив транспорты и десантные баржи, немцы, как правило, наносили по батарее Поночевного сильные бомбовые удары, пытаясь если не уничтожить ее, то хотя бы на время вывести из строя.

Уже с первых дней войны было ясно: одна батарея не обеспечит блокаду Петсамо-вуоно. Но в силу неизвестных мне причин никаких мер для усиления этого участка не принималось. Больше года батарея в одиночку дралась с противником на море и в воздухе. Только летом 1942 года, накануне создания Северного оборонительного района, 113-й арtdивизион получил, наконец, подкрепление. В середине июля поступила материальная часть новой трехорудийной 130-мм батареи № 140, которая была сюда переброшена из Мурманского укрепрайона. 8 августа эта батарея полностью вошла в строй. 13 августа на полуострове Средний была установлена еще одна трехорудийная 100-мм батарея, передислоцированная также из Мурманского укрепрайона. Теперь Петсамо-вуоно блокировала мощная группа батарей.

Полярный день уже кончился. Темные ночи становились все длиннее. Надо было вооружать артиллеристов техническими средствами для ночной стрельбы — в том числе прожекторами (221-я и 140-я батареи имели по одному прожектору). Как только прожектористы в поисках цели включали луч, немцы сразу же открывали огонь по яркой мишени. Надо было либо прекращать поиски, либо рисковать прожекторами. Батарейцы пробовали рисковать — но понесли потери. Основная часть прожектора — отражатель, сферическое зеркало диаметром полтора метра. Стоило крошечному осколку снаряда или камню попасть в отражатель, как батареи сразу «слепли».

По нашим настоятельным просьбам Военный совет флота принял решение усилить противовоздушную оборону СОРа и передал нам 112-й отдельный зенитный арtdивизион. 15 августа прибыла прожекторная рота этого

дивизиона. Я послал роту в распоряжение Космачева, чтобы использовать прожекторы на батареях, блокирующих Петсамо.

Я не знал ни одной батареи, ни на Балтике ни на Севере, которая бы в труднейших условиях так доблестно выполняла свою боевую задачу, как это делали 221-я и особенно 140-я батареи СОРа. Не знаю я, с чем сравнить и мужество артиллеристов 222-й, 99-й и 149-й зенитных батарей. Находясь рядом с береговыми орудиями, они под градом снарядов и авиабомб героически отражали налеты вражеской авиации. Надо прямо сказать, что зенитчики несли большие потери, чем артиллеристы-береговики, так как их укрытия были менее надежны.

В качестве иллюстрации хочу вспомнить о боях артиллеристов 113-го дивизиона. 21 июля 1942 года примерно в 18 часов батарея № 221 открывала огонь по транспортам противника, следовавшим под охраной двух тральщиков в Петсамо. Видимость была плохая, и суда успели проскочить в залив. Но артиллеристы, надо полагать, «всадили» в них пару тяжелых снарядов. В ответ гитлеровская авиация трижды бомбила 221-ю батарею. В налетах участвовало более 70 самолетов. Они сбросили около 80 крупных фугасных бомб весом в 250 и 500 килограммов. Было выведено из строя одно орудие, погиб весь орудийный расчет, в том числе комиссар батареи. Среди трех раненых бойцов оказался и командир 222-й батареи. Воспользовавшись бомбежкой, две быстроходные баржи гитлеровцев, сопровождаемые двумя сторожевиками и тральщиком, поставили дымовую завесу и спокойно прошли в Петсамо-вуоно. Батарея молчала, заваленная песком, камнями и осколками.

Я приехал туда сразу после налета. Вокруг батарей не было живого места. Все изрыто, исковеркано бомбами. После этого случая я настойчиво требовал, чтобы на этом участке установили зенитные батареи. Командующий

флотом немедленно прислал четырехорудийную батарею 37-мм автоматических пушек.

31 июля в 2 часа ночи три сторожевых катера под прикрытием дымзавесы попытались провести в Петсамо два больших танкера. Батарея № 221 открыла огонь по головному судну. В ответ на нее обрушились снаряды 105-мм батареи, дислоцировавшейся в Нумерониemi. А через несколько минут прилетели семь Ю-87 и два истребителя. Началась бомбежка. Орудия Поночевного продолжали стрелять — три снаряда угодили в танкер. Сторожевые корабли, взяв на буксир горящее судно, усилили дымовую завесу. Но Поночевный одним снарядом утопил сторожевик. Тем временем зенитные батареи № 222 и 99 вели огонь по самолетам: вскоре два «юнкерса», оставляя за собой шлейфы черного дыма, отделились от группы и пошли на снижение в направлении Петсамо. Так закончился этот славный для наших артиллеристов бой. Когда установили 140-ю батарею, ее командиром назначили капитана Поночевного, 221-й батареей стал командовать старший лейтенант Борис Васильевич Соболевский.

К сожалению, я не могу описать все наши успешные бои. Особенно удачным в блокаде Петсамо-вуоно был ноябрь 1942 года. Немцы усиленно завозили грузы, готовясь к зимней кампании, мы предпринимали контрмеры. В октябре 1942 года на Среднем вошла в строй теплопеленгаторная станция (ТПС). Поиски цели стали более эффективными. Сразу после того, как станция обнаруживала корабль противника, включались прожекторы, и батареи открывали огонь. Такие внезапные залпы были губительны для врага. Так, 3 ноября в 23 часа у самого входа в Петсамо-вуоно ТПС запеленговала фашистский транспорт водоизмещением до 10 тысяч тонн и сторожевой катер. Через 4 минуты после этого Поночевный повел по судам огонь с дистанции 80 кабельтовых. Немцы, как всегда бывало в таких случаях, попытались поразить прожекторы

и скрыться за дымзавесой. Но к 140-й уже присоединились остальные батареи дивизиона. И в 23 часа 32 минуты транспорт, получив три попадания, ушел ко дну.

Вечером 30 ноября теплопеленгаторная станция обнаружила в Варангер-фьорде на подходах к Петсамо-вуоно большой корабль. Прожекторы начали поиск. Противник не замедлил открыть по ним артогонь, но смог разбить только один прожектор. Теперь главное было не дать немцам времени на пристрелку. Прожекторов много, но включаются одновременно один-два. Лучи сразу осветили транспорт.

Заговорили орудия батареи. На вражеском судне вспыхнул пожар, затем послышался мощный взрыв, и транспорт затонул у входа в Петсамо.

А прожектористы «нащупали» уже новую цель — из Петсамо уходил большой транспорт. Видимо, командир судна хотел отойти на безопасную дистанцию, но не успел. Транспорт попал под обстрел батареи и, получив подряд несколько попаданий, загорелся. Орудия еще продолжали стрелять, когда мне позвонил по телефону командир дивизиона Космачев и доложил, что немецкие батареи открыли артогонь по своему транспорту. Горящее судно дрейфовало к мысу Вайтолахти, мимо полуострова Средний. И вдруг прожектористы заметили еще одну цель — к берегу Маттивуоно прижался громадный транспорт. Он уже миновал вход в Петсамо и крадучись полз дальше. Обманный маневр не удался. Несколько залпов — и транспорт затонул. В итоге боя три береговые батареи потопили три транспорта. Главный успех принадлежал артиллеристам Поночевного.

Все снабжение Северного оборонительного района шло из Кольского залива и с перевалочной базы, организованной начальником тыла флота адмиралом Николаем Павловичем Дубровиным в Порт-Владимире. Пунктами разгрузки техники, оружия, боезапасов, строительных материалов

и личного состава были на полуострове Рыбачий бухты Эйна и Озерко.

Самой неудобной и уязвимой летом 1942 года была Эйна. В темное время нашим мотоботам еще можно было прийти и ошвартоваться в этой бухте, а в светлое время противник, как говорят, не давал вздохнуть. Так, 19 и 20 июля батарея противника с мыса Пикшуев трижды обстреливала Эйну, где шла разгрузка прибывших мотоботов. Был ранен один боец. 24 июля вечером батарея в течение часа вела артогонь по причалу. На этот раз жертв не было, но разгрузку пришлось прекратить, прикрыть мотобот дымзавесой и отвести от причала.

В моей памяти сохранились и бомбежки беззащитной Эйны. В то время там дислоцировалась одна стрелковая рота 12-й бригады.

6 августа, около двенадцати часов дня, когда в Эйне разгружалась баржа с продовольствием, налетело двенадцать Ю-88. С высоты трех тысяч метров они сбросили более 25 крупных фугасных бомб. Осколками во многих местах пробило борт баржи. Солдаты и матросы бросились спасать продукты. Был убит один боец и ранено четыре. Вскоре противник нанес новый удар. Двенадцать «юнкерсов», четыре «мессершмитта», «хейнкель» сбросили 30 бомб, разрушили три небольших склада, убили одного бойца и одного ранили. Было обидно до слез — столько у нас сил, а мы беззащитны, как котята!

После этого налета мы стали еще настойчивее просить зенитные батареи.

На другой день, 7 августа, нам срочно прислали две батареи по четыре пушки 45-мм калибра. Одну из них, 206-ю, командующий флотом приказал установить в Эйне. На установку обеих батарей отводился очень жесткий срок — всего четверо суток. 11 августа все работы были закончены. Но оборонять основную базу снабжения в Эйне одной 45-мм батареей — дело трудное. Сконструированная

еще до войны 45-мм пушка предназначалась для установки на маленьких кораблях вроде катеров. Но затем вдруг она получила ничем не оправданное распространение: пушки стали использовать и как противокатерные, и как зенитные. Между тем для борьбы с самолетами «сорокапятка» была слабым оружием.

21 августа, в середине дня, при отличной видимости немецкая авиация снова налетела на Эйну, где в это время разгружались парусник «Венера» и мотобот, доставившие боезапас и продовольствие. 23 пикирующих бомбардировщика Ю-87 и 6 МЕ-109 сбросили на корабли и причал 70 фугасных бомб, ранили семь бойцов, убили двух лошадей, повредили мотобот и парусник, сожгли грузовую автомашину. На наше счастье, ни одна бомба не попала в боезапас.

206-я зенитная батарея отважно отбивала воздушные атаки. Но что могли сделать с армадой самолетов четыре маленькие пушки, имевшие примитивные прицелы и малую скорострельность? Официально мы донесли, что батареи рассеяли самолеты противника. Я опять засел за письмо командующему, где доказывал, что нам нужна настоящая зенитная артиллерия 76 или 85-миллиметрового калибра, оснащенная приборами управления огнем. Просил и мелкокалиберные автоматические пушки.

А пока надо было бороться с батареей на мысе Пикшуев, которая, как говорится, «сидела у нас в печенках» и упорно продолжала обстреливать Эйну. Дымзавесы не давали эффекта: причал был всего один, и немцы хорошо пристрелялись к нему. Строить второй причал не имело смысла: весь берег в районе Эйны был на виду у противника. В такой ситуации мы решили уничтожить пикшуевскую батарею. Но прежде следовало разведать обстановку.

29 июля два самолета ПЕ-2 произвели фотосъемку района Пикшуева и определили точное местонахождение батареи. Вместе с тем летчики установили, что батарея

находится в системе какого-то опорного пункта. Требовалось подтверждение наземной разведки.

В ночь на 31 августа разведгруппа 12-й морской стрелковой бригады под командованием старшего лейтенанта Н. И. Грачева высадилась на южный берег Мотовского залива. В темноте разведчики наткнулись на немцев и немедленно атаковали их. Схватили первых двух попавшихся гитлеровцев вместе с пулеметами и убили несколько солдат. Сколько было фашистов, установить не удалось, так как они разбежались. Старший лейтенант Грачев, решив, что задача выполнена — пленные взяты, потерь нет, — быстро отошел к берегу, где разведчиков поджидали мотоботы СОР-6 и два «малых охотника». В это время гитлеровцы открыли артиллерийский и минометный огонь по тому квадрату, где мы захватили пленных. Когда корабли с разведчиками отошли от берега, немцы перенесли огонь на них. Но тут же в бой вступили батареи 104-го арtpолка и заставили противника замолчать.

Пленные оказались из 2-й роты 67-го самокатного батальона 2-й горноегерской дивизии, оба ефрейторы. На допросе они рассказали, что батальон их обороняет побережье Мотовского залива с начала июня 1942 года. Одна усиленная рота держит опорный пункт на мысе Пикшуев, где кроме батареи 75-мм орудий сосредоточено много пулеметов и около десяти минометов. На Могильном — около 80 человек, два миномета, одно 75-мм орудие и большое число пулеметов.

Надо было начинать тщательную подготовку к более серьезной операции по захвату и уничтожению опорного пункта на мысе Пикшуев.

Отвечал за выполнение этого задания командир 12-й отдельной морской стрелковой бригады полковник Василий Васильевич Рассохин. О предстоящей операции его известили 6 сентября. На разработку задания и подготовку войск отводилось всего пять суток. Соблюдая скрыт-

ность, специально выделенный отряд под командованием майора Андрея Прохоровича Боровикова с 9 сентября проходил в районе губы Зубовка специальный курс подготовки. 10 сентября полковник Рассохин доложил план операции. Всего в отряде — 320 человек. Командир — майор Боровиков. Высадка в двух пунктах ночью 11 сентября. Соединяются группы в назначенное время, после чего наступают с тыла на опорный пункт противника и уничтожают его.

План Рассохина был утвержден.

В некоторых документах встречается утверждение, будто инициатива этой операции исходила от командования и штаба флота. Это неверно. И замысел, и план были наши — «соровские». Командующий флотом дал только разрешение и выделил для проведения операции катера и мотоботы.

10 сентября в наше распоряжение прибыли необходимые плавсредства, в том числе три катера: МО-121, МО-125 и МО-135. К этому времени закончилась переброска на Рыбачий 112-го отдельного дивизиона из двадцати 76-мм зенитных орудий. Это было более чем кстати — весь дивизион я решил поставить на оборону Эйны, именно здесь следовало ожидать во время операции массированных ударов с воздуха.

В ночь на 11 сентября катера и мотоботы, разделившись на две группы, покинули Эйну. Первая группа высадилась на берег, занятый противником, в 3 километрах к югу от мыса Пикшуев. В самом начале продвижения наши десантники напоролись на неизвестный опорный пункт противника и были встречены сильным ружейно-пулеметным огнем. После почти двухчасового боя опорный пункт немцев был уничтожен. Саперы взорвали шесть дзотов и два склада с боезапасом. Убито 52 фашиста. Пленных нет.

В этом бою убит комиссар роты Исаев.

Вторая группа автоматчиков высадилась в трех километрах западнее и, не встретив сопротивления, к трем часам ночи овладела высотой под кодовым названием «Картошка». Только теперь немцы, наконец, очнулись и открыли артогонь. Вражеская батарея, которую предстояло еще найти, неожиданно раскрыла свои координаты. Наша рота бросилась в стремительную атаку и, перебив прислугу, взорвала орудия.

В половине пятого утра обе группы соединились, повернули фронт на мыс Пикшуев и ударили с тыла по огневым точкам противника.

К 8 часам утра вражеский гарнизон был уничтожен. Отряд благополучно вернулся в Эйну. На счету десантников было 180 убитых солдат и офицеров. Среди 9 пленных оказались командир батареи — обер-лейтенант и его помощник обер-фельдфебель. Бойцы привезли богатые трофеи: оружие, боезапасы, метеорологическую и электрическую станции.

Наши потери — 18 убитых, 43 раненых.

Разведчики были уже дома, когда немцы, наконец, пришли в себя. В 11 часов утра девятнадцать «юнкерсов» под прикрытием четырнадцати истребителей налетели на Эйну. Но их неожиданно встретил сильный огонь зенитной артиллерии. Летчики в растерянности сбросили бомбы в Мотовский залив и... на мыс Пикшуев. В половине первого дня еще пять Ю-88, девять МЕ-110 и два МЕ-109 бомбили районы уже уничтоженных опорных пунктов. Похоже, противник и не знал, что творится на Пикшуеве. Это была очень успешная и во многом поучительная операция.

16 сентября командующий флотом поставил перед нами очередную боевую задачу: в ночь на 18 сентября уничтожить опорные пункты противника «Могильный» и «Обергоф». Об их месторасположении и вооружении рассказали на допросах пленные.

Признаюсь, нам с начальником штаба Д. А. Тузом это задание было не по душе. Немцы только накануне, именно в этом районе, потерпели сильное поражение. И, конечно же, предприняли меры в ожидании новых ударов. Мы считали, что надо немного повременить. Но приказ есть приказ. Мы должны выделить две десантные группы по 300 человек в каждой, 60 саперов и 50 разведчиков. Времени на подготовку не оставалось.

Я приказал командиру 63-й бригады полковнику Алексею Максимовичу Крылову и военкому бригады старшему батальонному комиссару Борису Ивановичу Михайловичу выделить необходимое количество людей и выполнить боевую задачу. Первая группа, составленная из двух стрелковых рот второго батальона и взвода саперов, должна была уничтожить опорный пункт на Могильном, вторая — опорный пункт «Обергоф», расположенный южнее Могильного.

Высадка началась неудачно. Сторожевой катер № 216, перевозивший первую группу, неожиданно сел на камни. Поднялся переполох, послышались испуганные крики. Немцы обнаружили катер и стали стрелять из минометов. Сразу же было ранено 17 человек. Но несмотря на сильный огонь, бойцы вплавь добирались до берега. Начался артиллерийский и минометный обстрел района высадки. В бой вынуждены были вступить батареи нашего 104-го полка. От задуманной внезапности не осталось ровным счетом ничего. Командир группы попытался было атаковать, но безуспешно. Во избежание напрасных потерь он отвел свой отряд к месту посадки и прибыл в Эйну.

Вторая группа высадилась незаметно для противника и действовала успешнее. Она наступала в глубь материка поротно, сохраняя большой интервал между ротами. Левofланговая рота автоматчиков обнаружила хорошо наезженную автодорогу — саперы тут же заминировали ее. Затем автоматчики встретились с шедшей нам навстречу ротой

немцев и, атаковав, уничтожили более 75 фашистских солдат и офицеров. Одного взяли в плен, остальные разбежались.

Рота разведчиков, наступавшая правее, наткнулась на опорный пункт, не смогла пройти сквозь сильный пулеметный огонь и вернулась назад. 3-я рота двигалась еще правей, не встречая никакого сопротивления. Обнаружив опорный пункт противника, наши бойцы захватили его, взорвали шестнадцать дзотов, три дота. Пятьдесят гитлеровцев остались лежать на месте боя. Выполнив задачу, разведчики по сигналу отошли на посадку и благополучно прибыли в Эйну. Таким образом, опорный пункт «Обергоф» был уничтожен. Общими результатами мы остались довольны. Хотелось, правда, большего успеха, но ничего не поделаешь: неудача СК-216 подвела нас. На войне как на войне: часто пустячный промах приводит к неожиданным и тяжелым последствиям.

Странно, но противник не предпринимал в этот день ни одной воздушной атаки. То ли ему мешали наши истребители, то ли секрет был в чем-то другом. В середине дня прилетели семь ME-110, однако сразу же, как по команде, повернули обратно.

Зато 22 сентября, на четвертый день после боя, гитлеровцы нанесли сильный удар по Эйне. Днем, в полную видимость, 27 «юнкерсов» в сопровождении 8 «мессершмиттов» сбросили множество бомб, разрушили причал, разбили два зенитных пулемета, сожгли три бочки с бензином. Погибло 7 наших бойцов. Зенитчики 112-го дивизиона сбили два «юнкерса». Один сгорел в воздухе, развалившись на куски, второй упал на мыс Пикшуев. Кончилось господство немцев в воздухе.

25 сентября произошла смена бригад. 254-я бригада, оборонявшая хребет Муста-Тунтури, была в боях почти полтора года и нуждалась в отдыхе. Ее место заняла 63-я бригада, 254-я перешла на 2-й боевой участок. Смена

частей прошла благополучно. А уже на следующую ночь воины 63-й бригады приняли боевое крещение на Муста-Тунтури. Гитлеровцы атаковали наш батальон, только накануне занявший посты у пулеметов и противотанковых орудий. Но «новички» не дрогнули, и немцы были отбиты.

Этот бой показал, что, занимая небольшую высоту под названием «Яйцо» в районе губы Кутовая, противник в случае наступления может доставить нам крупные неприятности, беспрепятственно поливая с этой высоты огнем наш левый фланг. Кроме того, отсюда просматривались все подходы к нашему боевому охранению на левом фланге.

Командир 63-й бригады полковник Алексей Максимович Крылов запросил разрешения взять высоту «Яйцо». Получив добро, он выделил для штурма одну роту, усиленную взводом разведчиков. Командовать группой поручили капитану Александру Яковлевичу Юневичу, который по всем своим данным подходил для столь рискованного и сложного дела: был смел, тактически грамотен, умел в опасную минуту увлечь за собой бойцов. К 21 часу рота сосредоточилась в районе высоты 47,6 и в 22.30 под покровом темноты заняла исходный рубеж для атаки. Вслед за ней подошла саперная рота с инструментами и материалами: в случае успеха саперы должны были бы строить на высоте дзоты. Прибыл и взвод минометчиков. От командира 104-го артполка майора Н. И. Кавуна требовалось поддержать огнем наступление Юневича.

В 2 часа ночи 1 октября рота пошла на приступ высоты, с ходу преодолела проволочное заграждение и уничтожила четыре пулеметных дзота. Немецкие автоматчики, державшие оборону, бежали. «Яйцо» было захвачено без потерь. Саперная рота уже начала возводить на голой скале оборонительные сооружения, но гитлеровцы открыли артиллерийский и минометный огонь. Обстрел продолжался почти всю ночь. За полчаса до рассвета капитан Юневич отправил с высоты всех саперов и часть роты, а сам

остался со взводом автоматчиков. К 19 часам на северных и северо-западных склонах противостоящей высоты 109 заметили скопление гитлеровцев. Батареи 104-го артполка и минометный дивизион 63-й бригады в течение всего дня вели перестрелку с вражескими батареями и несколько раз принуждали их прекратить огонь. На высоте 109 было разрушено до 20 дзотов и огневых точек противника, от прямых попаданий снарядов взорвались два склада с боезапасом. Так прошел второй день. Юневич по-прежнему прочно удерживал занятую высоту.

На третью ночь был сильный туман. Капитан Юневич принял все меры, чтобы отразить внезапное нападение. Ранним утром противник, выпустив по высоте «Яйцо» более полутора тысяч снарядов и мин, перешел в контратаку. Начался ближний гранатный бой. В одном месте гитлеровцы уничтожили гранатами наш станковый пулемет вместе с расчетом. Второй расчет стал отходить к вершине. Однако автоматчики Юневича не только восстановили положение, но и отбили три последующие атаки врага, нанеся ему значительные потери.

Понесли потери и мы. К 8 часам утра на высоте «Яйцо» осталось всего 13 боеспособных стрелков, включая Юневича.

Командир бригады срочно направил подкрепление, но интенсивный артогонь заставил наших бойцов залечь и выжидать момент. С наступлением темноты подкрепление пришло на высоту. Санитары успели вынести всех раненых. Как доложил мне начальник медсанслужбы военврач 2 ранга Г. П. Ермаков, в медсанбат 63-й бригады доставили более ста наших раненых солдат.

В 11 часов утра 4 октября высота «Яйцо» снова подверглась массированному обстрелу. Немцы выпустили из орудий около полутора тысяч снарядов и мин. В 17 часов 30 минут рота гитлеровцев бросилась на штурм, но вскоре, понеся потери, отступила. Восемь часов вечера —

очередная атака отбита. Немцы залегли на южных скатах сопки и продолжают бой.

К Юневичу направлено новое подкрепление — свежая рота. С наступлением темноты гитлеровцы волнами накатывались на высоту: озлобленные и бессильные, они уже не считались с потерями. Тяжело приходилось и Юневичу. Саперам никак не удавалось построить защитные огневые сооружения: артогонь сметал все на пути. В 3 часа утра, когда была отбита четвертая атака гитлеровцев, на высоте остался лишь один взвод. Надо было или немедленно посылать подкрепление, или оставлять высоту. Я приказал Крылову выводить из-под огня защитников высоты: мы потеряли 41 убитого и 176 раненых. Противник за пять суток непрерывных боев потерял не менее 150 человек убитыми и не менее 300 ранеными. Немцы не преследовали наших бойцов, покидавших высоту, слишком измотал врага многодневный поединок.

Капитан Юневич и краснофлотцы 63-й бригады еще раз показали образцы отваги и высокой боевой выучки.

На юге шла великая Сталинградская битва. Мы, защищавшие правый фланг фронта, стремились не просто отстоять полуостров, но и перебить как можно больше фашистов, чтобы ни один полк, ни одна рота врага не попали отсюда под Сталинград и на Кавказ.

Во время боев за высоту «Яйцо» в 1 час ночи 5 октября 1942 года с катера МО-126 на берег противника в заливе Матти-вуоно была высажена разведгруппа из 14 человек. Возглавлял ее отчаянный храбрец политрук из 63-й бригады (я никак не могу вспомнить его фамилию). Перед разведгруппой стояла задача: зайти в тыл противника за высотой 388,9, выявить наличие войск, уточнить место штаба 193-го пехотного полка, систему охраны и, если удастся, взять «языка». Это было трудное дело, требовавшее храбрости, дерзости и большого солдатского умения. Трое суток прошли в напряженном ожидании. Командир

группы дал по радио только один сигнал, который означал, что разведчики достигли условленного места. Ждать стало легче. И вдруг в эфире — новый сигнал: «Противником обнаружен. Отхожу на место посадки». С наступлением темноты из Пумманок вышел катер МО-126. 10 октября, на пятые сутки пребывания разведгруппы в тылу врага, мы получили сообщение: «Разведчики уже на катере». Командир группы, грязный, небритый, оборванный, в окровавленном маскхалате явился на КП с докладом. Он заявил, что штаб найден, но того ли полка — неизвестно. Разведчики целый день наблюдали за всем, что происходило у здания штаба, следили за поведением солдат и при попытке захватить «языка» были обнаружены. Отходили с боем, потеряли шесть человек. Правда, немцев перебили значительно больше. По следу группы шел целый взвод.

Меня интересовало, не оставила ли группа своего «языка» немцам.

— Нет, — заверил меня командир. — Все шестеро убиты, сам проверял.

Разведку можно было считать успешной. Штаб обнаружен, подтверждены показания пленных, которых брали на этом участке, стало быть, можно высаживать большую группу и повторить в «миниатюре» пикшуевскую операцию. Однако решили выждать немного: во-первых, противник потревожен; во-вторых, меня не покидала мысль — а вдруг разведгруппа все же оставила раненого, и тот, попав к немцам, не выдержит допросов и расскажет о главной цели поиска?

К первому ноября закончили строительство нового командного пункта. Он размещался в скале, и теперь нам нестрашны бомбежки с воздуха. Стараниями начальника штаба Д. А. Туза и начальника связи СОРа подполковника Бабия на КП был создан отличный узел связи, соединивший нас со штабом флота, со всеми бригадами и даже батальонами СОРа. А рядом, в склонах сопок, вырыты

удобные землянки для жилья. Позднее появились столовая, баня, свой клуб. Все это за каких-то три-четыре месяца построила одна рота 338-го отдельного саперного батальона.

В середине ноября штаб 14-й армии запросил у штаба СОРа — не появлялся ли на нашем фронте 105-й горноегерский полк, неожиданно исчезнувший с Карельского фронта. Я приказал организовать поиски. Наши разведывательные группы захватили на разных участках несколько пленных, но они не знали ничего о местонахождении 105-го полка. Сообщили об этом штабу флота и штабу 14-й армии. Прошло недели две — новый запрос. Пришлось ответить: полка нет на нашем участке. После этого все на время успокоилось...

...Зима заканчивалась. Приближался полярный день. Вместе с начальником штаба решили — теперь в самую пору высаживать десант.

Если не удастся уничтожить штаб, то надо хотя бы добыть пленных офицеров и документы. Выполнение задания поручили командиру 63-й бригады.

Полковник А. М. Крылов создал две группы: основная — 48 человек во главе с капитаном А. Я. Юневичем — должна напасть на штаб; вторая группа из 32 человек под командованием старшего лейтенанта Кравцова, прикрывая с тыла первую группу, в случае необходимости поможет ей. Кажется, продумали все до последней мелочи. В составе групп много коммунистов и комсомольцев, опытных бойцов, неоднократно участвовавших и в разведке, и в боях.

К вечеру 29 марта из Полярного пришли катера МО-116 и МО-134. Накануне я пригласил Юневича и Кравцова к себе в землянку и обстоятельно побеседовал с ними о предстоящей операции. Предупредил: главное условие успеха — скрытность и внезапность. Надо избегать больших боев, в случае чего — немедленно отходить к катерам. Если надо будет вызвать огонь батарей, подайте сигнал. Батарей

предупреждены. Рации и таблицы сигналов у обоих есть. Я пожелал командирам групп успеха, и мы попрощались.

Тогда не подозревал я, что вижу капитана Юневича в последний раз. Помню, как после боев за высоту «Яйцо» мы встретились с Юневичем на КП. Это был высокий, красивый мужчина в расцвете лет. Во время разговора я случайно посмотрел на его ноги и обомлел. На дворе октябрь, снег и холод, а на нем такие рваные сапоги, что из дыр портянки торчат. Заметив, что я разглядываю его обувь, Юневич покраснел и спрятал ноги под скамью. Потом смущаясь объяснил, что давно мог бы получить новые сапоги, но на складе нет 45-го размера. Вот он и ждет. Мне стало неловко: храбрец, герой бригады, капитан... и в рваных сапогах.

Была у меня в запасе пара хороших яловых сапог большого размера. Я собирался надевать их на свои обмороженные ноги с теплыми носками и двумя парами портянок. Намеревался, да так ни разу и не надел. Тут же я подарил сапоги Юневичу. Сначала он смутился, а затем лицо его просияло от нескрываемой радости.

29 марта 1943 года в 2 часа 45 минут обе группы были высажены на берег, занятый противником. Через два часа катера вернулись в Пумманки, и командиры доложили мне по телефону: высадка прошла успешно. Вторая группа сразу же захватила в плен двух егерей, шедших дозором вдоль телефонно-телеграфной линии. Старший лейтенант Кравцов приказал перерезать линию связи.

Неожиданно обе группы оказались в окружении. Помня мои наставления, оба командира попытались соединиться, но немцы сорвали этот замысел. Тогда Кравцов вызвал артиллерию. При этой поддержке дивизиона 104-го артиллерийского полка старший лейтенант сумел вывести свою группу. Но во время прорыва пленные куда-то исчезли, остались лишь их документы и нарукавные знаки отличия. Я приказал Юневичу вырываться из окружения и отходить к бере-

гу. Капитан ответил, что немцы сжали группу в плотном кольце и надежд на спасение очень мало.

В 22 часа «малые охотники» высадили на берег Маттивуоно роту автоматчиков, и через три часа, разбив немцев, теснявших отряд Кравцова к берегу, рота устремилась на выручку Юневичу. Но противник плотно блокировал подступы к нашему отряду. Я собирался отправить на помощь целый стрелковый батальон и уже приказал готовить катера. Но в это время мне принесли документы и значки убитых немецких солдат. Документы принадлежали горным егерям 105-го полка, того самого полка, который внезапно исчез с Карельского фронта. Наручные жетоны были знаками отличия за победу под Нарвиком. Выходит, немцы знали о готовящейся высадке и давно поджидали нас. Но откуда? И тут я вспомнил об октябрьском поиске разведгруппы. Во время боя командир мог посчитать мертвым потерявшего сознание раненого бойца.

Значит, Юневича окружают крупные силы врага и уже нельзя рисковать людьми. Пять катеров под артиллерийским и минометным огнем противника снимали с вражеского берега бойцов из второй группы и роты поддержки. Матросы не хотели уходить, упорно рвались на выручку Юневичу. Но пришлось подчиниться приказу. У меня остался последний выход: приказать командиру 12-й бригады повести демонстративные атаки на хребте Муста-Тунтури, чтобы отвлечь хотя бы часть немецких войск. 31 марта, ночью, мы сняли 132 человека. Группа Юневича продолжала сражаться, ей помогали три дивизиона 104-го полка.

На четвертые сутки боя Юневич сообщил по радио открытым текстом: «Открывайте огонь по мне. Скорее. Врагов много». Скрепя сердце я приказал исполнить последнюю просьбу героя. Отряд Юневича погиб.

Когда улучшилась погода, наши наблюдатели видели, как немцы собирали и грузили на носилки трупы своих солдат. Было убито не менее 150 гитлеровцев.

На шестые сутки через залив Матти-вуоно переплыл на бревне краснофлотец А. И. Бакин. Этот боец из группы Юневича, единственный, чудом остался в живых. Выглядел он ужасно: на спине зияла широкая штыковая рана, кровоподтеки на голове, обмороженные руки. Изможденный, худой, он напоминал мне людей блокадного Ленинграда.

На третьи сутки, придя в себя, Бакин рассказал, как отважно сражалась группа Юневича. Когда кончился боезапас, командир приказал искать оружие и патроны убитых немцев. Огонь батарей, который вызвал на себя Юневич, скосил десятки немецких солдат. После артналета появились егеря, стали выносить трупы своих солдат, наших раненых бойцов добивали штыками и прикладами. Получив штыковое ранение, Бакин притворился мертвым. С наступлением темноты, собрав остатки сил, он подполз к берегу, нашел бревно и на нем переплыл широкий залив.

Позднее мы узнали, что немцы сняли с фронта целый полк и полтора месяца держали его в засаде в ожидании крупного десанта. Юневич и его товарищи погибли, как герои. Эта тяжелая утрата многому научила нас.

С начала 1943 года Военный совет Северного флота поставил перед северным оборонительным районом новую задачу: усилить блокаду Петсамо-вуоно.

Мы стали значительно чаще обстреливать район причалов в Линахамари, полагая, что в темную полярную ночь мелким группам кораблей, особенно быстроходным десантным баржам, удастся проскользнуть в Петсамо. Ведь не могли же немцы оставить без снабжения свои войска на Западной Лице.

Всякий раз, как только батарея Поночевного начинала обстрел Линахамари, на нее обрушивался огонь нескольких немецких батарей и авиации. Да, наши снаряды явно мешали противнику.

День 1-й. 30 июня 1941 года. Бой в бухте Кутная.
Рис. Быстрыкова.

Оборона строится.
Рис. Лебедева.

Вечером 27 февраля 1943 года сравнительно небольшой транспорт, с очень низкой посадкой, окрашенный в черный цвет, прижимаясь к берегу, шел курсом на Петсамо. Около восьми часов вечера его засекла наша теплопеленгаторная станция. Но транспорт так сливался с берегом, что прожектористы никак не могли высветить его. Судно пробиралось в одиночку: фашисты рассчитывали на отличную маскировку и скрытность подхода. Наконец, в лучах прожектора вырисовались контуры транспорта. Он находился у самого входа в залив, еще 5—6 кабельтовых — мог бы скрыться от погони. Орудия Попочевского, Соболевского открыли огонь.

Немцы немедленно ударили по 140-й батарее, выпустили 140 снарядов, но так и не смогли помешать нашим артиллеристам: снаряды настигли транспорт, и он затонул у входа в Петсамо-вуоно.

Весной 1943 года блокаду Петсамо осуществляли не три береговые батареи, как раньше. В бухте Пумманки базировались два торпедных катера. Во время ночных поисков в Варангер-фьорде они наносили торпедные удары по кораблям противника. Причем охотились торпедники на дальних подходах к Петсамо-вуоно, чтобы не попасть в зону огня своих батарей. В Пумманках базировались и две подводные лодки типа «М». Северный оборонительный район уже располагал несколькими истребителями для прикрытия торпедных катеров. Позднее у нас на аэродроме базировалось несколько штурмовиков ИЛ-2. Усилилась и противовоздушная оборона района. 22 февраля на полуостров Средний прибыла четырехорудийная 76-мм зенитная батарея № 55, несколько позже — четырехорудийная 37-мм батарея № 255. Блокада Петсамо-вуоно стала еще плотнее.

В ночь на 8 апреля 113-й отдельный артдивизион одержал еще одну победу, потопив вышедший из Петсамо транспорт водоизмещением около десяти тысяч тонн. Но на этот раз и огонь немецких батарей был точнее обычного.

Тяжелый снаряд попал в одно из орудий 221-й батареи. Весь расчет выбыл из строя: трое артиллеристов убито, семеро ранено. Потребовалось десять суток, чтобы восстановить орудийный дворик и отремонтировать орудие.

18 апреля впервые торпедные катера и береговые батареи сражались в боевом взаимодействии. В час ночи транспорт противника пытался войти в залив Петсамо-вуоно, но был обнаружен дальномерным постом и наблюдателями 140-й батареи. Артиллеристы открыли огонь. Два снаряда попали в транспорт. Однако он успел отвернуть в сторону и скрылся в снежном заряде. Буквально через час два транспорта в сопровождении восьми сторожевых катеров покинули Петсамо. На выходе их обнаружили наши артиллеристы. Сторожевики поставили дымовую завесу, немцы стали обстреливать позиции 113-го дивизиона. Этой обстановкой умело воспользовались торпедники. Катер № 14 с дистанции 1,5 кабельтова поразил головной транспорт. Через семь секунд он выпустил вторую торпеду и попал в другой транспорт.

Катер № 13, отвлекавший на себя немецкие сторожевики, получил два попадания — снаряды разворотили рубку и корму. Но и после этого катер продолжал маневрировать. В половине четвертого утра оба катера благополучно ошвартовались в Пумманках.

Когда рассеялась дымзавеса, батарейцы добились оставшийся на плаву транспорт. Второе судно уже скрылось под водой.

Родина по достоинству оценила боевые заслуги артиллеристов-соровцев. 23 октября 1942 года стала Краснознаменной 221-я батарея, а 27 февраля 1943 года был награжден орденом Красного Знамени весь 113-й отдельный артиллерийский дивизион.

Я уехал на Тихоокеанский флот в конце сентября 1943 года, передав командование войсками СОРа генерал-лейтенанту Е. Т. Дубовцеву. Но и с берегов Японского мо-

ря продолжал внимательно следить за боевыми делами Северного района.

С этого плацдарма в 1944 году моряки Северного флота нанесли противнику сильнейший удар. Наши 12-я и 63-я бригады участвовали в боях за Петсамо и Киркенес. 12-я Краснознаменная бригада морской пехоты, 104-й Краснознаменный пушечно-артиллерийский полк и 113-й отдельный Краснознаменный артдивизион получили название Печенгских, а 63-я бригада — Киркенесской.

Герои Рыбачьего до сих пор в сердце моем.

г. Ленинград

С. КАБАНОВ,
бывший командующий

Северным оборонительным районом, генерал-лейтенант артиллерии

ДОЛГ ПЕРЕД РОДИНОЙ

В июне 1942 года мне, работнику оперативного управления Главного Морского штаба, поручили подготовить проект решения Ставки Верховного Главнокомандования о передаче обороны полуостровов Рыбачий и Средний в ведение Северного флота. Ставка располагала сведениями: гитлеровцы сосредоточивают войска и плавсредства для высадки десанта, чтобы нанести комбинированный удар с суши и моря и захватить полуострова.

Предстоящая борьба требовала тесного взаимодействия войск 23-го укрепрайона с кораблями и авиацией флота. Гарнизон полуостровов был полностью изолирован от командования 14-й армии, пополнялся и снабжался только морским путем. Назрела необходимость объединить силы, оборонявшие полуострова, под одним командованием. 12 июля 1942 года был сформирован Северный оборонительный район Северного флота.

Подобные боевые организации для обороны Одессы (ООР) и Севастополя (СОР) входили ранее в состав

Черноморского флота. Как показал опыт, такое соподчинение полностью оправдало себя.

На должность командующего оборонительным районом нарком Военно-Морского Флота назначил героя Ханко генерал-лейтенанта Кабанова, который в то время выполнял обязанности коменданта внутренней обороны Ленинграда.

В тот же день мне стало известно, что я назначаюсь начальником штаба этого района.

Гитлеровцы сосредоточили на Мурманском направлении 19-й горноегерский корпус, который участвовал в захвате северной Норвегии. «Герои Нарвика» накопили опыт боевых действий в горно-тундровой местности. 29 июня 1941 года после массированных налетов авиации немцы перешли в наступление против уступавших им по численности частей 14-й стрелковой дивизии.

Противник подтягивал силы для захвата Мурманска. У 14-й армии, державшей фронт по Западной Лице, еще не было подготовленных оборонительных рубежей и достаточных резервов. Создалась реальная угроза захвата Кольского залива.

Раньше флот помогал войскам 14-й армии только огнем корабельной артиллерии и ударами авиации; теперь появилась необходимость за счет личного состава флота усилить сухопутные части. В срочном порядке были сформированы отряды морской пехоты из моряков-добровольцев.

Для поддержки войск 14-й армии, начиная с 6 июля, командование флота неоднократно перебрасывало морской десант. К началу августа враг был остановлен — положение на фронте временно стабилизировалось.

8 сентября гитлеровцы предприняли новое наступление. В районе Западной Лицы завязались упорные бои. Наши части днем и ночью вели ожесточенные схватки с превосходящими силами противника. В конце сентября фашистские войска, понеся значительные потери, вынуждены были приостановить наступление на Мурманск.

В это время на Севере заканчивалось формирование 12-й бригады морской пехоты. 28 сентября 1941 года она прибыла в Полярное. О боевом оснащении бригады можно судить по одному факту: на пять с половиной тысяч человек было лишь 30 ручных и станковых пулеметов и четыре 45-мм орудия.

7 октября 1941 года Северный флот получил директиву Военного совета Карельского фронта, в которой указывалось, что противник готовится комбинированным ударом с суши и моря захватить полуострова Рыбачий и Средний. В этой обстановке флот подготовил для отражения вражеского десанта корабли, авиацию и береговые батареи. Был создан маневренный отряд морской пехоты, выставлены минные заграждения в местах высадки, в 23-й укрепрайон передали даже два случайно оказавшихся на флоте танка.

Однако противник не решился на высадку десанта.

В конце 1941 года 12-я бригада морской пехоты, поступив в распоряжение 14-й армии, перешла на сухопутный фронт. Там она воевала почти месяц. В последних числах января 1942 года бригада вернулась в район Полярного и стала усиленно готовиться к предстоящим десантным операциям.

Береговые артиллерийские батареи, расположенные на полуостровах, были сведены в 113-й отдельный артиллерийский дивизион.

Между тем противник наращивал силы для наступления. В марте 1942 года поступили сведения о том, что немцы усиленно концентрируют сухопутные войска, авиацию и десантные средства.

Чтобы опередить противника, командование Северного флота и 14-й армии решило провести операцию по окружению немецкой группировки в районе Большой Западной Лицы. 28 апреля 12-я бригада морской пехоты, почти не встретив сопротивления, высадилась на мысе Пикшуев и стала продвигаться вперед. Фашисты спешно перебросили

для борьбы с десантом часть своих войск. Тогда перешли в наступление воины нашей 14-й армии. Но, встретив сильное сопротивление, они не смогли добиться намеченной цели.

Немцы подтягивали резервы. Тем временем усилились морозы, задули метели, 12-я бригада, не подготовленная к затяжным боям в таких суровых условиях, стала отходить, теряя людей, — многие умирали от обморожения. К 10 мая, несмотря на усиленное пополнение, в батальонах осталось всего по 100—150 человек. Операция не удалась.

22 июня 1942 года 12-я бригада морской пехоты была переведена на полуостров Рыбачий в подчинение коменданта 23-го укрепрайона.

Решением Ставки от 28 июня 1942 года Северному флоту передавалась 63-я бригада морской пехоты, сформированная на Тихом океане и участвовавшая до этого в боях на Центральном фронте. К 10 июля вся бригада уже находилась на Рыбачьем.

Перед командованием Северного оборонительного района встал ряд неотложных задач. Необходимо было построить дороги, оборонительные сооружения, госпитальную базу, причальный фронт для разгрузки судов, прибывающих с боеприпасами и продовольствием, создать новые, более мощные артиллерийские батареи для блокады Петсамо, маневренную базу торпедных катеров, успеть к наступлению зимы разместить части.

Из всех строительных материалов на полуостровах в изобилии был только камень, а доставку грузов на Рыбачий «контролировала» немецкая артиллерия и авиация. Тем не менее экипажи наших вспомогательных судов и транспортов доставляли на Рыбачий лес и необходимые строительные материалы.

За короткий срок мы оборудовали передний край обороны с надежными укрытиями, построили целую систему оборонительных сооружений, причалы для торпедных ка-

теров, землянки и склады. Говоря о строительстве базы торпедных катеров, мне хочется вспомнить один случай. 23 февраля 1943 года с наблюдательного поста на мысе Земляном поступило сообщение: «Видим в море потерявший ход немецкий катер». Мы тотчас отправили на сейнере разведчиков, поручив им захватить катер. Каково же было наше удивление, когда разведчики привели на буксире цистерну для авиационного бензина. Она была в полной исправности, с набором необходимых трубопроводов и перекачивающих устройств. Решили подарить цистерну катерникам, выловившим ее. Затащили на берег, стали устанавливать на пирсе. И надо было такому случиться — в первый же налет авнабомба вдребезги разбила наш подарок.

Строительство, благодаря неиссякаемой энергии командующего районом и большой изобретательности инженерной службы во главе с инженер-полковником Д. Д. Корвяковым, шло быстро — полуострова превращались в настоящую крепость.

В это время мы активизировали действия на сухопутном участке фронта. Противник усиливал войска на Мурманском направлении. Нам надо было всячески сковывать силы немцев, вести разведку, охотиться за «языками». Иными словами, мы должны были не дать возможности врагу снять части с нашего участка для наступления на Мурманск.

В сентябре 1942 года отряд десантников уничтожил опорный пункт противника на мысе Пикшуев. В ходе операции было убито 180 вражеских солдат и офицеров, взорвано много дзотов, складов, орудий, минометов, захвачены 9 пленных и трофеи. Мы потеряли 24 человека убитыми, 37 бойцов получили ранения.

Вскоре после этого наши десантники высадились на южное побережье Мотовского залива для уничтожения опорных пунктов «Обергоф» и «Могильный». Однако внезапного удара не получилось. Противник встретил десант организованным огнем. Морякам удалось уничтожить 125

гитлеровцев, взорвать отдельные укрепления и склады противника, но поставленная задача так и не была выполнена. Потеряв 80 человек убитыми и ранеными, десантники под прикрытием авиации возвратились на свой берег.

Однако такие чувствительные «визиты» заставили немецкое командование усилить оборону побережья Мотовского залива.

Чтобы сковывать противника, наши части стали проявлять активность и на сухопутном фронте.

Батареи 113-го артдивизиона и торпедные катера срывали перевозки немецких грузов в Петсамо. В ответ противник обрушивал огонь батарей и бомбовые удары на позиции наших артиллеристов. От сплошного града снарядов местность вокруг наших батарей скорее напоминала поверхность луны, чем землю — ни одного живого клочка. В каждом бою дивизион терял по меньшей мере одно орудие. Артиллеристы вели себя храбро, стойко.

Прорываясь в Петсамо, противник обычно использовал такой прием. Транспортные суда и корабли охранения группировались в районе Киркенеса и выжидали момент, когда ветер будет дуть в направлении наших батарей. Затем самолет ставил дымовую завесу, прикрывавшую берег, из Петсамо выходили катера и уплотняли дымзавесу. В тот же момент в воздухе появлялись самолеты-пикировщики и выстраивались в круг для затяжной бомбежки наших батарей. К ним присоединялись немецкие береговые орудия. Под таким мощным прикрытием, в суматохе, транспорты противника продвигались к Петсамо.

Нейтрализация вражеских батарей была поручена 3-му дивизиону 104-го пушечно-артиллерийского полка, который располагался несколько южнее 113-го дивизиона.

Важную роль в блокаде Петсамо играли торпедные катера. Под покровом ночи они выходили в Варангер-фьорд на поиск и уничтожение транспортов и с рассветом возвращались на базу. Но нередко катерникам приходилось выпол-

нять боевые задания и днем. Тогда они забирались в глубь вражеской дымзавесы и, ориентируясь по вспышкам береговых орудий, выходили на боевой курс. По условному сигналу береговая артиллерия прекращала огонь, давая возможность катерникам атаковать обнаруженные суда.

Позже, когда на Рыбачьем стали постоянно базироваться самолеты, изменился и характер таких боев. Наши истребители перехватывали в воздухе пикировщики противника и помогали торпедным катерам, а штурмовики наносили удары по транспортам.

И все-таки на протяжении почти всей войны основной силой, обеспечивавшей блокаду Петсамо, была береговая артиллерия. 113-й дивизион стал гордостью всего флота. Его бойцы часто несли тяжелые потери, но даже в самой трудной ситуации не покидали своих постов, с большим умением вели бои и, как правило, выходили победителями.

Наступал 1943 год. На сухопутном участке нашего фронта продолжались боевые действия «местного масштаба»: разведгруппы бригад продолжали поиски и диверсии, батареи неусыпно следили за входом в Петсамо.

День 27 февраля принес нам радостное известие: за образцовое выполнение боевых заданий командования и проявленные при этом доблесть и мужество 12-я бригада морской пехоты и 113-й отдельный артиллерийский дивизион были награждены орденами Красного Знамени.

Полярный день затруднил доставку снабжения. Противник постоянно держал «на прицеле» наши суда. Тяжелые испытания вынесли экипажи транспортов «Пролетарий», «Ямал», «Революция» и других.

Летом 1943 года командование СОРа пришло к выводу, что для перевозки грузов на Рыбачий нецелесообразно использовать крупные транспорты. Отныне к нам стали направлять только малые суденышки, имевшие на борту зенитки. Распознав эту новую тактику, немцы стали чаще использовать истребители ME-109 и ФВ-190. Самолеты

несли пятисоткилограммовые бомбы, имели на вооружении мощные пушки и систематически наносили удары по нашим судам на переходе и у причалов. Началась воздушная блокада полуостровов. Правда, она не вызвала особо тяжелых последствий, так как за несколько зимних месяцев, благодаря энергичной работе тыла флота во главе с инженер-контр-адмиралом Н. П. Дубровиным, на полуострова поступили крупные запасы снарядов, продовольствия и другого снаряжения. Мы приняли ряд мер, чтобы наладить регулярное сообщение с госпитальной базой, запретили выходить судам в одиночку, установили на плавсредствах зенитные орудия. Это дало положительные результаты.

Вспомню один характерный случай. Вечером 22 мая 1943 года буксир с баржей под охраной двух катеров прошел вблизи бухты Эйна, курсом в Озерко. 8 истребителей противника напали на корабли. Через несколько минут появились наши истребители, начался воздушный бой. Немцы вызвали на помощь еще 20 истребителей. Прилетели и наши самолеты. Затем в борьбу включилась артиллерия противника, стараясь потопить баржу. Наши артиллеристы ответили огнем по немецким батареям. Тем временем катера и самолеты прикрыли наши суда дымзавесами. Бой закончился благополучно: буксир с баржей и катера охранения вошли в Озерко, а противник потерял 7 самолетов.

Надо сказать, что до появления у нас истребителей ЯК, способных успешно бороться с «мессершмиттами» и «фокке-вульфами», фашистская авиация постоянно досаждала нам и на море, и на суше. Наша зенитная артиллерия поначалу была малочисленной, и чтобы как-то ослабить силу ударов с воздуха, мы создавали для самолетов врага ложные цели. Поблизости от Рыбачьего находились два маленьких островка, куда изредка высаживались наши разведчики, чтобы обследовать выброшенные обломки транспортов. Вот на этих островах и решили мы выставить примитивную ма-

кетную систему, имитирующую нахождение там наших подразделений. Саперы оставили на островах несколько долгодействующих дымовых шашек, которые и привлекли внимание противника. В течение месяца гитлеровские самолеты исправно бомбили несуществующий на островах гарнизон.

А как мы обрадовались, когда получили ЯКи! Мне довелось наблюдать такой эпизод. Два немецких «мессера» свободно патрулировали над полуостровами, как вдруг появились два ЯКа. Сразу же выявилось преимущество наших самолетов. Немцы попытались ретироваться. Но не тут-то было. Один из «мессеров» врезался в воду, а второй задымил и пошел на снижение. Наши бойцы — свидетели боя — кричали «Ура!», бросали вверх шапки. Немецким асам был преподан отличный урок.

В течение лета продолжалась борьба за господство в небе. На полуостровах стали постоянно базироваться истребители и штурмовики, они наносили удары по транспортам противника, помогали торпедным катерам и морской пехоте.

На сухопутном участке продолжались разведывательные операции, а на море шла непрерывная борьба с конвоями противника.

К этому времени уже отремела битва на Орловско-Курской дуге, немцы были изгнаны за Днепр. Для наступления на нашем участке сил у противника не было, и он стал усиленно укреплять свою оборону. В расположении гитлеровцев производилось до 400 взрывов в сутки — немцы строили в скалах оборонительные сооружения. Тогда мы начали осуществлять тактику «вгрызания» в передний край противника. Во многих местах расстояние между постами боевого охранения составляло 50—70 м, причем немцы занимали вершины гор, а наши огневые точки располагались на склонах. Если сосредоточить в боевом охранении штурмовые подразделения, то под прикрытием дымовой завесы они

могли бы коротким броском захватить ту или другую огневую точку противника на вершине и, таким образом, значительно улучшить нашу позицию. В начале августа первый такой бросок был сделан, и в наших руках оказался дзот врага.

В сентябре штурмовые подразделения и разведгруппы усилили свои действия и, как бы соревнуясь между собою, лихо нападали на вражеские посты.

Высадка разведывательно-диверсионных групп на побережье противника позволила установить, что за лето свою оборону на южном берегу Мотовского залива противник отнес в глубь на 6—8 км, а участки берега, удобные для высадки десантов, заминировал.

22 сентября группа разведчиков 63-й бригады с помощью тросов поднялась на отвесную скалу хребта Муста-Тунтури для захвата пленных. Не замеченные противником, разведчики проделали проходы в проволочном заграждении, обнаружили выложенный из камня окоп, а в нем несколько фашистов. Наши ворвались в окоп, захватили одного пленного, остальных гитлеровцев уничтожили и возвратились без потерь.

В ночь на 24 сентября разведроты была высажена в районе мыса Пикшуев. Ядро отряда заняло оборону в районе разрушенного пункта немцев, а отдельные группы моряков стали продвигаться к огневым точкам, расположенным в глубине. Утром противник обнаружил эти группы и попытался их уничтожить, бросив в бой свежие силы. Но разведчики при поддержке артиллерии с нашего берега отбили все атаки и с наступлением темноты возвратились на полуострова.

Постоянные удары наших сил на сухопутном участке фронта не дали противнику возможности снять часть своих войск для переброски на юг. В сентябре против нас держали оборону два пехотных полка и два пулеметных батальона немцев.

Усилились боевые действия флота и на коммуникациях противника в Варангер-фьорде.

Наша авиация и торпедные катера причиняли врагу все больше неприятностей и бед. В ответ противник наносил по базе в Пумманках сильные удары с воздуха. Но к этому времени на аэродроме для наших самолетов были построены укрытия, и налеты авиации противника не достигали цели.

Осенью 1943 года немцы стали усиленно строить укрепления по всей линии нашего участка фронта. Разыгралась непогода. Дороги заметало снегом. Это сильно затруднило снабжение частей, оборонявших полуострова. Были случаи, когда бойцы на себе переносили продовольствие, так как автотранспорт стал на прикол.

Наступал 1944 год. На главных направлениях положение гитлеровской армии стало катастрофичным. На нашем участке противник не имел сил для активных действий. Мы же пока не имели преимуществ в силах, чтобы перейти в наступление. Поэтому боевые действия ограничивались поисками разведгрупп и минно-артиллерийскими обстрелами. Преимущество противника в авиации испарилось: в июле гитлеровцы произвели 291 налет на наши полуострова, в декабре — только 14. Теперь в воздухе господствовала авиация Северного флота.

На сухопутном участке фронта у противника появилось новое формирование — авиапехотный полк, созданный из подразделений, обслуживавших авиацию. Выходит, дела у гитлеровцев шли скверно, если пришлось подчищать резервы...

К осени 1944 года Финляндия вышла из войны. Ее правительство потребовало, чтобы все немецкие войска покинули территорию Финляндии. И без того непрочное положение гитлеровцев на Севере теперь резко ухудшилось.

Советское командование приступило к разработке плана освобождения Заполярья. Главный удар должны были

нанести войска 14-й армии. Северному флоту ставилась задача не допустить эвакуации немецких войск морем.

3 октября мы получили приказ командующего флотом. В нем были определены задачи СОРа в период наступления наших войск:

ближайшая — 63-й бригаде морской пехоты и приданным ей разведывательным ротам овладеть побережьем залива Матти-вуоно и выйти на фланг и в тыл противника на хребте Муста-Тунтури;

последующая — совместными действиями 12-й бригады с фронта и 63-й бригады с тыла при поддержке артиллерии и авиации прорвать и уничтожить оборону противника, перерезать дорогу Титовка — Пароваара, лишив гитлеровцев возможности отводить по ней свои войска.

К этому времени мы уже знали о приказе Гитлера удерживать Север во что бы то ни стало. Германии был жизненно необходим северный никель.

В ходе подготовки к операции части СОРа провели 90 разведывательных поисков, устроили 42 засады, установили точные координаты огневых точек и характер военно-инженерных сооружений на переднем крае противника.

7 октября в 8 часов после артиллерийской подготовки войска 14-й армии перешли в наступление и прорвали оборону противника на своем фронте. 8 октября 2-я горно-егерская дивизия стала отходить в направлении Луостари—Печенга, а 9 октября отступила и 6-я горно-егерская дивизия.

12-я бригада морской пехоты под командованием полковника В. В. Рассохина заняла исходное положение для атаки.

Днем 9 октября было зачитано воззвание Военного совета флота ко всему личному составу. Наши воины поклялись водрузить флаг на хребте Муста-Тунтури.

В губе Большая Волоковая, в Пумманках сосредоточивались торпедные катера, «малые охотники» для высадки

десанта 63-й бригады. Были сформированы три отряда под командованием капитанов 3 ранга Зюзина, Грицюка и капитана 2 ранга Алексеева. С наступлением темноты корабли произвели посадку и с интервалом в 45—50 минут отправлялись к вражескому берегу.

Противник обнаружил катера в тот момент, когда они один за другим проходили мимо Айновских островов. Проектора осветили водную поверхность, батареи открыли огонь. Но корабли, прикрываясь дымовыми завесами, продолжали движение. Первый отряд высадился за 20 минут, а высвободившиеся катера отошли мористее, чтобы прикрыть остальные десантные отряды.

Наступили самые напряженные минуты. Район высадки простреливался мощным артиллерийским огнем — бригада могла понести большие потери. В этой обстановке группа торпедных катеров под командованием Б. М. Ляха вынудила артиллерию Петсамо отвлечь внимание от десанта — катерники вступили в перестрелку с немецкими батареями. К 0 час. 50 мин. все десантники были уже на берегу. Мы потеряли 6 человек — одного убитого и пять раненых.

Вместе с первым отрядом морской пехоты высадился сводный разведывательный отряд под командованием капитана И. П. Барченко-Емельянова. Разведчики получили особое задание — захватить береговую батарею на мысе Крестовый, которая обстреливала всю акваторию залива Петсамо.

В 3 час. 30 мин. наша артиллерия нанесла удар по обороне противника на Муста-Тунтури. 209 орудий выпустили по фашистам 47 тысяч снарядов. Одновременно из Мотовского залива эскадренные миноносцы интенсивно обстреливали вражеские позиции в районе Титовки.

В пять поднялась пурга. Но стихия не остановила наших воинов — батальоны 12-й бригады двинулись на штурм хребта. Бой шел на коротких дистанциях, часто вместо гранат в ход пускались штыки.

К полудню погода улучшилась. 1-й и 2-й батальоны 12-й бригады, соединившись с 3-м батальоном 63-й бригады, прорвали оборону противника на Большом Муста-Тунтури. На вершине хребта гордо реял красный флаг.

Однако на восточном участке немцы удерживали свои позиции. На следующее утро части 12-й бригады совместно с пулеметными батальонами, полностью изгнав гитлеровцев с хребта Муста-Тунтури, повели наступление в южном направлении и на исходе дня вышли к дороге Титовка—Пароваара. Сюда же, преодолевая сопротивление врага, продвигались батальоны 63-й бригады.

К вечеру части СОРа оседлали дорогу Титовка—Пароваара. На сутки раньше запланированного срока..

За 6 дней наступления части морской пехоты прошли с боями 80 километров и уничтожили свыше 3000 гитлеровцев.

Потерпев поражение в районе Печенги, разбитые немецкие войска поспешно отступили к Киркенесу. Гарнизон Рыбачьего и Среднего выполнил свой долг перед Родиной.

Давно кончилась война. На Рыбачьем светят огни маяков, встречая мирные суда. Но там, на каменных кручах, находятся и могилы тысяч наших бойцов, погибших в схватке с фашистскими захватчиками.

Вечная им слава, вечная память живых!

г. Москва

Д. ТУЗ,
контр-адмирал запаса,
бывший начальник штаба
Северного оборонительного района Северного флота

В МЕРТВОЙ ДОЛИНЕ

Лейтенант Анатолий Бородин за эти сутки смертельно устал. Накануне вечером из фьордов Норвегии поплыл долгожданный туман. Как мутный паводок, он залил перешеек

между полуостровом Средний и материком, и лейтенант поднял на ноги свой отряд.

Передний край проходил над перешейком — от губы Кутовая до губы Малая Волоковая в Варяжском заливе. Напротив, на материке, от залива до залива угрюмой черной грядой, перевитой белыми полосами вечного снега, лежал хребет Муста-Тунтури. На его вершинах расположились немцы. У подножья этих гор, на гряде обрывистых скал держалось наше боевое охранение. Между передним краем и опорными пунктами простиралась Мертвая долина. Зимой снежные бури хоронили в ней людей. Летом всю ночь, как фонарь, торчало над ней солнце. Под бурным мхом громоздились обломки шифера и гранита, похожие на холмики могил; в неглубоких ложбинках стыла черная вода; голая каменистая долина была открыта вражескому огню. Но и зимой и летом матросы лейтенанта Бородина спускались в долину, доставляя своим товарищам в боевое охранение пищу и оружие. Туман облегчал эти походы: лейтенант доложил о нем на флагманский командный пункт на Рыбачьем и тотчас отправил в путь первую группу подносчиков.

К их возвращению лейтенант получил приказ помощника командира батальона — доставить на опорные пункты трехсуточный запас.

Туман уже рассеялся, однако и вторая группа прошла удачно. Хотя на обратном пути немцы и обстреляли ее, к исходу ночи все благополучно вернулись на сборный пункт, выполнив задание.

Лейтенант собирался уже отпустить людей на отдых, но утром начальник санитарной службы потребовал немедленно вынести из блокгауза в боевом охранении раненых для эвакуации в госпиталь. На этот раз лейтенант пошел сам.

За ночь солнце покинуло карнизы гор, перекаатилось за океан и вновь выплыло на востоке, за нашей спиной. Теперь

ясное утреннее солнце освещало Мертвую долину, оно било немцам в глаза, и противник, к счастью, не мог вести прицельный огонь.

Разгрузив на опорных пунктах термосы с горячим завтраком и мешки с гранатами, матросы взяли на плечи раненых и двинулись за лейтенантом в обратный путь.

Все было бы хорошо, не подведи Виноградов — новичок, только накануне присланный сюда с пакетом из трибунала. При первых же выстрелах он сбросил свою ношу и весь взмокший от пота предстал на сборном пункте перед лейтенантом и товарищами.

Рука лейтенанта невольно потянулась к кобуре. Он с трудом сдержал себя и отвернулся. Ему противно было смотреть в мокрое лицо этого рыжего малого.

Он скользнул взглядом поверх плеча Виноградова — там позади стояли матросы в ватниках, в ушанках. На многих головах — затвердевшие повязки. На Виноградова смотрели злые, беспощадные глаза.

— Значит, — процедил сквозь зубы лейтенант, — трусили?

— Струсил, — безвольно и равнодушно повторил Виноградов.

— Раненого товарища бросили? Знаете, что за это полагается?

Виноградов вяло смотрел в землю и качался, словно не мог найти в ней опоры.

Матросы двинулись к нему.

В круг протиснулся худощавый, такой же длинный, как и лейтенант, матрос — он только что бережно положил на носилки двоих раненых. Это был Степан Борцов, одесит, отчаянный и бывалый человек, известный тем, что однажды пролежал в Мертвой долине сутки без движения, обманывая снайпера: на спине у него был мешок с продовольствием, а он грыз землю и не шевелился, сутки не ел и все же перехитрил врага, потерявшего цель на однооб-

разном мшистом склоне. Борцову лейтенант поручил присматривать за новичком.

— Раненого я подобрал, товарищ лейтенант, — доложил Борцов.

— Подобрал? — резко повторил лейтенант. — Мне ваше геройство и так известно. Остановить надо было и заставить подняться.

— Виноват, товарищ лейтенант, — смутился Борцов. — Разрешите, я потренирую этого сачка. Может быть, из него хоть половина матроса выйдет?

— Давайте! Запомните, Виноградов, вы уже должны быть снова под трибуналом. Посмотрим, как сумеете испить свою вину. Можете идти.

Борцов вывел Виноградова из круга, и лейтенант услышал его шипящий голос: «Шоб ты, козявка рыжая, дурочку из себя не сочинял. Тут немало ребят крестил прокурор. А теперь отмечены наградами. Лейтенант за нас отвечает головой. Или ты хочешь узнать неприятный характер Степана Борцова?»

Вскоре лейтенанту доложили, что Борцов — в четвертый раз за сутки — взял груз и вместе с Виноградовым ушел на самый тяжелый опорный пункт, на пути к которому, помимо Мертвой долины, надо было преодолеть еще одно препятствие: по веревочному трапу влезть на абсолютно отвесную скалу.

Было пять часов дня, когда лейтенант, измученный событиями этих беспокойных суток, забрался в свою землянку и прилег на топчан; а в шесть его уже трясли за плечо, сквозь сон он слышал назойливый голос связного:

— Заряд... Заряд идет, товарищ лейтенант... Пурга...

Он спустил ноги с топчана.

В печурке гудел ветер. У окошка, выходящего прямо на скалистую землю, прижалась к стеклу полевая мышь — на ее шубке таяли хлопья свежего летнего снега.

Лейтенант надел ватник и вышел из землянки.

Со стороны Норвегии быстро надвигалось темное сетчатое облако пурги: оно росло над Варяжским заливом и вскоре должно было застлать всю Мертвую долину плотнее любой дымовой завесы.

Лейтенант потерял снегом лицо и прошел за высоту к землянке помощника командира батальона.

Там, в ложине, закрытой от противника склоном сопки, уже собирались матросы.

Помощник командира батальона, пожилой и грузный мужчина, распределял полные бугристые мешки, аккуратно разложенные на снегу.

— Вот что, архаровцы, — ворчал он, — мешки вернуть мне без дырок. Штопать некому...

— Дырки страшны не в мешках, а в термосах, — сердито сказал лейтенант.

Он пересчитал людей и приказал разобрать поклажу.

— Помните, товарищи, — вы несете врагу смерти! — заговорил вдруг лейтенант, стараясь не замечать хмурого помкомбата. — То, что у вас за спиной, нужно нашим товарищам, чтобы бить врага. Не донести — преступление. А уж бросить...

Ему надоела эта речь, но во внезапно оборванном напутствии прозвучала угроза.

Чтобы как-то сгладить неприятный финал, лейтенант хрипло спросил:

— Борцов вернулся?

— Нет, товарищ лейтенант.

— Поглядывайте по пути. Не попутал ли его этот...

По знаку лейтенанта все двинулись к исходному рубежу. У гребня сопки передние обождали отставших, и возникла колонна, подобная вьючному каравану в горах.

Лейтенант один поднялся на гребень сопки, последней перед спуском в Мертвую долину. Он окинул взглядом безмолвное пространство внизу и угрюмые отроги Муста-Тунтури, поднял руку и крикнул:

— Ну, друзья, поплыли...

Вслед за лейтенантом подносчики гуськом поднялись на гребень.

И тотчас на немецкой стороне, вдоль горной цепи, каскадом посыпались огоньки, и долину заволокло сизым дымом разрывов и подброшенным к небу подснежным мхом.

Над передним краем завязался огневой бой. С нашей стороны, сзади, из тылов, отдельно и экономно отвечали батареи полевой артиллерии и минометы; постепенно, впереди, к ним присоединился едва слышимый треск — опорные пункты боевого охранения открыли по противнику встречный огонь из автоматов и винтовок.

Колонна на гребне смешалась и исчезла. Она растаяла в зелени склона, в дыму, в снегу и в тумане надвигающейся пурги, как ныряющий в бурное море пловец. Люди бежали в долину не отстреливаясь, по двое, поодиночке, они то плашмя бросались на землю и становились обычным на местности бугорком, то снова вскакивали и бежали, бежали — либо в сторону, либо вперед. У каждого на пути было свое не раз проверенное укрытие, ложбинка или камушек, каждый по-своему петлял и чертил маршрут, и в этом проявлялось не только чутье человека, чувствующего себя мишенью, но и тонкое умение, искусство маневра, подобное маневру самолета в воздушном бою или корабля в морском сражении. Разница лишь в том, что, лавируя по открытой долине, никто из этих ребят не мог стрелять — они были безоружны.

Но на своих плечах и спинах они тоже несли врагу смерть.

Первые цепи пересекли долину и уже подходили к подножию скал, а на высоте возник силуэт следующей колонны.

Эта колонна, как и группа лейтенанта, тоже рассыпалась по долине, и трудно стало уследить за каждым подносчиком.

Все происходило в нарастающем темпе, как при психической атаке, очень темпераментной и настойчивой, когда атакующие идут и идут под прямой огонь. Только в атаке этой второй колонны было еще больше хитрости и выдумки. Рассыпавшись по долине, матросы запутали противника и рассеяли его внимание.

А вскоре над ними закружилась и завывала летняя пурга. Не зря на полуостровах этим людям дали ласковое морское имя «ботики», равняя их работу с действиями кораблей малого флота, с отвагой экипажей мотоботов, проникающих в любую погоду в самые опасные и глухие уголки моря. Именно мотоботы наиболее ловко проскакивали под огнем немецких батарей к Рыбачьему, доставляя те грузы, толлку которых несли в этот час на себе «ботики» в боевое охранение. Быть «ботиком» на переднем крае полуостровов считалось опаснее всего. Многие тут искупали всякие свои проступки и воинские прегрешения, возвращали утраченные звания, а то и получали ордена. За три ходки через Мертвую долину полагалось поощрение. В Заполярье каждый знал, что «ботик» — геройски храбрый человек. Ему приходится преодолевать два-три километра под плотным огнем. Навыученный, он идет под огонь не только в редкие часы туманов или снежных зарядов, но и при ясном летнем небе, пересекает долину по два и по три раза в день, сколько прикажет ему командир.

Мертвая долина вся была в огне. Заряд прошел, и над землей снова стояла ясная погода.

«Ботики» возвращались — кто в копоти, в зелени, в земле, кто перехваченный свежим, быстро темнеющим бинтом.

Лейтенант встречал их на сборном пункте. Каждый вручал ему расписку, полученную у старшин в боевом охранении взамен сданного груза.

Кроме официальных отметок, многие приносили оттуда, со скал, наспех написанные карандашом на обрывках газет-

ной бумаги слова благодарности «подносчикам жизни»; эти боевые характеристики они сдавали лейтенанту с напускным безразличием.

Борцова все еще не было.

Лейтенант запрашивал по телефону каждый из опорных пунктов.

Некоторые отвечали, что приходило много матросов с грузом, но был ли среди них Степан Борцов, трудно сказать. Из того опорного пункта, куда сразу он направился, сообщили, что еще днем Борцов приходил с каким-то веснушчатым парнем, но после того больше не появлялся.

Лейтенант спрашивал каждого возвратившегося матроса, не видел ли он Борцова в долине среди раненых.

Все утверждали, что в Мертвой долине никого нет.

«Ботики» разбрелись по землянкам.

Землянка лейтенанта всегда привлекала «боевой актив» — тех, кто уже делал второй десяток рейсов и, кроме дырок в мешках, беды не знал. Так сам собой возник этот своеобразный клуб храбрецов, где после удачного похода было дозволено петь песни и «травить» всякие морские побасенки.

И сейчас в землянке лейтенанта от тесноты стало темно и жарко. Люди, не спавшие вторые сутки, не склонны были отдыхать. Принесли гармонь, она попала в искусные руки, и под ее звуки кто-то затянул:

...После боя сердце просит
Музыки вдвойне...

Можно было подумать, будто все забыли о пропавшем товарище и, довольные тем, что вернулись сами, наслаждались теперь наступившим покоем.

Но это было не так.

Каждый телефонный звонок настораживал матросов. Они молча смотрели на лейтенанта.

Время от времени дверь землянки поскрипывала, появлялись «делегаты» от других землянок, в который раз спрашивали: «Не пришел?»

Лейтенант ждал утреннего часа, когда солнце снова будет бить противнику в глаза, чтобы послать на розыски.

И когда все истории уже были пересказаны, все песни перепеты и гармонист вернулся к той песне, с которой начали, закрипела дверь. На пороге стоял Борцов.

Он был весь в ссадинах, в грязи и еле держался на ногах.

За ним боком протиснулся Виноградов.

В землянке стало совсем тихо.

— Где пропадали? — спросил лейтенант.

— Тренировались, — хрипло произнес Борцов. — Сани разгружали. Те, что застряли там с весны...

— Целый воз? — сразу, хором спросили несколько человек.

Лейтенант поморщился.

— Так точно, товарищ лейтенант. Можете проверить...

Борцов протянул расписки старшин опорных пунктов на боевой груз с тяжелых саней, застрявших в Мертвой долине в полярную ночь.

Лейтенант, не взглянув на документы, отложил их в сторону на самодельный столик. Затем зло взглянул на Виноградова, отвернулся и спросил Борцова:

— А этот как?

— Товарищ лейтенант, — Виноградов, по-прежнему потный, сверкающий в темноте своими веснушками, выступил вперед, — стыдно мне, товарищ лейтенант, — он задыхался и говорил шепотом. — Стыдно. И страшно было... в первый раз, — он заплакал и прислонился к двери.

Никто не смотрел в его сторону.

— Спать-то вы сегодня будете, архаровцы?! — загудел покомбат. Никто не приметил его прихода.

Лейтенант обернулся, и дверь мгновенно захлопнулась.

Гармонист рванул что-то неразборчивое. Хотел было затянуть прежнюю песню, но не совладал с нею, бросил гармонь на койку и ушел.

Все молча разбрелись.

Борцов шагнул к печурке, хотел обогреться с дороги.

Лейтенант знаком подозвал его.

— Ну как? — тихо спросил он.

— Погода удачная, товарищ лейтенант, — лениво ответил Борцов. — Еще потренируем. Носить будет. Голову немножко подбирает — боится еще...

Они стояли посреди землянки. Борцов оглянулся на своего подопечного — тот, прислонясь к двери, все еще всхлипывал.

— Так что через месяц-другой, товарищ лейтенант, сможете ему подписать... Если не схватит шальную... Разрешите быть свободным?..

Он вышел из землянки, вытолкнув перед собой Виноградова.

г. Москва

Вл. РУДНЫЙ

УДИВИТЕЛЬНОЕ ДЕЛО — ПАМЯТЬ...

1. Мой первый бой

Удивительна человеческая память: как только услышу песню «Їхав козак на війноньку», то обязательно вспоминаю лица двух убитых солдат, которых мне пришлось хоронить на Рыбачьем.

Это было в сентябре 1941 года. Наш комендантский взвод охранял штаб 23-го укрепрайона и одновременно выполнял дела погребальные. В тот вечер после похорон и я не мог даже ужинать — отбило аппетит. Те двое стояли перед глазами: один худощавый, смуглый, со страдальчески полуоткрытым ртом, второй здоровенный, русоволосый,

со смирением на лице. Я и сейчас их вижу точно так же, как и четверть века назад.

Все дело тут в том, что был в нашем блиндаже патефон с разьединственной пластинкой о казаке, ехавшем на «війноньку». Крутили мы ее бесчисленное число раз. И когда вернулись с похорон, тоже поставили пластинку:

А серед поля
Гнаться тополя
Тай на козацьку могилу.

Что было на другой стороне надтреснутого диска, уже не помню.

А вот первый бой так сохранился в памяти, будто он был вчера, хоть случались в войну бои похлеще.

Наша полковая школа размещалась в двух больших землянках. Ни одного оконца. Освещение — керосиновая лампа без стекла. Отопление — железная печка. Топливо — что бог пошлет. Двухъярусные голые нары, приспособленные, чтобы спать, не раздеваясь, на любом боку. Если лечь плашмя — все равно соседи выжмут на ребро — тесно. Длинный стол для занятий и еды. Командиры по графику ведут уроки, а мы запоминаем все, что нам говорят. Записывать не на чем — нет бумаги.

Идет час политподготовки. Политрук Колодкин что-то рассказывает, а я, приткнувшись в темный угол, крепко засыпаю. И... вижу, как иду берегом речки, что протекает возле родной деревни Синобрилово, ухожу на фронт, меня провожает мать в черной шали на плечах. Идет тихо-тихо и молчит. Я говорю ей: «Хватит, мама, ступай домой». Она опять молчит...

Просыпаюсь от крика: «В ружье!» Оказывается, часовой у землянки увидел взмывшую над штабом красную ракету. Одеваемся, разбираем винтовки из пирамиды. И вот все уже на лыжах, построились.

Нам предстоит сдавать экзамены в настоящем бою. Около штаба получаем задачу — выбить немцев из укреплений на высоте 122.

В Заполярье в декабре не бывает светло. Идем в полутьме, при встречном метельном ветре. До передовой — километров двенадцать. Тяжело. Все в полушубках, да еще противогазы понадевали, а вдруг как немец газ применит. Во рту все пересохло уже на втором или третьем километре.

Каким будет исход боя, меня не тревожило. А вот мысль, будет ли страшно в первом бою, преследовала неотступно. Как будто надо было кому-то честно доложить: трус я или нет. Да кто ж знает? В мирное время пел «Если завтра война», «Врагу не уступят такие ребята, как я». И вот он, враг, рядом. Так страшно ли будет тебе, комсомолец Леднев?

Часа через два наш первый взвод подтянулся к переднему краю. Вижу у землянки часового:

— Дружище, попить бы!

Нам принесли целое ведро. Пьем через край, не думая ни о какой простуде. Потом лежим, распластавшись на снегу, в ожидании остальных. Метель продолжает бушевать.

Разместили всех по землянкам.

— Каша у нас осталась. Хотите? — предлагают хозяева.

— Давай!

Наелись, улеглись спать. И никаких снов!

Подъем. Лейтенант Лучкин на свой страх и риск приказал оставить противогазы и вещмешки. А вот курсанту Терещенко остаться не разрешил, хотя тот не мог идти — до крови стер ноги в тесных валенках.

Ребята жадно расхватывают из ящиков гранаты Ф-1, суют их в карманы, цепляют за ремень. Мы с Васей Кузьминым, бывшим сельским учителем, недоуменно смотрим на это «сверхвооружение», а потом сами начинаем подражать бывалым.

По рукам ходят сигарки. Один курит, другой ждет свою «затяжку». Я приложился, кажется, к четвертой, и опять хочется курить. Прошу у Гнедова. Гнедов — второй номер моего пулеметного расчета — возвышается над мной как статуя. Он недовольно бросает: «Ну прямо надоели! Леня завернуть, видите ли!»

Меня это ошарашивает. Дело ведь не в том, есть у тебя или нет махорка, — может быть, в последний раз курим. Сам я подавал недокуренную скрутку другому и был доволен, что по-братски поделился с товарищем. Мы же люди, и у нас одна судьба: «На, затянись, браток!»

А Гнедов держит в зубах свою трубку и никому! Из гигиенических соображений, что ли?

Гуськом идем в боевое охранение.

Ну и охранение! Землянки с дощатым накатом, припудренные сверху землей. Набиваемся до отказа. Многие расположились между снежными брустверами, у входа в землянки.

Враг, видимо, что-то почуял и открыл минометный и артиллерийский огонь. С нашей стороны — довольно редкие пушечные выстрелы. На полуострове батареям установили жесткий лимит — полснаряда в день на орудие.

Перед землянкой разрывается мина. Еще один взрыв за нами, позади. Кто-то спокойно комментирует: «Сделал вилку. Третьей миной в нас».

В ответ дружный хохот.

Успокаиваюсь и я. Немцы бьют, бьют, а у нас ни одного убитого или раненого!

Начало рассветать. В путь.

О, как тяжело, согнувшись, подниматься на вершину высоты. А у меня еще пулемет. Звонарев тащит коробки с дисками. Он старше меня вдвое. Коммунист со стажем.

«Тяжело, — говорит, — пойду как удобней».

Распрямляется в полный рост и идет. Делаю то же самое. Верно — легче. Идем, переглядываемся. Иногда

рядом пролетают пули. Те, что возле самого уха, как-то странно щелкают. Не понимаю, почему это так. Не думаю ни о страхе, ни о смерти. Просто иду и все. А теперь надо по команде броситься вперед. Вижу, как лейтенант Лучкин встает возле высокого камня и выхватывает пистолет:

— За Родину! За Сталина! Вперед!

С криком «Ура!» бросаются ребята вперед. Но через минуту поворачивают обратно. Атака захлебнулась. Кричат раненые. Пошли в ход гранаты. Позднее я понял: бывалые солдаты чуяли, что атака не выйдет — кишка тонка, потому-то и набирали побольше гранат для «компенсации» в гранатном бою.

Я решил переменить огневую позицию. Прошел шагов пять и вскрикнул — что-то ударило в правую ногу, выше колена. Больно, режет, а стою. «Раненые должны падать», — говорю себе и плюхаюсь на живот. Потом ползу и пристраиваюсь за камнем. Бью по немцам, поднимающимся из траншей. Возле самого моего лба о камень цокает пуля. Соображаю: «Снайпер нащупал, собака!» Меняю место. Слышу рядом голос командира: «Приказываю раненым сползать вниз!»

И такая меня досада взяла: не успел повоевать — а уже ползти вниз. Однако нога распухает, не гнется. Сумею ли своим ходом?

Подползаю к Гнедову — он рядом бьет из винтовки. Передаю ему пулемет.

«Смотри, снайпер работает!» — кричу ему. Но Гнедов невозмутимо берет пулемет, грузно налегает плечом на затыльник приклада и дает очередь. Через какое-то мгновение ему прямо в переносицу попадает пуля и он роняет голову.

Отползаю немного в сторону и вижу за большим валуном незнакомых ребят. Они ранены, но работают: торопливо вставляют запалы в гранаты. А у меня две здоровых руки! Подключаюсь к делу и я.

Вот и гранат не стало. Возле «максима» кто-то кричит, замысловато сквернословя — у бойцов не хватает пулеметных лент. Собираю целую кучу заряженных лент, подтаскиваю. Оглядывается на меня первый номер, пожилой пулеметчик и роняет: «Ого, живем!» Тут же, заметив, что я ранен, сердито бросает:

— Марш вниз!

Подтолкнулся руками и поехал вниз на собственном животе.

Пронесли мимо Терещенко. Его ударило осколком в живот. Просит пристрелить, слезно просит. Успокаивают: будешь еще жить. Но умер парень. Пронесли комиссара школы Юрецкого, его ранило разрывной пулей в спину. Меня догоняет курсант Кузнецов:

— Тебя куда? Ну это ладно. А меня в задницу, черт возьми!

Ковыляем к медсанбату. По дороге узнаем, что убит лейтенант Лучкин.

До того, как встретиться с Кузнецовым, я подобрал валявшийся возле убитого солдата большой сухарь.

— Давай перекусим, — предложил я, — и разломил сухарь пополам.

Поели. Закурили. Замечаем, что маскхалаты почернели и сами мы выглядим не чище. Возле землянок медсанбата бойкий старшина регистрирует прибывших и приказывает ложиться на сани.

Возница тронул лошадей. Под полозьями заскрипел снег. Кузнецов успевает мне сказать, что Звонареву осколком отрезало нижнюю челюсть вместе с языком. Потом добавляет: «А я ведь жрать здорово хочу. А ты?»

Не доезжая перешейка между Средним и Рыбачьим, возница остановил лошадей и убежал куда-то. Вскоре он вернулся и склонился над нами:

— Ребята, перекусите!

И дал по большому ломтю теплого ржаного хлеба.

Да ведь здесь пекарня, вспомнил я. Молодец, возница! Я откусил от душистого ломтя и начал жевать. И тут вдруг заплакал. Плачу и не могу удержаться.

— Думаешь, не понимаю я, — говорит Кузнецов, — не стесняйся, плачь.

Потом он как-то глухо и зло сказал:

— Ничего, выдюжим.

Сани-розвальни тянули однообразную скрипучую мелодию. Глаза закрывались сами собой в дреме.

Мой первый бой...

2. «Ботик» из 254-й бригады

Подносчиков боеприпасов и пищи в боевое охранение называли на Рыбачьем уменьшительно ласковым словом — «ботики».

В 1942 году я был свидетелем такого случая.

Один «ботик» — это был боец из 254-й бригады морской пехоты — возвращался из боевого охранения. Парень нес за плечами пустой термос. Не успел он пройти и десяти метров, как вражеский автоматчик длинной очередью прижал его к земле. Потом парень вскочил, пригибаясь, пробежал небольшое расстояние и снова распластался возле небольшого камня. Надо заметить, что все подходы к боевому охранению плотно простреливались гитлеровцами, занимавшими господствующие высоты, и «ботики» всегда подвергались смертельной опасности.

Когда парень упал в пятый или шестой раз, мы, свидетели этой сцены, поняли, что фашист, прежде чем убить подносчика, вздумал потешиться над ним, поиграть, как кошка с мышью. Ему, наверное, любо было смотреть, как русский солдат то и дело целует землю. Каждой автоматной очередью немец будто приказывал: «А ну-ка ложись!»

«Ботику», видимо, надоела эта игра. Парень встал, медленно распрямился, поправил на плечах ремни термоса, вытер рукавом бушлата пот со лба и пошел вниз. Вот

справа от него пули взбороздили снег, потом слева. А «ботик» словно и не замечал этого. Шел, чуть наклонившись вперед. И не ложился, не прятался.

Фашист перестал стрелять. То ли он перезаряжал автомат, то ли переползал на более удобное место, то ли опешил, растерялся, видя это удивительное презрение к смерти. Факт тот, что гитлеровец замолчал.

И тогда, словно опомнившись, вступили в «игру» мы: по прятавшемуся фашисту ударили автоматы и «максим». Я жалею, что не узнал тогда фамилии того солдата — «ботика», да, честно говоря, и не пытался сделать этого. Ведь подобные эпизоды были буднями Рыбачьего. И только сейчас через толщу двух с лишним десятилетий начинаешь осознавать, насколько героическими были те будни.

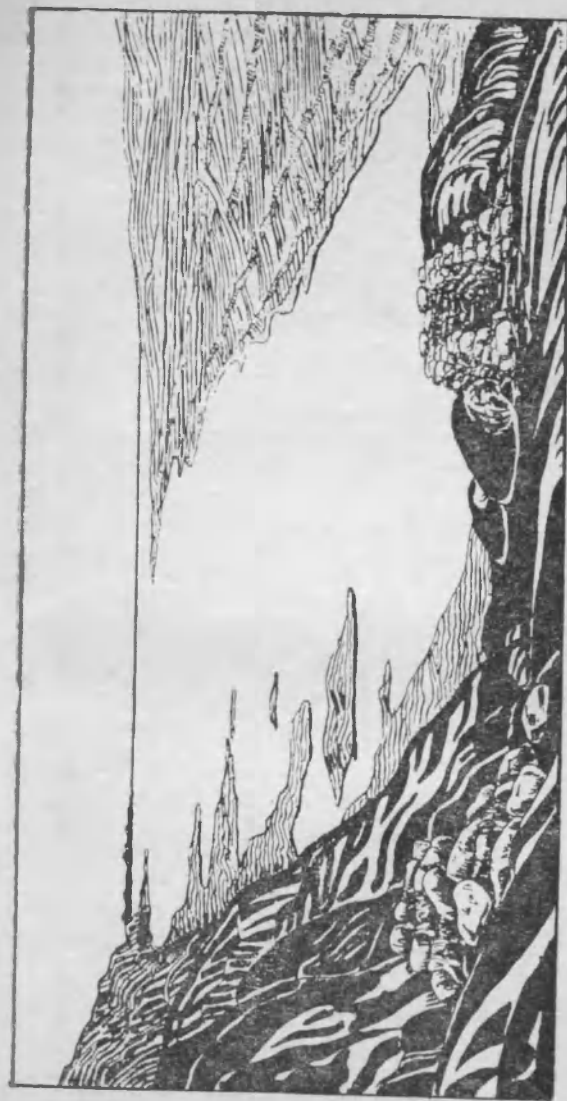
3. «Не твое — не бери»

А вот еще один случай, о котором целую неделю с хохотом рассказывали на всем переднем крае.

Высоту 40,1 морские пехотинцы заняли стремительно и тут же стали закрепляться на ней кто как сможет, главным образом, нагромождая перед собой камни. Обычно горные егеря не выдерживали ночных атак и покидали линию обороны. Зато на другой день они выстилали минометным огнем каждый метр отданной высоты. Понимая, что уцелеть в таком огне мало шансов, наши часто отходили, а егеря спокойно возвращались на прежний рубеж.

В этот раз случилось то же самое. Мы знали, что в конце концов придется отойти: уже двое суток на занятую высоту невозможно было доставить ни пищи, ни боеприпасов. Методичный огонь косил людей, выматывал нервы и силы.

Небольшое затишье наступило лишь на вторую ночь. Один из бойцов лежал за ручным пулеметом, выдвинувшись несколько вперед. Усталый, изможденный, он не за-

Губа Малая Волоковая. Вид с Большой сопки Муста-Тунтури.
Рис. Быстрыкова.

Дорога на Рыбачий.
Рис. Лебедев.

метил, как заснул. Ткнулся головой в холодный гранит и заснул.

А в это время к высотке подползал гитлеровец. Зачем его черт нес сюда? И как раз к тому месту, где спал пулеметчик. Заметив, что боец недвижим, егеря принял его за убитого. Взял пулемет на плечо и, пригнувшись, стал уходить.

Поднял наш боец голову, и сердце замерло: нет пулемета! Проспал! Позор! Преступление!

Он вскочил и увидел уходящего вора. В несколько прыжков догнал егеря, рывком сдернул с плеча пулемет и начал лупить фашиста, приговаривая: «Не твое — не бери!», «Не твое — не бери!»

Такого на войне, пожалуй, еще не бывало.

Вдруг немцы открыли автоматный огонь. Наши ребята ответили тем же. Пулеметчик и немец-воришка упали на землю и поползли каждый в свою сторону.

Узнавая об этой истории, защитники Рыбачьего — уставшие, голодные, злые — смеялись. Да, и на войне человек остается человеком!

4. Бомбы против чаек

Недалеко от Рыбачьего есть два островка — Пиени-Хейня-Саари и чуть мористее Исо-Хейня-Саари. Они так малы, что даже на картах-десятиверстках обозначены крохотными пятнышками. В войну их никто не занимал — островки эти не имели никакого военно-тактического значения. Раньше на Хейня-Саари стоял маяк, но фашисты его разрушили с воздуха в первые же дни войны.

Зато каждую весну на островах галдели птичьи базары. Сотни тысяч птиц прилетали сюда выводить потомство.

И кто-то высказал идею: недурно бы запастись яйцами морских чаек. Вот было бы подспорье к пайковым консервам и концентратам. Яйца у чайки крупные, не уступают гусиным, да и на вкус не хуже.

Начальство дало «добро», и мотобот, загруженный пустыми ящиками, отправился на Хейня-Саари.

«Охотники» не теряли времени даром. Они по-хозяйски укладывали яйца в тару вместе с сухой травой. Яиц столько, что «возить их — не перевозить».

Рейсы на благодатный остров стали регулярными. Мы ели яйца вкрутую и всмятку, поджаренные и сырые.

В штаб противника, видимо, поступали сообщения о непонятных визитах русских на ничейный остров. Дней через пять после первой нашей вылазки немецкий бомбардировщик сбросил на остров две бомбы.

Этот налет подсказал начальнику штаба СОРА Д. А. Тузу хорошую мысль: установить на острове ложную батарею. Пусть немцы проявят беспокойство, пусть «развлекаются» и тратят впустую бомбы. Так и сделали.

Враг клюнул на приманку. Что ни день — то налет для разгрома русской «батареи».

Потом прекратили бомбежки. То ли раскрыли обман, то ли посчитали, что уже уничтожили нашу батарею. Может, какой-то летчик даже награду получил. Не знаю. Но только жаль было птичьего царства. Что ни говори, а бомбы против гнездовий чаек — слишком солидное оружие.

г. Стерлитамак
Башкирской АССР

Е. ЛЕДНЕВ

КАК СРАЖАЛИСЬ ПОГРАНИЧНИКИ

Рыбачий и Средний... Дорогие, до боли в сердце близкие, но очень далекие от меня сейчас полуострова. Их не забыть никому из нас, защищавших Заполярье в годы Великой Отечественной...

Для меня холодные камни Рыбачьего — и сладкая грусть фронтовых воспоминаний, и острая печаль: ох как

много погибло в тех скалах моих товарищей пограничников...

Мое первое знакомство с полуостровами произошло в довоенном, 1940 году. Ранней весной, сразу по окончании финской кампании наши заставы были выдвинуты на охрану новых участков государственной границы. По советско-финскому договору три четверти территории Среднего и треть Рыбачьего отходили к Советскому Союзу, и нам, пограничникам, пришлось досконально изучать по существу незнакомую местность, заново осваивать приграничную полосу на стыке трех государств: СССР, Финляндии и Норвегии.

Непривычными были для нас и суровый климат Заполярья, и вид заснеженных сопок Муста-Тунтури, и ледяные волны моря, но мы, как это положено чекистам, старательно обживали границу, исправно несли свою службу. На Западе уже разгоралась война, а в Заполярье, в том числе и на Рыбачьем, внешне все выглядело спокойно. Связь работала четко во всех направлениях, однако никаких предупреждений о возможности вступления в войну Финляндии на стороне Германии мы не получали.

Штаб нашего 100-го погранотряда размещался в становище Озерко. Здесь же были сельсовет и почтовое отделение. Кроме русских жили на Рыбачьем финны и норвежцы.

Перед самой войной мы пресекли несколько попыток диверсантов проникнуть на территорию нашей страны. Особенно участились случаи нарушения границы после того, как гитлеровские войска захватили Северную Норвегию, причем шпионы и диверсанты, как правило, переправлялись по морю на катерах и лодках.

29 июня 1941 года гитлеровские дивизии перешли границу в Заполярье. Превосходящие силы противника сломили сопротивление трех застав нашего отряда. Две из них отступили вместе с войсками к Западной Лице, а застава № 6 после ожесточенного боя отошла на Средний. Здесь

все оставшиеся в живых пограничники соотоя отряда влились в состав 23-го укрепрайона. Когда линия фронта приблизилась к Муста-Тунтури, мы приступили к эвакуации своих семей, местных жителей и военного имущества. Все линейные заставы стянули к штабу погранотряда, оставив на местах только боевое охранение и посты наблюдения за морем. По образцу боевых порядков Красной Армии создали роты, взводы и стали выполнять все, что нам приказывало командование укрепрайона.

Не забывали и о границе. Погранпосты, превращенные в огневые точки, систематически докладывали о всех передвижениях и происшествиях. Несколько групп нарушителей были задержаны пограничниками уже в ходе боевых действий. Чаще всего это оказывались бежавшие из оккупации норвежские патриоты — участники сопротивления и простые рыбаки, которые не хотели подчиняться новым властям. Однако были среди нарушителей и явные недруги, ловко маскировавшиеся под беженцев.

В первые полтора года войны защитникам полуостровов приходилось очень трудно. Враг занимал господствующие высоты на Муста-Тунтури и обстреливал оттуда все, до чего могли «дотянуться» орудия. Не баловал Рыбачий и погодой. Частые снежные заряды, пронизывающие ветры усложняли не только боевые действия, но и саму солдатскую жизнь.

Даже в летние месяцы мы почти не снимали шинелей — давал знать себя Ледовитый океан. В полярную ночь у бойцов на позициях воспалялись от перенапряжения глаза. Иногда приходилось потуже затягивать ремни на животах, так как кроме ржаной муки, соли и молотого гороха припасов не оставалось. Когда подошел к концу фураж, стали забивать лошадей. Вся конина шла на котловое довольствие пограничников.

Будучи отрезанными от материка сплошной линией фронта, мы поначалу не имели полных, достоверных све-

дений о противнике. Сбор разведывательных данных командование укрепрайона чаще всего поручало нашим пограничникам, которые хорошо знали местность и прекрасно на ней ориентировались.

Самой первой отправилась в разведку за линию фронта группа политрука Свинцова. Выждав, когда начнется морской отлив, пограничники Свинцова по «обсушке» пробрались мимо вражеских постов в тыл немцев и тем же путем вернулись назад, доставив важные сведения.

Благодаря вылазкам разведчиков мы узнали о месте расположения нескольких артиллерийских позиций, наблюдательных постов и продовольственных складов противника. А вскоре командование укрепрайона получило точные сведения о действовавших против нас гитлеровских частях и подразделениях.

Всем, кто был на Рыбачьем и Среднем осенью 1941 года, наверняка запомнился дерзкий захват одной из важных сопкок на хребте Муста-Тунтури. Сделала это рота 100-го погранотряда под командованием капитана Хрявина.

К линии фронта пограничники подошли с тыла, незаметно для врага. Внезапная атака так ошеломила гитлеровцев, что они в панике скатились вниз, оставив важную высоту. Наша рота не понесла никаких потерь.

Тогда пограничники водрузили на сопке красный флаг, организовали круговую оборону и несколько часов удерживали сопку. Лишь бешеный артиллерийский и минометный огонь немцев заставил пограничников отступить. Наша артиллерия запоздала с поддержкой, и при отходе рота понесла тяжелые потери. Погиб отважный пограничник капитан Хрявин.

С большой теплотой вспоминаю я людей, с которыми пришлось воевать на Рыбачьем. Помню, как бесстрашно действовал в первые дни войны комендант 23-го укрепрайона полковник Д. Е. Красильников. Настоящими боевыми командирами были полковой комиссар П. А. Шабунин,

комиссар Д. И. Еремин, командир артдивизиона Н. И. Кавун.

В начале войны, когда нам больше приходилось отступать, не так-то легко было заслужить правительственную награду. И тем приятнее, что один из рядовых пограничников нашего сотога отряда повар Иван Немиров в самые первые месяцы войны был удостоен высшей награды Родины — ордена Ленина.

Подробности его подвига я узнал от бывшего пограничника Н. Ф. Абакумова, который воевал в Заполярье, встречался с Иваном, а после войны стал собирать материалы и документы об отважном воине-чекисте. Вот что пишет об этом сам Н. Ф. Абакумов:

«Иван Немиров, повар, служил на заставе недалеко от реки Титовка у Муста-Тунтури. Срок службы подходил к концу, и Немиров собирался домой.

Война!

29 июня 1941 года гитлеровцы перешли государственную границу, и застава, на которой служил Немиров, оказалась на острие удара горных егерей.

Тревога подняла заставу в 5 утра. Пограничники смело приняли бой. Немиров лежал за валуном и короткими очередями бил по нарушителям советской границы.

Во время боя начальник заставы лейтенант Голов приказал восьми бойцам в том числе и Немирову выдвинуться на высоту, где располагался постоянный наблюдательный пункт. Пограничники поднялись на сопку.

Немцы шли непринужденно, во весь рост. Так близко Немиров увидел врага впервые, и еще крепче прижал к плечу приклад. Пограничники открыли неожиданный огонь, расстреливая егерей почти в упор. Немцы залегли за валунами и ответили яростным огнем. Потом, перебегая от валуна к валуну, полезли вперед, к вершине. Враг постепенно сжимал кольцо вокруг пограничников. Первым опомнился Немиров,

— Эх, была не была! — бросив гранату, Иван рванулся вслед за ней и на ходу сбил прикладом немца...

Вместе с Немировым из окружения выбрались и трое его товарищей, в том числе ефрейтор Замятин и рядовой Голубцов.

Пограничники стали пробираться по скатам Муста-Тунтури. Перевалив через несколько сопки, четверка догнала своих отступавших товарищей.

— Где были? — сердито спросил начальник заставы.

— Выполняли ваш приказ, — ответил Немиров. — Отход прикрывали...

— Сколько живых?

— Все на виду!

Лейтенант обвел воспаленным взглядом четырех бойцов и не сказал больше ни слова.

День прошел на склонах Муста-Тунтури в маневрах и неожиданных схватках. Вечером поредевшая застава в районе Титовки влилась во второй эшелон обороны 95-го стрелкового полка и, заняв позицию на фланге, вступила в бой.

В ночь на 1 июля под ударами врага наши подразделения, оборонявшие Титовский рубеж, отошли за реку. Прорвавшиеся к озеру пограничники оказались во вражьем тылу. Через несколько часов к ним присоединились бойцы соседней погранзаставы и около роты пехотинцев.

На следующий день отряд начал форсирование реки.

Для обеспечения переправы на противоположном берегу Титовки оставили шесть станковых пулеметов. За одним из них — Немиров. В разгар переправы немцы обнаружили отряд и открыли губительный огонь. Многие из бойцов, сраженные пулями, исчезли под водой, остальные с трудом выбрались на берег. Тогда немцы сосредоточили огонь на пулеметчиках, залегших на противоположном берегу. Пятеро погибло. Лишь Немирову удалось выбраться из кольца и уйти в сопки.

Под утро он встретил ефрейтора Замятина с девятью бойцами. Немирова выбрали командиром группы. Решили во что бы то ни стало форсировать реку и продвигаться на восток. Но все подходы были перекрыты врагами. Однажды бойцам удалось все-таки подойти к реке. На берегу нашли телегу. Стокнули ее в воду и, схватившись за колеса, Немиров и трое солдат попытались переплыть бурную реку. Но горный поток отбросил их на камни. Солдаты утонули. Немиров выбрался на тот же берег и вместе с оставшимися бойцами ушел в горы.

Натолкнулись на линию связи. Вырезали длинный кусок телефонного кабеля для переправы. Но не успели смотать его, как появились немецкие связисты. Пограничники ударили залпом — восемь немцев упали замертво. Двое пустились в бегство. Тут же подошла другая группа фашистов. Немиров и его товарищи, отстреливаясь, отошли вглубь. Это был четвертый день скитаний во вражеском тылу. В сумках ни крошки хлеба. Залегли у дороги, стали вести наблюдение. Показались два грузовика, затянутые брезентом. Подпустив их вплотную, бойцы бросили гранаты. Машины встали. Но не успели наши ребята осмотреть тюки в грузовике, как показалась третья автомашина с солдатами. Снова пришлось с боем отойти на запад.

На пятый день утром группа приблизилась к реке и расположилась на склоне сопки.

— Товарищ командир! — тревожно крикнул кто-то из ребят. — Смотрите, смотрите.

Все увидели густую цепь гитлеровцев. Завязался бой, не суливший ничего хорошего. И тут неожиданно пограничники получили подмогу — невесть откуда подошла к ним группа красноармейцев, человек пятнадцать.

Фашисты обтекали сопку.

— За Родину! В атаку! — закричал Немиров.

Двадцать пять человек с оружием наперевес рванулись на ближайших от них фашистов. Остановились на берегу

реки, разгоряченные, взволнованные. Немиров быстро пересчитал бойцов — все двадцать пять налицо! Сзади их настигали немцы. Впереди бурлила вода.

— Это последняя возможность прорваться к своим, — Немиров указал в сторону реки. — Или, или...

Иван первым бросился в воду. За ним — все остальные. Но и на другом берегу их встретили немцы.

— Братцы! В последнюю... — крикнул командир.

Храбрые воины пробилась и на этот раз. Только от отряда осталось десять человек.

Вышли к Мотовскому заливу. Обессиленные, изнуренные, бойцы увидели с берега проходившие мимо наши катера, стали стрелять, махать фуражками. Моряки заметили их и спустили с катера шлюпку...

...В 1945 году, уже после войны, при исполнении служебных обязанностей старшина коммунист Иван Немиров подорвался на «сюрприз-мине». Отважный пограничник похоронен в Эстонии в местечке Тийриметса.

Да, Иван Немиров был замечательным солдатом. Орден Ленина на груди пограничника в то время говорил сам за себя.

г. Кишинев

И. КАЛЕНИКОВ,
бывший командир 100-го погранотряда

ЭТО БЫЛИ ЧЕКИСТЫ

Командир пограничного отряда майор Калеников запомнился мне надолго.

К. Симонов.
«Военные дневники»

Прямые шелковистые столбы дыма подпирают огромное ультрамариновое небо. Белые шапки землянок сияют глазурной чистотой. Колючий мороз разрумянил лица

бойцов, они стоят, переступая с ноги на ногу, в зернистом сухом снегу. Стоят «энкаведешники», чекисты, те, кого немецкое командование приказало не брать в плен, а расстреливать на месте.

Хоть и длинная шеренга, но как поредела она к тому морозному дню по сравнению с июнем. Мы уже узнали радость первых побед и горечь утрат, бессонные ночи и тягучее чувство недоедания.

Скрипят шаги. Майор Калеников идет медленно. Довольно тучный и широкий в кости, он поглядывает на бойцов, наклонив голову вперед и вбок, роняет на ходу тяжелые слова и время от времени задумчиво и басовито подытоживает свои мысли:

— Так. Хорошо. Хорошо.

Память, как услужливый писарь-штабник, подсказывает ему фамилии: Смурыгин, Тимохин, Агеев, еще Агеев, Коломийцев, Лапшин, Шамонов.

Толя Лапшин, москвич, рос на Таганке заядлым голубятником. Любил высокое небо и нежных воркующих турманов. А вот пришлось брать в руки нож. Это «Толик с Таганки» снял часового, открывая группе капитана Хрявина путь на сопку Большая Муста-Тунтури. Он же, на глазах у всех бойцов и Свинцова, «образцовопоказательно» расправился с караулом 67-го самокатного батальона гитлеровцев, и первая Толькина граната «сыграла» тогда последний утренний подъем фашистскому гарнизону.

С тех пор замкнулся Лапшин. Ни улыбки, ни усмешки. Маслянистые черные глаза смотрят настороженно.

Рядом с Толей — старшина Гольтунов. Маленький, щуплый, но шустрый и находчивый. Он был парторгом шестой заставы, той самой, которая в июне 1941 года приняла первый удар горных егерей. Тогда пограничники под командованием лейтенанта Яковенко и младшего политрука Грушина в течение нескольких часов отбивали яростные атаки немцев.

Потом, обрушив поток мин на позиции пограничников, егеря пошли вперед с полной уверенностью, что теперь-то с упрямыми русскими покончено. И вдруг в самой гуще наступавших взметнулись фонтаны взрывов — это ударили пушки с Рыбачьего. Одновременно хлестнул по фашистам в упор пулемет Николая Тетенова.

Но слишком неравны были силы. Погиб политрук Грушин. Пали смертью героев Александр Каменских и Василий Артемов.

— Рус, сдавайся! — кричали враги.

И тогда парторг Гольтунов написал на листке блокнота: «Нас здесь три коммуниста. И пока будет в живых хоть один, фашисты не пройдут».

Раненые, измученные — Гольтунов, Жвакин, Немиров, Тетенов — держали оборону до подхода наших пехотных частей. Их считали погибшими, а они — четверо — всем смертям назло выжили и теперь снова в нашем строю.

За Тетеновым в шеренге — Коля Треногин, светловолосый, светлоглазый. Треногин — баянист и, говорят, пишет стихи. Майор не читал их, а вот песни Треногина слушал. Задушевно поет парень. Бойцы его любят.

Плечо к плечу с ним — Борис Филимонов, высокий, нескладный. В отряде его зовут «медведем». Накануне войны Борис встретился в горах с медведем и свалил его одним выстрелом.

Дальше — Шамонов, самый заядлый курильщик во всем отряде. В самокрутку он высыпал по пол-осьмушки махорки и всем на удивление выкуривал ее в один присест.

Майор вспоминал различные, порой несущественные детали, которые сближали его с людьми, стоявшими в строю.

Калеников, наверное, не смог бы сказать, чем дышит и что думает каждый его борец — предвоенная пора слишком скупотушила время на личные знакомства с солдатами — но многих майор знал и относился к ним так,

как будто это были его сыновья. Калеников любил настойчиво повторять: «Один чекист-пограничник стоит десятых немцев».

Вчерашний пастух в имении графа Гейдена, Иван Калеников пришел в 1919 году добровольцем в пятый украинский полк. Позже он с отрядом ЧК гонялся за бандами Заболотного, Орел-Гальчевского, Добровольского. Два раза был ранен. Потом — трудная, не знающая отдыха служба на границе. Жизнь на маленьких заставах, где Калеников был высшей инстанцией, сделала его рачительным хозяином, самостоятельным командиром. У майора были сильные руки и смелое сердце, прямой характер.

К началу войны отряд Каленикова стоял «на стыке трех держав». Позади родная земля, за окном — финская граница, а дальше, за холодным фиордом — Норвегия. Оттуда то и дело приплывали рыбацкие лоды с беженцами. Норвежцы рассказывали о фашистской оккупации, рассказывали страшные истории, в которые даже трудно было поверить.

Наш командир неделями пропадал на заставах и постах. Требовал жестко, порой наказывал, добиваясь отличной боеготовности.

И его пограничники не дрогнули.

Рано утром 29 июня на седьмую и восьмую заставы 100-го отряда обрушилась лавина артиллерийского огня. Полтора часа грохот бомб и снарядов сотрясал горы. Горнострелковый корпус «Норвегия» перешел в наступление. Пограничники приняли на себя первый удар и дрались до последнего патрона.

...На Рыбачьем пограничники выделялись не только своей дисциплиной, но и такой доброй удалей, которая свойственна людям мужественным и знающим себе цену. Еще задолго до введения почетного звания гвардейцев немцы называли нас в листовках «кремлевской гвардией». И мы гордились этим!

Отряду не просто сопутствовала удача. Дело было не в случайном везении. Наш командир действовал на войне грамотно и расчетливо, а это вселяло уверенность в каждого из нас.

С наступлением темных осенних ночей 60 бойцов во главе с капитаном Хрявиным перешли линию фронта. Они выбили с господствующей высоты немцев и водрузили на вершине красный флаг.

В ночь на 10 октября пограничники напали на штаб 67-го самокатного батальона и уничтожили больше половины фашистских самокатчиков. Немцы всполошились. Они «перечеркнули» перешеек плотной линией окопов и дзотов.

Узенский участок фронта охраняли мины, проволочные заграждения, сигнальные ракеты. И все-таки пограничники проскальзывали через передний край немецкой обороны.

...По дороге, ведущей в Петсамо, появились люди в белых масках. Взорвав мост, они бесследно исчезли в сопках.

Теперь принято решение — бросить в немецкий тыл весь батальон. Задача трудная — перерезать единственную в горах дорогу, снабжающую группировку немцев на Мурманском направлении. И не просто перерезать, а «оседлать» ее и, таким образом, нарушить коммуникации врага. Поведет батальон сам командир.

И вот он обходит строй, проверяет обмундирование, лыжи и заглядывает в глаза.

Они разные: суровые, наивные, мечтательные. И нет равнодушных, трусливых...

Комиссар Филатов, с новенькой шпалой в зеленой петлице, аккуратно подтянутый, что-то говорит Каленикову воркующим баритоном. Тот коротким взмахом руки обрывает его и басит:

— А теперь отдыхать! Два раза по шестьсот минут! И наедайтесь плотнее. В жизни пригодится!

Тихо стало в землянках. Лежали парни с открытыми глазами и думали. Думали о чем-то большем, чем собственная судьба.

Как всегда перед боем, Коля Треногин, паренек с Камы, уронив голову на баян, чуть слышно играет про Маньчжурские сопки. В дальнем углу кто-то повторял строки:

«Жди меня и я вернусь,
Только очень жди»

Стихи эти несколько дней назад мы слышали от самого Симонова и тут же переписали их в свои тетрадки. Хотя у большинства не было невест, мы читали стихи и нам очень хотелось, чтобы и нас ждали не только матери.

И еще нам хотелось вернуться.

Ко мне на нары присел Саша Мялицын, тихий, незаметный парень с большими голубыми глазами и длинными девичьими ресницами. Сказал негромко:

— Знаешь, замполитрук, я не вернусь из этого похода...

— Ну, что ты, Сашка, заранее молебн заказываешь, — попробовал я шутить.

— Нет, нет, — прервал Мялицын. — Я не за жалостью к тебе, а с просьбой — пошли матери вот это письмо. — И он протянул конверт.

— Похоронную, значит, сочинил?

Он не ответил.

...Прости меня, Саша Мялицын! Я остался живой, потому что на том проклятом льду упал сраженный ты. Я лежал за твоим мертвым телом и слышал, как ты перехватывал пули, предназначавшиеся мне.

В штабной землянке долго светила лампа. Еще и еще раз уточнялись десятки возможных вариантов выхода на цель, если по какой-либо причине нельзя будет использовать главный маршрут.

— Итак, высаживаемся на мыс Пикшуев, — басил майор Калеников. — Двумя группами. Следует вот тут, — и он повел по карте остро отточенным карандашом.

Назвал сроки, сигналы. Командиры рот и политруки четко повторили, и только за полночь майор, согнав с лица суровую озабоченность, приказал вестовым накрыть стол.

Калеников разлил спирт по стаканам, а себе налил большую кружку молока (майор не курил и не пил спиртного от рождения). И поднял тост:

— За удачу! За успех!

Второго тоста не было.

«Три дня была закупорена дорога. Три дня бойцы Каленикова, занявшие прилегающие к дороге высоты, отбивали яростные атаки врага».

И. Бражнин.

«Правда», 14 декабря 1941 г.

Позади осталась Эйна с обжитыми землянками, с тоской ожидания и суетой сборов. Впереди вспыхнули встречные огни, желавшие удачи нашим небольшим десантным суденышкам.

На первом — группа майора Зябликова, на втором — Старкова. Задача — высадиться в двух точках, охватить мыс мертвой удавкой и обеспечить высадку основных сил.

Едва отвалив от пирса, ботики исчезали в упругом и сыром мраке.

В тесном кубрике у выхода — офицеры. Они молчат. У каждого своя дума. Молчит и Зябликов. Его жесткие глаза, кажется, уже видят вражью землю.

В назначенном квадрате суда разошлись.

Вздыбленный скалистый берег надвинулся сразу. Винт равнодушно месил воду. Неожиданно бот накренился на левый борт, вздрогнул, ударившись о что-то под водой,

и остановился. И сразу пропала напряженность, мучительная неизвестность. Началась высадка.

Было ветрено, холодно. Где-то вдалеке растекались по темному небу всполохи ракет. Постреливали пушки.

Один за одним скрывались в сопках десантники. Надо торопиться, чтобы как можно дальше уйти от береговой кромки.

К утру разведка доложила:

— Видим противника. Немцы пересекают озеро.

Их было чуть больше двадцати. Шли они неторопливо, равномерно взмахивая палками, лыжа в лыжу. Впереди — офицер. Сзади — двое тянут на санках зачехленный предмет.

— Огонь! — подал команду Зябликов.

Яростно залаяли пулеметы, рассыпались частой дробью автоматы егерей.

А через несколько минут немцы стали подниматься, вытягивая вверх руки. Офицер попытался скрыться. Он вскакивал, петлял и снова падал.

— Офицера взять живым, — приказал командир.

Теперь стрелял только Николай Мелентьев. Его ручной пулемет посылал короткие очереди прямо под ноги офицеру. Тот вынужден был залечь на снег. Попробовал пошевелиться, но тупое рыльце Колькиного «ручника» чутко стерегло шустрого офицера. К нему подскочили сзади два пограничника, скрутили руки. Это оказался командир батареи, которую немцы собирались установить на мысе Пикшуев.

От пленных мы узнали, что на нашем пути гарнизонов нет. Немцы исключали возможность высадки русского десанта, поэтому побережье пока не заминировано и вообще охраняется слабо.

Подождал основная группа десанта. Майор Калеников поздравил бойцов с первой удачей, и отряд устремился во вражеский тыл.

Это был трудный, изматывающий кросс. По узким каменным ущельям, по лысым скатам сопки мы уходили все дальше и дальше.

Пять суток длился этот необычный «марафонский» бег. Лица почернели, обветрились. Отощали вещевые мешки, в них остались только патроны и гранаты да по несколько сухарей.

И вот дорога. Единственная, связывающая немецкие передовые части с глубокими тылами. Дорога ровная, накапанная, со следами гусениц и шин.

Лейтенант Портман передал в штаб фронта первое донесение: «Цель взята. Два километра дороги заминировали».

Пограничники успели до рассвета выложить из камня и снега ячейки для стрельбы и установить пулеметы.

Залегли в ожидании...

Первым был уничтожен немецкий дорожный батальон. Встретили его бойцы лейтенанта Сорокалата. Пограничники бежали с криком «Ура!», бросая с ходу гранаты. Фашисты в панике метались по дороге, валились на землю, умирали, так и не поняв, откуда пришла смерть.

Пламя боя «разметалось» на отдельные очаги, которые, как костры, то ожесточенно разгорались, то затухали. Толя Лапшин и Саша Лисовский, прижавшись к громадному валуну, били из автоматов прямо в гущу кричавших, обезумевших от страха фашистов.

Яростно клочкотали пулеметы. Струи огня скрестились в густую сетку. Убегая из этого смертного невода, немцы попадали на прицел основной группы десантников.

Со своего наблюдательного пункта Калеников видел, что участь батальона уже решена, и это радовало его.

— Молодцы, ребята, вот молодцы!

— Это пока начало, — отозвался майор Зябликов.

— Лиха беда начало! Остальное сделаем. Передай ротам, чтобы экономили патроны.

Вскоре все смолкло, и в этой неожиданной тишине слышался гул моторов. Он становился все сильнее. Показались первые машины и бронетранспортеры с пехотой. Прямо на кузовах машин — минометы. Немцы, наверняка, успели передать о русском десанте, и теперь фашистское командование перебрасывало сюда войска. 110 машин насчитали пограничники. Бой закипел сразу, и вскоре все вокруг потонуло в страшном грохоте взрывов.

С резким завыванием пролетали мины. Между нашими окопами вздымались косматые фонтаны земли и бурого дыма. То тут, то там раздавались громкие крики. Горели подожженные машины, где-то в облаках кружили самолеты.

Колю Мелентьева, бежавшего впереди меня, взрывом швырнуло на камни. Я подполз и увидел, что он лежит вытянувшись пластом.

— Ранило?

— Почти убило, — ответил он, перевернувшись на спину. Осколок ударил по чехлу гранаты и разорвал телогрейку на две половины. — Испортили казенную вещь, гады! Я здесь останусь, место выгодное...

Немцы решили поиграть на нашей психике. Они шли в полный рост, прижав к поясу автоматы! Но у подножья сопки строй атакующих разрушился — это ударил по врагу пулемет Николая. Немцы лезли остервенело, подбадривая себя истерическими криками и шумной пальбой.

Мелентьев, укрывшись за камнями, подпускал их, а потом давал короткие и точные очереди. Перед его пулеметом смиренхонько лежали несколько егерей. Но живых было куда больше...

Связь с ротами нарушилась, все попытки восстановить ее оказались напрасными. В густых клубах дыма, окутавших высоты, нервно трещали автоматы. Что стало с позициями у дороги — мы не знали. На правом фланге оборонялись смолкла стрельба: майор увидел, как немецкие автомат-

чики обходили высоту, поднимаясь выше и выше в глубину боевых порядков отряда.

Калеников приказал лейтенанту Портману:

— Передайте старшему лейтенанту Старкову держаться до вечера!

Майор не отрывал от глаз бинокля: там, на высоте, решалась сейчас судьба его подчиненных.

А они продолжали драться. Старший лейтенант Старков лежал с бойцами в цепи и стрелял молча, зло. Бойцы понимали, что дороги назад уже нет, что именно здесь, на безымянной высоте, они должны выстоять до конца. Это была их судьба, их нелегкая доля.

Пулеметчик Матвеев, отчаянный сибиряк, подпускал немцев так близко, что видел их потные лица.

— Патроны, патроны давай! — крикнул он своему второму номеру Игнатову.

А тот лежал в нескольких метрах, вытянув перед собой пулеметную ленту. Игнатов был мертв. Матвеев вскочил, и тут же пуля ударила его в грудь. Он качнулся, но устоял и полез на четвереньках по скользкому граниту. Руки одеревенели и не чувствовали холода. Ему казалось, что он кричал, но никто не отзывался. Матвеев подполз к своему «максимуму», вставил новую ленту, последним усилием нажал на гашетку.

Он уже не слышал команду Старкова, поднявшего бойцов в атаку.

Немцы, ошеломленные мужеством и решительностью пограничников, не выдержали и откатились назад.

Из кармана Матвеева старший лейтенант достал сложенный вчетверо листочек. Сибиряк писал перед боем:

«Если погибну, прошу считать меня коммунистом».

Героически оборонялись на высотах подразделения лейтенантов Шихирина и Перова.

Перов вел своих бойцов в третью контратаку. Немецкие тяжелые пулеметы разбили цепь бежавших позади Перова

пограничников, но лейтенант с несколькими бойцами были уже в самой гуще врагов. В ход пошли приклады, кулаки, ножи. Автоматная очередь полоснула над Перовым. Но, будучи раненым, он еще успел свалить двух егерей.

Убитых не хоронили. Они лежали на снегу, и колючая поземка наметала над ними холмики, уравнивая их, таких разных при жизни.

Шамонов лежал с простреленной головой, и странно было видеть, как шевелятся на ветру его рыжие космы. Колька Мелентьев подполз к Шамонову, отрезал у него мешок и натянул на голову капюшон маскхалата.

Из мешка выпало несколько патронов и сухарей. Мелентьев сунул патроны в свою широченную рукавицу, а сухари пустил по цепочке.

Мы лежали с Николкой за валуном и дышали друг другу в лицо: так было теплее. Хотелось подняться, попрыгать, разогнать кровь. Но мимо нас то и дело пробегают пулеметные трассы. Когда они сходятся у нашего валуна, мы жмемся к камню, пытаемся втиснуться в него.

Соседи справа и слева молчат. Не то убиты, не то экономят патроны. Молчит вся сопка.

Немцы надеются взять на измор.

На третьи сутки ночью Калеников собрал командиров. Разговор был нелегким.

— Отряд свою задачу выполнил, — сказал майор. — Боеприпасы на исходе, продовольствие кончилось. Я принял решение — уходить в тундру, чтобы перейти фронт на левом фланге. Возвращаться на Пикшуев мыс мы не можем. Задача ясна?

— Ясна, — ответили командиры.

— Через двадцать минут прорываемся вот в этом направлении, — и Калеников указал в сторону сопки, откуда реже раздавались выстрелы.

Майор оказался прав. Ночью отряд пересек озеро, переправился через сопку и вырвался из вражеского кольца.

Вороника — ягода дикая,
Глазки черные между камней.
Я питался тобой, вороникой,
Семь тяжелых, семь страшных дней.

А. Колесников

На рассвете отряд перешел еще одно скованное льдом озеро. Пограничники карабкались почти по отвесному берегу, хватаясь за острые камни и сухие колючие кустарники.

Тут бы на высоте и передохнуть в самый раз. Но Калеников торопит: разведчики сообщили, что неподалеку рыщут большие группы немцев.

— Веселей, ребята, веселей! — подбадривает майор и, лихо оттолкнувшись палками, обгоняет уставших бойцов.

И опять растягивается длинная цепочка лыжников.

Бредем с высоты на высоту, мечтая о хлебе и какой-нибудь заброшенной землянке, где можно будет согреться и побаловаться кипятком.

Рядом со мной идет Колька Мелентьев, неисправимый фантазер. Казалось, война нисколько не угнетала его. В отступлении солдаты всегда говорят о чем-то неприятном, печальном, как будто утешают себя: вот ведь раньше и похуже бывало.

А Колька, вытянув тонкую шею, напевает вполголоса:

— В колхозах хлеба полные амбары...

— Перестань, — обрывает его кто-то.

— Ну, ну, не сердись. Злость портит пищеварение, — усмехнулся Никола, — а впереди привал, еда и все такое прочее!

Пружинит под ногами лишайник, покрытый синеватой корочкой снега. Проткни, разломай ее и увидишь вороникку, дикую ягоду с холодным, матовым блеском.

Наконец-то отдых!

Радист распаковал рацию и настроился на волну:

— Что передавать?

— Повторите вчерашнюю шифровку, — ответил майор Зябликов.

Радист покрутил ручку и приник ухом к металлической коробке.

— Питание кончилось! — едва слышно выдавил он и недоумевающе посмотрел на нас.

— Бывает хуже, — нарушил тяжелую тишину Колька.

А лейтенант Василий Дрошин сидел, рассматривал себя в неизменном, знакомом всем зеркальце с красным сердечком посредине.

Густая черная щетина делала его изжелта-серое лицо неживым.

Неживыми были и его глаза. Они потухли после того, как взвод Дрошина почти полностью погиб в рукопашной схватке.

И вдруг громкий, надсадный хохот.

— А ну-ка, друзья, пропустите меня к столу, — крикнул лейтенант и по-хозяйски устроился возле плащ-палатки со скудным ужином.

Он проглотил крохотный сухарик, несколько ягодок вороники и вполне серьезно попросил подать куриный бульон и котлету с хрустящим картофелем.

— Маленький, маленький кусочек масла, — добавил он, сиротливо озираясь.

Умело орудуя перочинным ножом, Николай Мелентьев содрал прозрачную жестяную пленку с тюбика пасты от обморожения и разрезал на тонкие ломтики-лепешки.

— Пожалуйста, угощайтесь! — протянул он ладонь с этой необычной едой.

Лейтенант встал и медленно пошагал вдоль ручья.

Мы сосали стылую воронику, когда неожиданно услышали выстрел. Лейтенант Дрошин был мертв. Он лежал, скошенный шальной пулей, уткнувшись головой в ствол поникшей березки.

Тяжелым был тот день. Мы зарылись в снег. И сладкие, неуловимые небывиды приходили мне в этом коротком сне. Над нами падали пушистые, невесомые хлопья снега. Как лепестки невиданного цветка, они кружились и кружились. А потом превратились в сплошную летящую мглу. Упругими волнами океана гнали на нас снежные валы; они поднимали над землей березки и укрывали наш неровный след.

На коротких перевалах майор Калеников доставал из нагрудного кармана небольшой блокнотик с рыжеватыми картонными корочками. Это был полевой журнал боевых действий.

Командир записывал скупое, короткое.

«17 ноября. Слышим гул самолетов. Видимо, нас ищут. Из-за низкой облачности сигналы о себе дать не можем. Боезапас подходит к концу.

18 ноября. Следуем на юго-восток по старой телефонной линии, левее слышим артстрельбу. С нами двадцать раненых. Везем их на санках, сделанных из лыж. Прошли еще шесть километров. Бойцы спят на ходу. На местах поворотов лыжни ставим командиров.

19 ноября. Над нами повис немецкий самолет-разведчик. К полудню две группы фашистов пытались остановить отряд. Разведчики Шихирина вступили в бой с егерями и отогнали их в тундру.

20 ноября. Съедены ружейные ремни. Бойцы обессилели и часто падают. Разведчики Лапшин, Тимохин, Телегин прокладывают лыжню. Прошли еще пять километров.

21 ноября. 16 бойцов подали заявления в партию. Принимали всем отрядом. Посмертно принят в партию пулеметчик Матвеев. После собрания молодые коммунисты отправились в голову колонны.

22 ноября. Восемнадцатые сутки мы в походе. Наверное, нас считают пропавшими без вести. Позади почти двести километров. Бойцы держатся хорошо».

По каменистым россыпям черной тундры, по унылому редколесью шли мы след в след. Упасть — пропасть. Пойдешь — дойдешь. Судьбы на свете нет. Руки немеют до самых кончиков пальцев. А мешки, уныло пустые, давят плечи. Низкие облака, зацепившись за выступы вершин, застыли, словно в удивлении, над нами.

Небо саплось с землей. И в этом безмолвии тихо поскрипывают лыжи. Ни шуток, ни команд. Только вперед, только за ним, нашим командиром. Его спина покачивается перед глазами, и мы тоже покачиваемся. Нам кажется, мы идем быстро, а столбы не торопятся нам навстречу.

— Наши идут! — крикнул что было сил Лапшин и, показывая палкой в сторону вынырнувших из белесого тумана лыжников, бросился к ним.

Да, Толик и на этот раз не ошибся — это были разведчики армии. Они искали нас.

«Кто хоть однажды видел это...» — поется в любимой песне солдат-ветеранов. И я повторяю эти слова, потому что сейчас никак не верится в такой поразительный запас негибемого мужества людей, прошедших сквозь огонь, стужу и голод. И когда я рассказываю об этом походе, некоторые недоверчиво опускают глаза илижимают плечами. Но я видел это!

ПЕСНЯ О ПОГРАНЗНАКЕ

Муста-Тунтури. Гранитная гряда, отделяющая Средний и Рыбачий от Большой земли, обрывается у полуостровов замшелыми каменными кручами. Ближе к океану, на вершине одной из сопки — пограничный знак, сложенный из камня и плит. Эта высота с погранзнаком на самом правом фланге войны стала легендой...

Старший сержант Андрей Большаков — невысокий, узкоплечий улыбчивый парень, получив приказ, лихо козырнул командиру батальона:

— Есть занять оборону на высоте с погранзнаком!

— Ты не петушись, — сердито и в то же время ласково предупредил комбат, — туго придется, все одно держись. Постараемся помочь. А теперь поторапливайся.

Солдаты играючи складывали из гранитных плит ячейки для стрельбы, устанавливали пулеметы. Никто из них не хотел верить в то, что действительно началась война.

Ни Андрей, ни бойцы его взвода не знали, что через час, согласно планам фашистского командования, на Муста-Тунтури обрушится лавина смертоносного огня и для многих это тихое, туманное утро будет последним в жизни.

Рассеялся туман, и лопнула тишина. Огненные вихри просторно загуляли по Муста-Тунтури. Взрывы сметали окопы и кромсали людей.

Егеря шли напролом. Они падали, но все равно рвались вперед. Немцы считали, что после полутора часов огненного ада ряд ли что-то на высоте уцелело.

Но высота ответила дружным огнем. Егеря отхлынули.

Опять полетели снаряды, закипела земля, и все началось сначала.

Лицо Андрея почернело, веселые глаза провалились в темные колодцы под белесыми бровями, голос стал хриплым. Он полз от одного окопчика к другому и отмечал с болью, что в живых осталась только треть взвода и едва ли хватит до вечера патронов. Немцы утихли неспроста — жди новой атаки.

— Держись, ребята, — повторял он, — без моего приказа не отходить. Скоро придет подмога.

Гитлеровцы атаковали без артподготовки. Большаков слышал свистки. Это был сигнал к штурму. Егеря, перепрыгивая с камня на камень, полезли к вершине. Их было много. Они что-то кричали, палили из автоматов.

Сопка молчала. Большаков мерил расстояние — пусть подойдут поближе. Вот уже ясно видны лица, вот уже видны глаза...

Били на выбор, как на блоде. Били наповал с первой пули. Частой россыпью стрекотал на фланге ручной пулемет Гайфулина. И альпийские стрелки, налетая на невидимую преграду, падали. Рослые, здоровенные егеря скатывались по крутизне.

Большаков нажимал на спусковой крючок и видел, как с мушки слетала очередная цель.

— Так, мать его, — приговаривал Андрей.

И снова в прорези прицела появлялась фигура.

Еще трижды гитлеровцы безуспешно атаковали высоту.

Утром следующего дня на высоту обрушилась артиллерия. Мина попала в пограничный знак и лопнула в нескольких метрах от Большакова. Андрей ничком лежал на дне ячейки и слышал, как стучат по стенкам окопа осколки. Страх перегорел еще накануне. Теперь мысли его стали точными, ясными. Старший сержант Большаков ждал подкрепления. Только бы пришло подкрепление...

Большаков поднялся на четвереньки, сел и увидел под собой, на склонах горы — трупы.

— Эй, парни, кто есть живой? — крикнул он во весь голос.

Никто не ответил.

— Парни, вы оглохли, что ли?

— Я живой, пулеметчик Гайфулин, — раздалось неподалеку.

Они остались вдвоем, два товарища, два однополчанина. Гайфулин ранен в ногу и голову.

— Я ору что есть сил, и не больно совсем, — оправдывался Гайфулин. — А вот все погибли — плохо это очень. Правильно я говорю, старший сержант Андриуша?

Черные, маслянистые глаза пулеметчика в упор смотрели на Большакова, и тот понимал, что парню, солдату первого года службы, нужно сейчас доброе и крепкое слово.

— Ты молодец, Гайфулин. Я видел, как ты их, гадов, косил. Толково. А за ребят мы с ними сочтемся.

— Сочтемся, командир, сочтемся.

Большаков попросил у Гайфулина фляжку с водой. Но не успел приложиться — на склоне показались немцы.

Теперь-то они были уверены, что огонь подчистую смел с высоты всех русских. И как удивленно вскрикнул унтер, когда пуля Большакова свалила его. Немцы застыли в недоумении, и тут же их нашел пулемет Гайфулина.

— Бей, Карим, бей их! — кричал Большаков.

Он вскочил на ноги, бросил гранату в гущу бегущих врагов. И вдруг качнулись горы...

Взвод лейтенанта Гречина из 135-го полка успел вовремя. Гайфулин был тяжело ранен. Не продержись Карим полчаса — туго пришлось бы подкреплению.

По вершине били пушки и минометы. Бойцы задыхались в дыму, а рядом лежали мертвые солдаты из большаковского взвода. Нет, нельзя отдать врагу землю, политую кровью товарищей!

Через перешеек на высоту просочились первые связные. Один из них принес записку от полковника Пашковского: «Спасибо за героическое выполнение боевого задания. Родина вас не забудет. Мы гордимся вами!» А их оставалось только семеро: замполитрук Иванов, младшие сержанты Литовальцев и Пономарев, бойцы Горохов, Суханов, Хамкогов и Лебедев.

Кончились гранаты. На каждую винтовку — по три обоймы патронов. Все ранены. Тяжело контужен Иванов. Комендантом высоты стал младший сержант Пономарев. И все-таки они выстояли. Высота оставалась нашей.

На помощь защитникам погранзнака пришло подразделение лейтенанта Москальчука.

В течение месяца огонь и смерть бесновались над погранзнаком.

Второго августа немцы сделали еще одну попытку захватить сопку. Накануне, как и раньше, они прочесали огнем всю высоту, от подножья до вершины. Защитников на

высоте осталось только двое. Двое коммунистов: Антипенко и Бабичук. Антипенко из пулемета в упор расстреливал наступающих. Он даже не почувствовал, как пуля попала в ногу и полоснул по лицу осколок снаряда. Кровь заливала глаза, но пулемет работал. Новая рана обожгла руку. Но Антипенко продолжал стрелять до последнего патрона.

Кончился весь боезапас.

— Остап, пойдем, — позвал Антипенко друга и с трудом встал из окопа.

Почерневшие от дыма и гари, перемотанные окровавленными бинтами, молча шли они в атаку на врага. Вдвоем, выставив вперед штыки. Немцы не успели опомниться, как Антипенко и Бабичук оказались в их расположении. Бесстрашные бойцы кололи и били прикладами фашистов, пока не погибли в неравном бою!

...Жгучая, как крапива, поземка гнала снег, перемешанный с каменной крупой, заметая тропы. Студеный мрак колыхался в седловинах гор. Когда же в просветах туч появлялся диск луны, на вершине сопки был виден наш погранзнак.

...В тот вечер Лешка Анисимов, высокий парень с курчавым цыганским чубом и открытым добродушным лицом, значился в списках живых. Отрядный писарь поставил против его фамилии галочку и выписал сто граммов пайка. Мы лежали, грея тощими животами землю окопчика, и вспоминали Урал. Лешка родился в городе металлургов Лысьве, мечтал стать мастером огненного дела.

Мы изредка постреливали. Дождавшись темноты, Лешка сказал мне:

— Ты тут за фридами погляди, а я в землянку отлучусь. Дельце есть неплохое. Заодно и патронов прихвачу.

— Ну, давай, с богом, — ответил я и потеснее прижался к стенке окопа.

Лешка переполз бруствер, вскочил и побежал в перевалку, смешно дрыгая окоченевшими ногами. Тут его и на-

стигла вражеская мина. При свете ракет было видно, как по Лешкиному лицу метались колючие струи поземки.

Вернувшись с вахты, я увидел Афанасия Мартынова, широколицего нашего баяниста. Он сидел в переднем углу и, притопывая ногой, рисовал карандашом на промасленной из-под концентратов бумаге нотные крючки.

Утром сквозь сон я слышал, как Афанасий строго говорил связному:

— Будешь на бригадном КП — передай вот это Сашке Никитину. Это песня, ясно?

— Песня?

— Ну да! Ты ее рядом с пакетом положи. — И вполне серьезно добавил: — Попадешь под пулю — берегись! На том свете найду!

Через месяц нас отвели на отдых.

Однажды Афанасий вызвал меня по телефону:

— Собирайся в бригадный клуб. Там должны петь нашу песню. Нашу, понимаешь!

На концерт мы опоздали и с трудом протиснулись в битком набитую землянку. В глубине ее стоял матросский хор.

— Песня о погранзнаке, — объявил ведущий. Музыка Афанасия Мартынова. Слова... Слова защитников высоты с пограничным знаком.

Смолкли аплодисменты, и со сцены шагнула в зал тревожная и твердая, как поступь марша, музыка:

Про знак пограничный

сложили мы песню,

Он гордо на сопке стоит,

Как памятник нашей отваги и

чести,

Заслуженный в грохоте битв.

Здесь хмурые скалы покоя

не знают

И в заревах гребни высот.

Здесь лихо дерется пехота
морская
И ночи, и дни напролет.

Много я слышал песен хороших и разных, но эта была не похожа на все другие. Сложенная в перерывах между боями, в нерадостные дни первого года войны, когда дурные вести были страшнее ночей, она, эта немудреная песня, волновала так, что тугой комок застревал в горле. Спокойный и в то же время воинственно-грозный речитатив напоминал каждому о погибших товарищах:

Взбухают тельняшки,
и черные ленты
Все яростней бьют по плечу,
И раненный трижды встает
Антипенко,
На доты идет Бабичук.
У этих камней сражались
Гайфулин
И старший сержант Большаков.
Летите, матросские мины
и пули,
И насмерть разите врагов!
Стоит погранзнак, и пылают
зарницы,
А ветры о славе поют.
Граница страны, дорогая
граница,
Матросы тебя стерегут!

Когда кончилась песня, землянка взорвалась сплошным грохотом аплодисментов. Песню исполнили дважды.

— А ты знаешь, кто подал мне мысль написать музыку? — спросил Афанасий, когда мы возвращались в ба-

таillon. — Лешка Анисимов, твой земляк. Удивляешься? Я тоже не поверил, что он стихи пишет. А вот писал...

В тот вечер не Лешкина очередь была идти на огневую точку. И пополз он в землянку, наверняка, не за патронами, а чтоб краешком уха услышать свою песню...

Лешка не услышал песни. Но ее услышал фронт. Она неслась вместе с катерами на страшный Крестовый мыс, стегущий древнюю Печенгу. Ее пели матросы-десантники на норвежской земле. Я слышал ее на улицах поверженных немецких городов, куда занесла военная судьба защитников Заполярья.

...Много лет прошло с тех пор. Давно осыпались окопы, оттаяли сердца людей, потускнели заслуженные боевые медали. А песня осталась жить.

г. Верещагино
Пермской обл.

Г. З. ТИУНОВ,
бывший замполитрука
100-го погранотряда

НАШ СЕДЬМОЙ ПУЛЬБАТ...

1. В первые дни войны

...23 июня 1941 года. Улицы Мурманска залиты ярким солнцем. Но погода не радует. Сегодня, на второй день войны, мы, большая колонна мобилизованных, отправляемся на фронт. Лица бойцов суровы, на глазах провожающих женщин и детей — слезы. У причала торгового порта нас ждет пароход «Моссовет». Последние прощания — и мы поднимаемся на борт. Палуба переполнена — каждому хочется успокоить оставшихся на причале, в последний раз помахать рукой...

В открытое море вышли под охраной боевых кораблей Северного флота. Свернули влево. Через несколько часов прибыли в Титовку, а оттуда пешим порядком на Рыбачий

и Средний. Я вместе с большой группой товарищей-мурманчан попал в отдельный пулеметный батальон и получил назначение на должность заместителя командира пулеметной роты. На следующий день — на партийном собрании меня избрали парторгом роты. А вскоре на партийном собрании части кировчанин Калюкин, мурманчанин Архипов и я вошли в состав партбюро батальона. Командиром нашей роты был П. П. Соколов, политруком И. И. Купряшин. Мы, вновь прибывшие, узнали о том, что гитлеровские захватчики уже перешли границу Советского Заполярья и рвутся к Мурманску. Первые попытки немцев с ходу взять Средний и Рыбачий не принесли им успеха.

Душой обороны полуостровов были комендант 23-го укрепленного района полковник Красильников и полковой комиссар Шабунин. Они часто посещали подразделения, учили строить оборонительные сооружения и отражать вражеские десанты.

У нас, политработников, — сложные задачи. Единственная связь с Большой землей — небольшая рация. Прильнув к ней, мы стараемся не пропустить ни одного слова. Вести с фронта горьки и тревожны. Обходя огневые точки и землянки по нескольку раз в сутки, мы рассказываем бойцам обо всем, что узнаем сами.

Помню, как во время одной из первых таких бесед пулеметчик Стремленко закричал:

— Вы правду говорите, товарищ помкомроты? Ведь я с Украины. Это на моей Львовщине немцы...

Он сел, обхватив руками голову. В землянке стояла тяжелая тишина.

— Неужели немец и в Мурманск придет? — картава спросил высокий плечистый Метлов, мурманский рыбак.

Нелегко было объяснять неудачи наших войск. Мы говорили о неожиданном нападении врага, о том, что мы еще полностью не отмобилизовались, приводили примеры из истории, когда враги занимали большую территорию, но их

разбивали и выбрасывали за пределы. Так будет и в этой войне, на которую поднимается весь народ.

Задачи гарнизона Рыбачьего и нашего батальона разъяснять было легче. Вот как об обстановке говорил на партийном собрании командир части Плотников:

— Враг бешено рвется к Мурманску. На нашем участке ценой больших потерь противник остановлен. Но он не откажется от попыток захватить полуострова. Мы в осаде, защищаться будем до последнего. Враг может появиться в любой час с моря, с суши, с воздуха.

За ним выступил комиссар Шибаев:

— Задача коммунистов — разъяснить личному составу, что мы ведем войну справедливую, навязанную нам немецко-фашистскими захватчиками, что мы защищаем свою Родину. Нам поручено партией отстоять этот кусочек Советской земли. Отдадим все силы, а потребуется и жизнь, но не покинем полуострова. Нужна высокая бдительность и постоянная готовность к бою.

Почти ежедневно под прикрытием авиации и катеров, ставящих дымовые завесы, противник пытался проводить свои транспорты в Петсамо. Но каждый раз наталкивался на мощный огонь 221-й батареи. К берегам полуострова приплывали бочки, доски, ящики с потопленных немецких судов. Однажды мы наблюдали, как более суток горел на воде подбитый танкер врага. Черный дым высоко поднимался к небу. Волны носили по заливу беспомощное судно до тех пор, пока оно не погрузилось в морскую пучину.

Весь гарнизон гордился боевыми подвигами североморцев. Нелегко было пехотинцам 135-го стрелкового полка и 15-го отдельного пулеметного батальона, которые с первых дней несли боевое охранение на сопках Муста-Тунтури, удерживая передний край обороны.

Наш 7-й пульбат занимал позиции по северному и западному побережью Рыбачьего и имел задачу отражать возможные десанты противника. Мы не вели непосредствен-

ных боев, и бойцы все чаще задавали вопрос: «Когда же направят на передовую? Хватит нам здесь сидеть!» Особенно настойчиво рвались на Муста-Тунтури пулеметчики из взводов младших лейтенантов Самойлика и Шукина.

Еще больше разбередил души бойцов напечатанный в газетах плакат, изображавший женщину-мать с вытянутой вперед рукой.

В каждой землянке бойцы хранили этот плакат, вывешивали на самом видном месте как боевой призыв.

Однажды младший лейтенант Самойлик пришел с ультиматумом:

— Бойцы моего взвода просят направить их на передовую. И я с ними. Прошу разрешения обратиться к командованию части.

— А вы подумали, — спросил командир роты Соколов, — кто будет оборонять участок в случае десанта?

— Да, подумал. У меня хорошо пристреляны ориентиры. Отличные стрелковые карточки. Закончены работы по маскировке. Если нельзя всему взводу, прошу отобрать часть людей. Оставшиеся расчеты не подведут.

Самойлик говорил уверенно. Этот кудрявый широкоплечий парень, родом из Белоруссии, до мобилизации работал в Понойском оленеводческом совхозе Мурманской области.

Соколов помолчал и объявил:

— У меня вся рота давно просится на перешеек. Когда потребуется, пойдем все вместе. А пока... Обращаться к командиру части не разрешаю. Можете идти.

Лейтенант смущенно улыбнулся — это было его первое самостоятельное решение по столь важному вопросу. Он незадолго до войны окончил пехотное училище и был мо- ложе каждого из нас.

После ухода Самойлика в землянку вбежал связной Вождаев и доложил, что к КП направляется полковник. Это был комендант укрепрайона Красильников. Поздоро-

вавшись и расспросив о настроении людей, полковник приказал сыграть учебную тревогу. Внимательно наблюдал он за действиями командования роты. Позже, делая разбор, Красильников сказал:

— От моего имени за умелые действия по учебной тревоге отметить роту, а личному составу третьего взвода и его командиру объявить благодарность.

Так 3-й взвод Самойлика оказался «коллективным именинником».

Как-то, рассказывая бойцам третьего взвода о положении на фронтах, я привел примеры массового героизма наших воинов и заметил, в частности, что, идя в бой, настоящие патриоты подают заявления о приеме в партию. Тут же комсомольцы Наумов, Иванов, Алисинок, Квалнашвили попросили принять от них заявления. Неожиданно поднялся и заговорил Самойлик:

— Быть в партии высокая честь. А мы ее чем заслужили? Отличным огнем по мнимому противнику? Этого мало. Мы еще по-настоящему не встречались с фрицем и не знаем, выдержат ли у нас нервы. Вот там, на Муста-Тунтури, когда испытаете себя, и я подам заявление в партию...

Спустя два дня командира роты Соколова вызвали в штаб. Возвратился он взволнованный, довольный и сообщил, что вся наша рота идет на передовую.

Ушло всего два часа на сборы и передачу участка обороны прибывшему подразделению. В назначенное время рота с полной выкладкой двинулась к Муста-Тунтури.

2. В боевом охранении

Мы должны были сменить роту 135-го стрелкового полка в боевом охранении на Большой, Средней и Малой сопках хребта Муста-Тунтури, а также на северо-западных склонах высоты 122. Третьему взводу выпала честь занять оборону на сопке с пограничным знаком.

...Ясная морозная ночь. Первый снег лишь слегка припорошил землю. В маскхалатах повзводно спускаемся мы в долину. Впереди — громады бело-черных скал, откуда невидимый враг беспрерывно ведет огонь. Одна за другой в воздухе вспыхивают осветительные ракеты. Треск автоматов и пулеметов, глухие разрывы мин. В темноте отлично видны следы трассирующих пуль.

Выделенные нам провожатые вели взводы каждый своей знакомой тропинкой. Вскоре командиры взводов доложили по телефону на КП, что все пулеметные расчеты заняли огневые позиции.

Сообщили также, что в пути осколком мины легко ранен наводчик Стремленко. Он сам перевязал себе ногу и от эвакуации отказался. У другого бойца осколком пробит противогаз, у третьего помята каска. А в общем переход закончился удачно.

Командир роты, проверив связь, отдал приказание: «Усилить наблюдение, огонь по видимому и слышимому противнику открывать немедленно».

Подразделение, которое мы сменили, ушло на отдых. Немцы продолжали беспорядочно, больше для острстки, обстреливать перешеек.

После длительного марша бойцы устали. Хотелось узнать, как они чувствуют себя в новой обстановке. Мы с Соколовым решили сделать обход. Направились к Большой сопке. Узкая, еле заметная тропинка привела нас во взвод Щукина. Обменявшись с часовым паролем, вошли в шалаш-палатку. У отвесной скалы наискось поставлены жерди, на них уложены ветки, и все это накрыто сверху плащ-палатками. На ложе из веток и мха отдыхают бойцы. Слышен усталый храп.

— Щукин, vedi на огневые точки, — приказал Соколов.

Поднялись на сопку и свернули направо. Двигаемся, согнувшись, перебежками, на виду у немцев. У выступа на голой скале — первый расчет. Руки наводчика Паршко-

ва — на гашетке «максима». Сзади, за круглым камнем — второй номер и подносчик, рядом лежат коробки с лентами и ручные гранаты.

Подползли к пулемету:

— Что замечаете, Паршков?

— Прячутся, сволочи! — обернулся пулеметчик и, увидев нас, обрадованно добавил. — А я уже открыл счет. Вон там, видите два выступа? Там немец с автоматом бежал, я его и прошил.

— Поздравляем! А не холодно?

— Холодовато. Мы, правда, меняемся с напарником, но полусубок не помешал бы.

Немцы находились совсем близко. Впереди, метрах в тридцати, тянулось проволоочное заграждение. Слышно даже, как они кололи дрова. Пахло дымом костра. Чуть подалее ухал миномет и беспрерывно трещали автоматные очереди.

В ту ночь мы обошли все огневые точки до левого фланга. Настроение у бойцов было отличное — почти каждый расчет имел в своем активе истребленных фашистов. В третьем взводе Самойлик с задором рассказал, как отправили они на тот свет двух фрицев. Потом он подвел нас к небольшой расщелине и показал дорогу к пулеметному расчету у погранзнака. Надо было метров тридцать бежать зигзагами по овальной голой скале.

— Следите за мной, — Самойлик пригнулся, поднял полы шинели и бросился вперед, петляя из стороны в сторону.

Вокруг свистели и «тявкали» пули. Но Самойлик уже кубарем скатился куда-то вправо и поднял руку. По его знаку перебежал сначала Соколов, а за ним и я. На открытой площадке в 6—8 метрах от погранзнака мы увидели огневую точку с амбразурой, от которой треугольником в обе стороны шел полуметровый бруствер из камней. За станковым пулеметом лежал наводчик Наумов. Позади бруствера

сидели бойцы расчета во главе со старшим сержантом Алисионком. Пулеметчики доложили, что их расчет уничтожил трех немцев.

Обход огневых позиций показал, что позиции немцев лучше скрыты и укреплены. Наши огневые точки почти все находились на открытом месте, простреливались с двух, а то и с трех сторон. Ходы сообщения, наскоро сложенные из мелких камней, плохо защищали от пуль и осколков. Да и было этих ходов не очень много.

Вытянуться в рост бойцы могли только под сопками в часы отдыха.

В первые месяцы у нас совсем не было автоматов, имелось всего несколько ротных минометов. Но зато до последней капли крови готовы были защищать свою Родину наши бойцы. Знал это и враг. Потому он поспешил укрепить свои позиции, поставил проволочные заграждения, обвесив их банками и бутылками. В первые же сутки враг убедился в меткости наших пулеметчиков. На счету роты — не менее 20 убитых и раненых офицеров. Наши потери — 8 человек. Не стало наводчика Паршкова. Его тут же заменил сержант Квалишвили. Вторично был тяжело ранен Стремленко. В третьем взводе серьезное ранение получил младший сержант Иванов, доставлявший боеприпасы.

Бережно уложив раненых на волокуши, мы отправили их в тыл. И тут же, будто сговорившись, наши пулеметчики ударили по вражеской обороне.

Сначала немцы отвечали короткими очередями, а потом, вероятно, решив, что готовится разведка боем, открыли бешеный минометный огонь по перешейку. Боясь задеть своих, гитлеровские минометчики не решились бить по нашему боевому охранению.

Соколов приказал прекратить огонь и усилить наблюдение. Надо было беречь боеприпасы, которые с таким трудом доставляли подносчики.

В последующие двое суток мы потеряли 6 человек, из них трое погибли от минометного огня, доставляя через перешеек пищу и боеприпасы.

В один из дней на НП позвонил Самойлик и попросил разрешения зайти.

— Что-то придумал, — заметил вслух Купряшин, писавший политдонесение. — Неспроста этот визит.

Когда Самойлик, согнувшись, вошел в шалаш, Соколов встретил его вопросом:

— Что случилось?

— Все в порядке! Не даем немцу носа высунуть. Поливают наши — будь здоров как!

— Ну-ну, зазря ты не придешь, — улыбнулся Соколов. — Давай выкладывай.

— Эти дни я вел наблюдение за позициями противника... — Самойлик достал из полевой сумки аккуратно сложенный лист бумаги. — Вот смотрите. Здесь — пулеметный расчет немцев. Он на самой гряде скалы. Точка с двумя амбразурами сложена из камней, ведет огонь влево и вправо, но свал не простреливает. Левее — другая огневая точка, но она не прикрывает первую. Дальше, справа у скалы — третья точка, она может прикрыть первую, но оставляет тогда в покое свал. Что, если в темную ночь я с двумя бойцами подползу под проволокой, дам сигнал фонариком и, пока мои расчеты обстреливают вторую и третью точки, мы поднимемся на гряде? Одного немца берем живым, остальных закалываем. «Языка», завернув в маскалат, притащим сюда. Взвод прикроет нас огнем. Времени на операцию — десять минут...

— Что ж, план неплохой, — подумав, сказал Соколов, — но ты ведь знаешь, что за эти месяцы ни разу не удавалось взять «языка», да и под проволокой вы не протиснетесь.

— А мы сообща приподнимем проволоку, она же на кольях.

— А вдруг в этом месте или по свалу мины?
— Место здесь гладкое — скала, а потом мы все прощупаем из пулемета...

— У немцев есть секреты, и вокруг рыскают автоматчики...

— Я и об этом думал. Уверен, что немецкие секреты расположены дальше, а для автоматчиков это слишком открытая местность. До сих пор мы не замечали их перебежек.

— Что ж, хорошо. Но подумайте, кого взять с собой.

— Дятлова и Сизова.

— Ладно, идите, готовьтесь. Только понапрасну не рисковать.

...Шли дни. Рота жила обычной жизнью: была неосторожных егерей и теряла своих солдат. И мы, командиры, несли свою обычную службу. Как-то, обходя подразделения, я застал на отдыхе группу бойцов 5-го взвода. Они только что сменились с позиции боевого охранения на Малой сопке Муста-Тунтури и пили чай. Я подсел к пулеметчикам:

— Ну, как настроение?

— Тяжело, но духом не падаем, — ответил командир взвода Калашников.

Младший лейтенант, весельчак и лихой танцор, не унывал ни при каких обстоятельствах. Но сейчас его лицо было усталым и равнодушным.

— А что думает Метлов? — бодро вопрошаю я, пытаюсь как-то поднять настроение.

— Думаю, как все — бить надо гадов! — прихлебывает чай Метлов.

— Бить-то бить, а сколько мы своих потеряли, — вступил в разговор Алексеев. — Смотри, какой огонь у немца. А у нас и автоматов нет.

— Это ты верно говоришь, — Метлов отставил кружку, — но хныкать не надо. Что у нас за бои. Это еще не бои.

Там, на фронтах, у нас каждый день тысячи гибнут. Ты ведь холостяк?

— Не успел жениться, — буркнул Алексеев.

— Правильно сделал. — Метлов помолчал и, вздохнув, продолжал:

— А у меня четверо детей. Где они с женой? Эвакуировались из Мурманска куда-то...

Слова Метлова звучали убедительно, бойцы слушали его внимательно.

Я поддержал Метлова: да, перед нами хорошо вооруженный враг и будет еще много жертв. Без них не выиграешь войны. Но скоро и у нас будет много и автоматов и минометов. А сейчас надо крепиться, надо суметь перехитрить врага.

Когда я собрался уходить, ко мне обратился комсомолец Митрохин.

— Товарищ парторг, примите от меня заявление в партию.

— Хорошо, пишите.

— У меня уже написано, — Митрохин достал из кармана гимнастерки листок, развернул его. Я прочитал написанные карандашом слова: «...Хочу быть коммунистом. В бою с врагом не дрогнет моя рука».

Командир взвода Калашников расстегнул полевую сумку:

— Вот и мое заявление, прошу рассмотреть.

— Я тоже бы подал, да грамотешки мало, — произнес Метлов.

Я объяснил, что в партию принимают не по образованию.

— Тогда и я напишу завтра, — обрадовался Метлов.

Чтобы рассмотреть заявления, надо было провести партийное собрание. Но как это сделать в боевом охранении? Ведь пришлось бы снимать коммунистов с огневых позиций, а это большой риск. Посоветовались с команди-

ром, политруком и решили принять в партию после смены боевого охранения.

Пришла та ночь, когда Самойлик должен был совершить свою дерзкую вылазку.

План действия знали все командиры взводов и все пулеметные расчеты.

Было темно. Ветер дул в нашу сторону. С НП мы не видели ничего, кроме коротких вспышек от выстрелов. Решили с Соколовым сходить к погранзнаку. Группа находилась в боевой готовности. Но пока Соколов еще раз проверял снаряжение и уточнял детали взаимодействия, ветер стих. Пришлось отложить вылазку и ждать благоприятной погоды. Отдав приказ, мы возвратились на КП.

А через час в районе погранзнака слышались редкие взрывы. Самойлик сообщил по телефону, что мины рвутся близко, и попросил прикрыть группу. Наша батарея ротных минометов тотчас повела ответный беглый огонь.

Вскоре на КП раздался новый звонок:

— Докладывает боец Витязев. На погранзнаке — убитые и раненые. Нужна срочная...

На этом связь оборвалась. Комроты, военфельдшер Семенов и я побежали на высоту. Там мы застали страшную картину: Самойлик и Алиснонок неподвижно лежали у камня.

Боец Витязев, единственный, кто уцелел, санитарным пакетом перевязывал левое плечо Самойлика. Кровь хлестала струей — осколок мины оторвал командиру взвода целиком левую руку. Но он был еще жив.

Семенов сделал перевязку другим раненым, и мы осторожно, на волокушах, доставили их на КП. Самойлик так и не пришел в сознание.

К Витязеву, оставшемуся у станкового пулемета, мы направили сержанта Квалишвили с двумя бойцами.

Раненых и убитых Соколов поручил сопровождать мне. Мы дотащили их на волокушах до передовой, потом на ло-

шадях повезли в полевой госпиталь на Рыбачий. Медики насчитали у Алиснонка около 60 ран.

У Дятлова было около тридцати ран на руках и ногах. Врач сказал нам, что раненых отправят на Большую землю и они будут жить.

Попрощавшись со своими боевыми товарищами, мы направились в Озерко, где в братской могиле и похоронили погибших.

Так не стало Самойлика и его друзей, тех, с которыми он задумал осуществить свой смелый план. Самойлик погиб, не успев вступить в партию. Но высокое звание коммуниста он носил в сердце своем до последнего вздоха.

Несмотря на тяжесть этой утраты и ежедневные потери, рота не падала духом. Напротив, росла ненависть к врагу и крепла вера в нашу победу. За смерть Самойлика заплатили жизнью десятки гитлеровцев.

После двухнедельного пребывания в боевом охранении нашу роту сменили. При разборе выполненного задания командование укрепрайона дало высокую оценку нашим действиям. Прошли партийные и комсомольские собрания. Около 40 бойцов и командиров, в том числе пулеметчики Метлов, Давлетов, Митрохин, Наумов, Витязев, младший лейтенант Калашников, были приняты в ряды Коммунистической партии.

Зимой 1942 года нам стали чаще доставлять почту. Приходило много писем и посылок с подарками. На хребте Муста-Тунтури нашей роте пришлось побывать еще раз.

Используя длинные зимние ночи, командование районом решило укрепить открытые огневые позиции и построить ходы сообщения. Эту важную и сложную работу — на виду, часто под огнем противника — выполнили наши инженерные подразделения.

Однажды с группой бойцов первого взвода мы взбирались на Большую сопку Муста-Тунтури. Вероятно, заслышав нас, немцы открыли огонь из легких орудий. Позади,

метрах в трех от меня, шел пулеметчик Давлетов. Услышав какой-то странный шорох, я оглянулся. На том месте, где секунды назад был Давлетов, вился лишь снежный вихрь. Еще мгновение — и Давлетов уже без каски сидит на снегу.

— Что случилось?

— Не знаю. Какой-то черт закрутил меня.

— Ранен?

— Кажется, нет.

Помогая бойцу подняться, я заметил, что ствол РПД согнут в бараний рог: немецкий снаряд ударил в самый конец ствола и перевернул бойца несколько раз вокруг оси.

Через сутки, находясь в первом взводе, я направился на огневую точку Давлетова.

Командир взвода Шукин решил проверить соседнюю огневую точку.

Я лег рядом с Давлетовым за РПД. Рядом с брестером ручные гранаты, здесь же на треноге — винтовка с вложенной в нее ружейной гранатой.

Вдруг раздался гулкий стук, и метрах в десяти сзади нас разорвалось несколько гранат. Мы взялись за гранаты Ф-1 и стали забрасывать ими немцев. Дуэль продолжалась несколько минут. Затем мы слышали стон, обрывки чужой речи и топот сапог. Вдогонку убежавшим немцам полетело еще несколько ружейных гранат.

Когда все утихло, появился Шукин, начал было расспрашивать, но, увидев длинные палки от немецких гранат, все понял сам.

А утром метрах в 20 от огневой точки Давлетова обнаружили пятна крови и две немецкие каски.

Как-то днем с переднего края сообщили, что наш обоз с боеприпасами обстреляли «мессершмитты».

Я поспешил с группой бойцов на место происшествия. Километрах в двух на дороге увидели разбросанный обоз. Из одних саней раненый ездовой Ниязов торопливо пере-

кладывал ящики и коробки. На других санях лежали троє погибших бойцов. Ниязов рассказал, что «мессеры» на бреющем полете сделали три захода. Он с товарищами во весь опор гнал лошадей, пытаясь добраться до укрытия. Но не получилось...

3. На войне как на войне...

Ряды защитников полуостровов таяли: сказывалась блокада, не хватало продовольствия. Нужна была огромная сила воли, чтобы не дрогнуть в этой сложной обстановке. Коммунисты и комсомольцы, показывая пример другим, мужественно переносили трудности. Командиры большую часть времени находились с бойцами на огневых точках.

Однажды в соседнем подразделении случилось ЧП. Несколько человек из боевого охранения перебежали к врагу. Воспользовавшись этим, немцы усилили моральную обработку наших воинов; там, где наша линия обороны и позиции противника располагались особенно близко, егеря бросали в нашу сторону галеты и консервы. По всему участку они установили громкоговорители, по которым несколько раз выступали перебежчики, хвастаясь тем, как сытно кормят их и как хорошо с ними обращаются. Но гитлеровцы и предатели зря старались — изменников больше не нашлось.

Летом 1942 года командование районом принял генерал-лейтенант С. И. Кабанов, волевой и решительный командир. Подстать командующему был и новый начальник штаба капитан 1 ранга Д. А. Туз. Начальником политотдела стал полковник Ягудин. Вместо 23-го укрепрайона был создан Северный оборонительный район Северного флота.

Защитники Рыбачьего и Среднего почувствовали себя увереннее. Гарнизон пополнили свежие части морской пехоты, пришла новая боевая техника. Новое командование, имевшее опыт проведения морских операций, усилило подготовку личного состава к активным действиям.

В частях и подразделениях развернулась политическая работа. Вскоре вышла новая многотиражная боевая газета «Североморец».

В один из весенних дней 1943 года, когда густой туман на море начал редеть, мы заметили в стереотрубу маленький корабль, который направлялся к нам с норвежской стороны. Мы увидели на мачте большой красный флаг. Рыболовный моторный бот вошел в бухту и ошвартовался. На его борту находились двое мужчин, две женщины и пятеро детей в возрасте от 3 до 14 лет. Норвежские семьи попросили политического убежища в нашей стране.

Всех нас восхитил смелый поступок норвежских патриотов...

Северный оборонительный район стал еще активнее вести борьбу на морских коммуникациях противника: торпедные катера Шабалина, взаимодействуя с 221-й артбатареей, плотно блокировали вход в залив Петсамо. Лишь изредка, под прикрытием дымовых завес, немецкие корабли врага удавалось прорваться сквозь эту блокаду.

В районе Рыбачьего успешно действовали наши подводные лодки. Однажды «малютку», находившуюся в надводном положении неподалеку от нас, атаковали три «мессершмитта». Налет был неожиданным. Пока лодка погружалась, самолеты успели сбросить на нее весь бомбовый груз. Мы уже подумали, что все кончено — лодка погибла. Однако минут через сорок она как ни в чем не бывало всплыла метрах в ста от места нападения. В какой-то степени «малютке» помогли наши спаренные пулеметы, не позволившие немецким самолетам снизиться для прицельного бомбометания. К сожалению, не всем судам везло, как этой подлодке.

Как-то ранним утром к мысу Кекурский направлялся буксир «Мурманрыба» с баржей. Погода была ясная, тихая. Из трубы буксира поднимался в небо столб черного дыма, и трудно было надеяться, что его не заметят с нор-

вежского берега — в такую погоду мы без всякой оптики видели купола церквей в г. Варде. Так и случилось. Шесть «мессеров», один за другим, вошли в пике. На этот раз наши пулеметы бессильны были помешать фашистским стрелялкам.

На палубе «Мурманрыбы» взорвалась бомба. Какое-то время буксир, окутанный густой пеленой дыма и пара, еще держался на воде. Но через несколько минут стала погружаться корма. Люди бросались за борт. Бойцы нашей роты поспешили на помощь. Первыми поплыли молодые коммунисты Метлов и Наумов. Подошел к месту гибели буксира и катер-охотник. Но удалось спасти лишь человек 15, остальные погибли.

Уцелевшую баржу под охраной боевых судов доставили к месту назначения.

Редкий день пустовало над Рыбачьим небо. То прилетала бомбить наши батареи свора «юнкеров», то висели вверху вражеские самолеты-разведчики, то шли привычной трассой встречать и охранять караваны союзников наши истребители. Первое время, когда мы не имели ничего другого, кроме спаренных зенитных пулеметов, гитлеровские летчики нагло хозяйничали в небе, что называется, брили землю. Однако, потеряв несколько машин, стали летать осторожнее. Немецкие бомбардировщики, возвращаясь со стороны фронта на свою базу в Киркенес или Петсамо, как правило, заворачивали к Рыбачьему, чтобы сбросить оставшийся бомбовый запас.

Однажды, когда наша рота стояла у Вайда-губы, один из таких самолетов-«возвращенцев» чуть было не отправил меня на тот свет. Я обходил огневые точки, когда услышал вдруг нарастающий гул и увидел, что сверху круто входит в пике «юнкерс-88». Не добежав метров сто до огневой точки, я бросился на землю. Вижу, как от его брюха отделилась черная капля. «Ну, — думаю, — прямое... и конец».

Сердце замерло в ожидании разрыва, но раздался легкий удар о землю, и ничего больше. Приподнял голову — и душа в пятки ушла. В нескольких метрах от меня лежала здоровенная красная бомба. Я еще сильнее прижался к гальке, но тут увидел выходящего из дота бойца.

— Бомба! — заорал я ему.

А он хоть бы что, стоит и смотрит с любопытством на полутонную махину. Пришлось и мне встать и подойти поближе. Обломав хвостовое оперение, бомба, на мое счастье, не взорвалась.

Она так и осталась лежать на берегу Вайда-губы. Разряжать ее было некому, а подорвать такую «страшную штуку» побоялись.

Осенью 1942 года над полуостровом впервые появился немецкий самолет-разведчик «фокке-вульф-190». За двойной фюзеляж его сразу же прозвали «рамой».

Летали на нем, видимо, опытные пилоты. Они знали, где находятся наши зенитные установки, и старательно обходили их стороной. ФВ часто летал по ночам, причем довольно низко, выматывая душу монотонным воем. Появлялся обычно в одиночку и не задерживался подолгу в небе.

«Фокке-вульф-190» долго был неуязвим. Но однажды — это было уже летом 1943 года — его сбили где-то у мыса Скорбеев. Один из истребителей Северного флота, летевший конвоировать караван союзников, заметил ниже себя «раму» и, атаковав ее, поджег оба мотора.

Подбитый «фокке-вульф» сел в расположении первой роты нашего батальона. Попав в окружение, фашисты стали отстреливаться, но после того, как двое летчиков были ранены, подняли руки.

В новой машине, действительно, находились опытные асы. У каждого по 2—3 железных креста. Держались они нагло, вызывающе. Внутри самолета все было обито коврами. По стенам висели порнографические открытки, а в ка-

бине находилась лохматая собачонка. Так что летали немцы с особым «комфортом».

На карте, отобранной у пленных летчиков, довольно точно были указаны многие наши огневые позиции и названия частей нашего гарнизона.

...Разгром немцев под Сталинградом ослабил боевой дух гитлеровских захватчиков и на Севере. Это заметили и мы: наши «визави» начали усиливать свою оборону, строить новые укрепления на хребте Муста-Тунтури. Однако немецкие самолеты все реже облетали полуострова, да и летали теперь фашистские асы только в паре.

Наша боевая мощь росла.

Начиная со второй половины 1943 года почти каждые сутки торпедоносцы и штурмовики под прикрытием истребителей шли на Варде, Вадсе, Киркенес. Были дни, когда мы насчитывали до 150 самолетов, летевших бомбить врага.

Немецкий летчик с подбитого «мессершмитта», доставленный в штаб СОРа, то и дело поглядывал вокруг, поднимал руки и повторял: «Гитлер капут. Гитлер капут». Куда девалась прежняя спесь пленных асов!..

У нас в батальоне росли ряды коммунистов. Во второй и третьей ротах каждый четвертый воин был коммунистом.

За время службы в этих подразделениях я дал бойцам и командирам более ста рекомендаций в партию.

4. Час расплаты

В ночь на 10 октября 1944 года войска гарнизона Рыбачьего и Среднего заняли исходные позиции. Эсминцы Северного флота навели орудия на укрепления немцев. Десантные суда приняли на борт морских пехотинцев

и воинов 347-го отдельного пулеметного батальона, как стал именоваться наш пулбат после создания СОРа.

На КП генерал-лейтенанта Е. Т. Дубовцева все готово к боевой операции. Несколько часов назад сюда прибыл первый секретарь Мурманского обкома партии член Военного совета Северного флота Максим Иванович Старостин. Начальник штаба капитан 1 ранга Д. А. Туз доложил ему обстановку.

М. И. Старостин решил побывать на передовом НП, расположенном примерно в километре от хребта Муста-Тунтури. В это время разразился сильный снегопад. Большие мокрые хлопья снега слепили глаза. Все уговаривали Максима Ивановича отказаться от похода в такую погоду, но он попросил маскхалат и направился на НП в сопровождении двух офицеров штаба. Возвратился он буквально за несколько минут до артподготовки, усталый и промокший.

Началась подготовка. Сотни орудий в течение двух часов вели огонь по заранее пристрелянным позициям Муста-Тунтури. От гула и грохота дрожала земля: артиллерия расчищала морской пехоте путь для решающего штурма. После мощной огневой обработки переднего края немецкой обороны, морские пехотинцы бросились в атаку.

В течение всего дня 10 октября на Муста-Тунтури шли жестокие бои. Наша танковая рота с трудом пробилась через усеянную минами ложину и вышла к дороге на Титовку. Следом за ней выехал на машине командующий районом генерал-лейтенант Дубовцев.

Ночью 13 октября пулеметчики 347-го батальона под командованием моего однофамильца майора Тимофеева на катерах ворвались в Линахамари и с боем высадились на причалы порта. К сожалению, мне не довелось участвовать в этой операции — в конце 1943 года я был направлен на работу в штаб СОРа. После освобождения Северной Норвегии от гитлеровцев я встречался на Рыбачьем с мо-

ими товарищами по батальону, участниками штурма Линахамари, и знаю, что свою боевую задачу они выполнили с честью.

Десантный удар был дерзким и внезапным. В этом мы убедились, прибыв 14 октября на катерах в Линахамари. В немецких дотах лежали штабеля неиспользованных артиллерийских снарядов. Повсюду валялись трупы немцев. Мы видели их на огневых точках и по дороге из порта, на склонах сопки и у бензохранилищ.

У двухэтажного деревянного здания, где размещался немецкий штаб, осталось зенитное орудие, а вокруг здания — девять или десять брошенных немцами мотоциклов. В штабных гардеробах висело несколько офицерских шинелей, на кухне стояла в кастрюлях приготовленная пища, а на столах разложены обеденные приборы.

Захваченные врасплох гитлеровские вояки побросали все. Единственное, что они успели сделать — это поджечь большой склад фуража.

Советское Заполярье было очищено от немецко-фашистских захватчиков.

В июле 1966 года мне удалось побывать на перешейке Среднего, на местах боев. Мирные сопки хребта Муста-Тунтури до сих пор еще хранят следы тех 1200 дней обороны. Шестикилометровая линия хребта, где проходило наше боевое охранение, полита кровью тысяч наших бойцов-героев.

Многие мои товарищи по Рыбачьему благополучно прошли войну. В Мурманске живут и работают мои однополчане: маляр рыбокомбината Сизов, столяр Высшего мореходного училища Кальсин, инженер-строитель управления «Мурмансельдь» Березин, механик рыбколхозсоюза Романов. Часто встречаю Сучкова, Цветкова, Горева, Кочерова, Храмцова, Севрюгина. В Кировске живет бывший секретарь партбюро нашей части Калюкин. Уже после войны умерли славные боевые друзья: бывший член

партбюро старший сержант Архипов, пулеметчик Витязев, младший лейтенант Калашников.

Пройдут еще многие годы, но в памяти всегда будут воспоминания о тяжелых буднях Рыбачьего, дорогие имена мертвых и живых.

г. Мурманск

И. ТИМОФЕЕВ,

бывший заместитель командира
2-й роты 7-го отдельного пулеметного батальона,
капитан запаса

МЫ БЫЛИ ПУЛЕМЕТЧИКАМИ...

В армию я был призван в 1936 году. Служил на Дальнем Востоке, позже участвовал в боях с белофиннами на Мурманском направлении.

В 1939 году в Луостари у костра меня торжественно приняли в комсомол.

В сентябре 1940 года демобилизовался, но в первые же дни войны с гитлеровской Германией снова ушел в армию. Направили меня на Рыбачий в 23-й укрепрайон. При формировании частей я попал в 56-ю отдельную пулеметную роту. Вместе с приданной ротой саперов мы обороняли высоту 122 на хребте Муста-Тунтури.

Захватив Титовку, фашистские войска обрушились на перешеек полуострова Средний, который в первые дни войны обороняли несколько подразделений. В поселке Кутовая стояла 57-я отдельная пулеметная рота, сформированная из мурманчан, дальше к западу находилась наша 56-я рота, состоявшая в основном из кировчан. За ней — 55-я пулеметная рота. Еще западнее располагался 15-й отдельный пулеметный батальон. В глубине обороны, на перешейке, стоял 135-й стрелковый полк.

Немцам не удалось с первого удара прорваться на Средний. Героические действия гарнизона 23-го укрепрайона

сбавали планы гитлеровского командования. Наша рота сражалась до тех пор, пока были боеприпасы, но затем вынуждена была оставить высоту 122, отошла назад и закрепилась на перешейке.

В июле 1941 года, получив подкрепление, части укрепрайона перешли в наступление с тем, чтобы отвоевать оставленные позиции на Муста-Тунтури.

Пулеметчики нашей роты штурмовали высоты 41 и 122 и правый склон Муста-Тунтури. Наступление увенчалось успехом — мы заняли надежный плацдарм для боевого окрещения.

С наступлением темных ночей у защитников полуострова Средний началась горячая пора: строили на переднем крае дзоты, землянки, рыли траншеи — подходы к боевому охранению. Строительных материалов не было. Приходилось разбирать в поселке Кутовая казармы, разрушенные дома, пилить телеграфные столбы. Спилить телеграфный столб было трудным и рискованным делом: заметив наших «лесорубов», немцы тотчас открывали огонь. Выручала солдатская находчивость: днем мы пулеметными очередями срезали столбы, а когда опускались сумерки, уводили их из-под носа у немцев.

Приходилось переносить так много камней и бревен, что плечи стирались до крови. По ночам на передней линии обороны никто не спал, все были заняты работой. Кроме строительства укреплений нам приходилось нести службу и боевом охранении, доставлять туда боеприпасы и продовольствие.

Печи топили мелкими прутьями, которые собирали в лошине, простреливаемой немцами. Но много ли жару от тоненьких прутьев! И чтобы как-то согреться, солдаты применяли свой способ: брали патрон ракеты, удаляли гильзу, а ракету бросали в печку. Сгорая, ракета накаляла печку докрасна, и в землянке на какое-то время воцарялось блаженное тепло.

Такое отопление не поощрялось, но другого выхода не было...

На передней линии обороны в районе губы Кутовая я со своими товарищами пробыл 15 месяцев. За это время мы хорошо изучили и обстановку, и повадки противника. Во время майской операции 1942 года мне пришлось за один день трижды пробираться на высоту 122. Подходы к ней были самыми трудными: вся лощина от высот Безымянной до высоты 122 лежала как на ладони и простреливалась немцами с трех сторон.

...В начале дня разбило землянку в боевом охранении, и нам приказали поднести туда бревна. Не успели отойти от высоты Безымянная, как ранило моего напарника. Пришлось, оставив ношу, выносить обливавшегося кровью товарища из зоны обстрела.

Тут же поступил новый приказ: в первую очередь выносить раненых из боевого охранения. Было светло, и немцы контролировали буквально каждое наше движение. Тем, кто бежал впереди, удалось проскочить через лощину. Но в следующий момент мы потеряли несколько человек убитыми и ранеными.

Стало ясно — всем сразу не пробиться, нужна другая тактика. Решили разбиться на мелкие группы и преодолевать огненную полосу через определенный интервал времени. Выбрав подходящий момент, мы втроем стремглав побежали по лощине.

Попытка оказалась удачной. Мы еще дважды прошли смертельным маршрутом в тот день. Две пробоины в моем маскировочном халате — не самый худший след этой опасной вылазки.

Много раз за эти месяцы моя жизнь висела на волоске. Ранним июльским утром 1942 года я направлялся с переднего края за обедом на кухню. Заметив меня, немцы открыли пулеметный огонь. Миновав опасную зону, я радовался тому, как ловко мне удалось перехитрить вражеские пули.

И только когда добрался до места, увидел, что термос прострелен навывлет...

Был и другой случай. Однажды дежурил я на одной из пулеметных точек. Вдруг вижу кто-то зашевелился в кустах. Подав в землянку сигнал тревоги, я подскочил к станковому пулемету. И тут перед амбразурой появился виновник тревоги — олень. Подбежал взволнованный командир взвода:

— Что случилось? Ба, да это олень, вот так пода-рок!..

Действительно, при нашем скудном пайке оленина была как «дар небесный». Но олень успел отбежать на солидное расстояние — из пулемета его не убить никак.

Я взял винтовку и отправился вслед за животным в лощину. И тут, заметив меня, немцы открыли пальбу. Я проскочил к дороге и укрылся в канаве, на нейтральной полосе. Чтобы не упустить оленя к противнику, начал одиночными выстрелами гнать его к нашей линии обороны. В результате этой необычной охоты наша рота два дня питалась вкусным свежим мясом.

...Связь с Большой землей, как мы называли тогда Мурманск, была очень плохая. Первое письмо я получил лишь на седьмой месяц войны.

Было и много других трудностей: недоставало боеприпасов, продовольствия, материалов. Но ни артиллерийский обстрел, ни бомбежки самолетов, ни тяготы солдатской жизни не сломили дух защитников Среднего и Рыбачьего. Мы ненавидели врага и били его беспощадно.

Немцы все время вели подрывную агитационную работу. Тут были и листовки, и громкоговорители. В первые дни войны в этих агитках содержалась неприкрытая угроза: «Рус, сдавайся, для вас бомб хватит». Но почувствовав, что это «не берет», немцы сменили «кнут на пряник». Тон листовок стал иным: «Сдавайтесь группами и в одиночку, кормить будем макаронами, за принесенное оружие будем

платить». Приятно сознавать, что в нашей роте не оказалось ни одного подлеца, который бы изменил Родине.

В сентябре 1942 года наша рота вошла в состав 349-го отдельного пулеметного батальона.

В октябре 1942 года батальон отвели на западное побережье полуострова Средний на линию обороны, которую раньше занимал 15-й пульбат. В это время меня перевели во взвод связи старшим телефонистом. Здесь я находился до дня наступления в октябре 1944 года. Из личного состава нашего батальона был сформирован десантный отряд под командованием Тимофеева, который получил задачу захватить порт Линахамари.

Я был автоматчиком и запасным радистом в группе школы сержантского состава. Вначале нас высадили вблизи мыса Крестовый, и мы двинулись на соединение с разведотрядом Барченко-Емельянова, который вел бой на Крестовом.

А в ночь с 13 на 14 октября нашу группу на катерах перебросили в Линахамари. На рассвете вместе с разведротой 63-й бригады морской пехоты мы пошли в наступление и после недолгого боя соединились с частями, двигавшимися к Петсамо.

После этого батальон снова расквартировали в наших старых землянках на полуострове Средний. Трудно было поверить, что немцы разбиты и изгнаны. Странно было слышать в этих местах тишину. Пришлось учиться спать по ночам.

В марте 1945 года нас перебросили на Тихоокеанский флот. Здесь моряки-северяне участвовали в разгроме японских милитаристов.

Много мне пришлось пережить и увидеть, но огонь и скалы Муста-Тунтури навсегда останутся самым ярким воспоминанием жизни.

г. Мурманск

Н. МЕНЬШИКОВ,

бывший старший матрос

К. Симонов

ИЗ ВОЕННЫХ ДНЕВНИКОВ

К двум часам дня мы с Зельмой пришли на лесную пристань и увидели судно, на котором нам предстояло плыть. Это был небольшой, до крайности грязный мотобот «Таймень», очень маленькое суденышко, на котором числилось всего восемь человек штатской команды, включая сюда и капитана, и главного механика, и буфетчицу.

На этот раз «Таймень» был гружен дровами, которые в ожидании зимних еще более свирепых штормов спешили заранее доставить на Рыбачий и Средний полуострова.

Мы влезли на мотобот, он отвалил, и мы часа два медленно шли по Кольскому заливу, еще долго продолжая видеть Мурманск. Погода была хорошая. Немцы совершали очередной налет на Мурманск. Над головами, над заливом крутились самолеты, шел воздушный бой, а где-то сзади бомбили.

Капитан, долговязый немолодой человек, в ватнике и в красной выцветшей фуфайке, всю дымя махоркой, рассказывал нам, как в прошлый рейс, когда он входил в гавань Эйну, его обстреляла немецкая батарея и сделала ему несколько небольших пробоин. Он рассказывал нам эту историю на все лады и очень громко, как глухим. Из этого я уразумел, что, как видно, он в предыдущий рейс возил на Рыбачий не только дрова, но и водку, и это не осталось без последствий. Впрочем, сам капитан развивал другой вариант. Он с увлечением любующегося собственной ложью человека рассказывал о каком-то мифическом полковнике, который был хороший человек, очень хороший человек, прекрасный человек, и оставил ему целую бутылку водки: «Во!» — капитан в несколько приемов, постепенно все шире и шире разводя руки, показывал, какая это была

бутыль. — «На тебе, Петруша! Пей, дорогой моряк. Пей, пока живой» — так звучали слова полковника в изложении капитана, которого с этой минуты мы стали звать между собой Петрушей.

В начале пятого спустились сумерки, и уже мимо губы Грязной мы шли в полной темноте. На море свежело. Петруша высказал опасение, что «Мотка — так он по-моряцки называл Мотовский залив, — Мотка — она стерва, помогает сегодня. Ох, и мотать будет!» — говорил он с пьяной улыбкой и с таким довольным видом, словно его прогнозы могут доставить нам одно только удовольствие.

Потом мы по приглашению Петруши спустились в его каюту. Это была крошечная клетушка с крошечным столиком и двумя койками одна над другой. Я завалился на верхнюю, а Зельма на нижнюю. К этому времени мы уже вышли в Мотовский залив, и нас действительно начало качать.

Часа через полтора в каюту пришел сменившийся с вахты Петруша.

По-прежнему вспоминая добрыми словами полковника, он вытащил из-под койки действительно изрядных размеров бутылку с водкой и налил в чайные стаканы — себе и нам. Мы выпили. Стало тепло и хорошо, и даже начало казаться, что меньше качает.

К этому времени в каюту Петруши явился пароходный механик, человек с угрюмым характером и, как сразу же выяснилось, с весьма мрачными взглядами на жизнь. Он был недоволен сразу всем: Петрушей в качестве капитана, тоннажем своего мотобота, плохим состоянием машины, наличием войны между Германией и СССР. Но больше всего тем, что немцы обстреливают залив. Чувствовалось, что это его очень волновало, даже в таком пьяном виде, в каком он появился в каюте у Петруши. Очевидно, добродетельный полковник снабдил водкой не только Петрушу, но и механика.

И я начал уже опасаться, как бы мы из-за доброты полковника, чего доброго, не попали вместо гавани Эйна на мыс Пикшуев, к немцам.

Между механиком и Петрушей произошел длинный спор, в котором оба они апеллировали к нам. Негодование механика не утихло часа полтора или два. Он вспоминал разные горестные эпизоды из своей жизни и укорял нас тем, что мы вот плывем и даже не знаем, с каким трудом он, механик, возит нас на этом паршивом мотоботе, на котором такая невозможная машина. Он упрекал Петрушу в том, что тот ушел с вахты, а немцы тем временем могут нас обстрелять. Но когда задетый этими словами Петруша решил раньше времени вернуться на вахту, механик стал обижаться: «На кого же ты меня оставляешь, Петруша?», Петруша остался.

На исходе второго часа беседы механик наконец уснул, положив голову на стол, а Петруша все же отправился на вахту.

Прошло несколько часов. Довольно сильно штормило — было пять или шесть баллов, — но ветер оказался попутным, и мы пришли в Эйну раньше, чем предполагали, глубокой ночью. Ежась от холода, мы вылезли на палубу и по сходне перебежали на берег. Влево и вправо уходили берега Рыбачьего скалистые, покрытые снегом. И рядом с этим снегом окаймлявшее его море казалось почти черным.

Справа от того места, где мы пристали, торчали мачты и трубы затопленных судов.

С самого начала войны после того, как немцы первые три дня своим маршем на восток, к реке Западная Лица, отрезали Рыбачий и Средний от материка, они лишили гарнизон полуостровов всякого сухопутного сообщения. Теперь, пытаясь нарушить единственную оставшуюся коммуникацию, морскую, немцы зверски бомбили и маленькую гавань Озерки на Среднем полуострове и гавань Эйну на Рыбачьем. И на причалах и в их окрестностях не было бук-

важно ни одного живого места, все было в занесенных снегом воронках.

Мы вылезли на берег и пошли искать начальство.

Ночь была студеная и ветреная. Мела метель, под ногами крутилась поземка. Проваливаясь в снегу, мы с Зельмой забрались на какую-то гору, но никого там не нашли, вернулись на пристань, пошли снова, но уже в другую сторону и, наконец, по легкому дымку нашли пещеру, в которой грелся дежурный патруль. Красноармеец проводил нас к коменданту. Его землянка, в километре от гавани, была врезана в один из каменистых холмов.

В этой довольно просторной землянке с четырьмя койками за сбитым из досок столом сидел комендант гавани Эйна старший лейтенант Гинзбург, как выяснилось, одесит — по рождению, убеждению и образованию. Пока что за время войны здесь, на Рыбачьем, у него был только один корреспондент, и Гинзбург был обрадован нашим появлением.

Мы сразу стали спрашивать его, как добраться до штаба укрепленного района. Он сказал, что быстро добраться туда нечего и думать. Днем из Эйны в Озерки морем не пройдешь, потому что все последние дни немецкая батарея простреливает насквозь залив, а посуху надо ехать сорок километров. Но сейчас дорога, соединяющая Эйну с Озерками, занесена так, что несколько десятков грузовиков с продовольствием вот уже двенадцать часов стоят в снегу, и водители только и делают, что разгребают снег, чтобы грузовики окончательно не занесло.

Услыша это, мы попросили у Гинзбурга разрешения доспать у него ночь, и Гинзбург, по законам северного гостеприимства, угостив нас водкой, чтобы согрелись, предложил нам укладываться.

Под утро меня разбудил могучий кашель и кряхтенье. В землянку с разгрузки дров вернулся подполковник Собчак, старый вояка, на вид лет за пятьдесят, с седыми уса-

ми и зычным голосом лейб-гвардии фельдфебеля. Оживленно обсуждая с Гинзбургом результаты погрузки и разгрузки, он кряхтел, кашлял, хмыкал, заполняя могучими трубными звуками все помещение землянки. Наконец Собчак с Гинзбургом заснули, и я тоже.

Прошло еще полчаса или час, я сквозь сон услышал, как Гинзбург разговаривает с кем-то по телефону. Потом опять кто-то пришел в землянку, и начался служебный разговор в резком тоне, причем, как я даже спросонок сразу сообразил, одним из собеседников была явно женщина. Когда я открыл глаза, то увидел стоявшую перед Гинзбургом официально, навывтяжку, девушку в набекрень надетой ушанке, в полушубке, бриджах и щеголеватых сапожках. Она говорила с Гинзбургом очень громко и очень официально.

— Товарищ старший лейтенант, — говорила она, — если вы не обеспечите мне транспорт для срочной доставки раненых с пункта медпомощи на пристань, то я подам рапорт по команде.

Гинзбург устало, спросонок, сидел за столом и отвечал ей миролюбиво и тихо:

— Таисия Ивановна, ну зачем же рапорт? Я вам и так все сделаю. И почему вы сейчас пришли? У меня тут люди спят, журналисты приехали. Ну зачем вы с вашим рапортом людей будите?

Но Таисия Ивановна со всей гневной и непреклонной официальностью своих девятнадцати лет требовала выполнения каких-то параграфов, которые обязан был выполнить комендант гавани Эйна.

— Вы комендант или не комендант, товарищ старший лейтенант? — спрашивала она Гинзбурга.

Гинзбург, по-прежнему миролюбиво, соглашался с тем, что он комендант.

— Так в чем же дело?! — непреклонно спрашивала Таисия Ивановна.

Гинзбург сказал еще несколько миролюбивых фраз, клонившихся к тому, что он выполнит все требования Таисии Ивановны, после чего она наконец ушла, кинув на нас, грешных, высокомерный взгляд.

Когда я проснулся следующий раз, сквозь крошечное оконце пробивалась чуточка белесого света. Зельма вскочил, схватил аппарат и отправился шастать по гавани, спеша снять все, что тут можно снять в светлое время. А я остался в блиндаже ждать куда-то ушедшего Гинзбурга. Вскоре он вернулся, и мы сели завтракать.

За завтраком Гинзбург немедленно начал расспрашивать меня об Одессе. Первый вопрос был, конечно: — как там, в Одессе, Оперный театр? Когда я сказал, что в Оперный театр попали два снаряда и немножко повредили фронтон, Гинзбург стал ахать, как, впрочем, ахали при этом рассказе и другие одесситы, и долго сокрушался, говоря о том, какой это был изумительный театр, и как ему жалко, что в него попали снаряды. Он так горевал, что могло показаться: разбитый фронтон одесского театра — чуть ли не главная наша потеря за время войны.

Ответив ему на все вопросы об Одессе, я все-таки стал выяснять, как нам добраться в Озерки. Выяснилось, что мотоботы туда пока не пойдут, а машины тоже пойдут не раньше, чем через сутки-двое: метель все еще продолжается. А пробовать ехать туда верхом комендант не советовал.

— В такую метель, как сейчас, извините за выражение, — добавил он деликатно, — мы и в уборную-то по веревке ходим. Натянем и ходим, а то заблудиться можно.

Я попросил его созвониться со штабом укрепленного района, попросить, чтобы за нами будущей ночью прислали оттуда, из Озерков, моторку. Комендант одобрил мой план и приказал телефонисту начинать дозваниваться. Тогда я спросил, чем можно заняться здесь в течение этого дня. Он ответил, что ничего особенного тут у них нет, что Зельма,

которого он встретил на улице, пошел снимать зенитчиков. Но они еще не проявили себя здесь в такой мере, чтобы о них стоило писать.

Потом мы разговорились, он стал вспоминать жену и дочь, оставленных им в Одессе, сказал, что тоскует по югу, и шутя заметил, что если Кольский полуостров — нос Европейского материка, то Рыбачий полуостров — это бородавка на носу, и, стало быть, он здесь не что иное, как комендант бородавки, только и всего.

Потом пришла Таисия Ивановна. Она не показалась мне такой грозной, как ночью, и разговаривала теперь с комендантом уже менее сурово. Выяснилось, что она военфельдшер, начальник эвакупункта. В гавани Эйна — единственное лицо среднего командного состава женского пола в пределах всего Рыбачьего полуострова. Видимо, это обстоятельство и обязывало ее к такому строго официальному и суровому обращению с лицами командного состава мужского пола. А то, что ей было всего девятнадцать лет, заставляло ее вдобавок требовать, чтобы в тех случаях, когда к ней обращаются не по званию, ее называли только полным именем и отчеством — Таисией Ивановной.

Гинзбург вскоре ушел, а мы с Таисией Ивановной остались сидеть в землянке. Когда мы разговорились, когда она сняла ушанку, под которой обнаружились короткие, по-мальчишески стриженные волосы, Таисия Ивановна оказалась девушкой Таей, из Ленинграда, с папой, мамой, с сестрами и братьями. Сюда, на Рыбачий полуостров, ее занесло уже шесть месяцев назад, и здесь у нее под началом было шесть женщин-санитарок и прачек, которыми она командовала со всей строгостью, присущей ее возрасту.

Кроме того, здесь на Рыбачьем было человек тридцать командиров, многие из которых поначалу сочли своей прямой и приятной обязанностью ухаживать за Таисией Ивановной. Удивляться этому не приходилось — большинство

людей сидело здесь, в этом укрепленном районе, уже давно, со времени заключения мира с Финляндией — с марта со рокового года.

А между тем девушка была командиром и должна была выполнять свои служебные обязанности и вступать при этом в пререкания с другими начальниками из-за транспорта, из-за питания, из-за медикаментов и из-за многого другого. У нее сложились официальные отношения, которыми она не могла пренебрегать. От этого-то и родилось ее постоянное напряженное состояние, ее подчеркнутая официальность и даже требование, чтобы ее звали только по имени и отчеству. В условиях, когда кругом нее были только мужчины, малейшая фамильярность, одна улыбка кому-то из них уже не дали бы ей возможности работать дальше так, как она хотела и считала нужным.

Все это напомнило мне чем-то рассказ Горького «Двадцать шесть и одна» и ту опасность, которая угрожала там героине...

Днем я вместе с комендантом ходил в блиндаж к женщинам, политрук гарнизона проводил там комсомольское собрание.

К чему только не привыкаешь на войне. Но сейчас, когда я вновь вспоминаю этот крохотный блиндажик с длинными сплошными нарами, эту земляночку, в которой заперты семь женщин, на самом краю света, на холме над гаванью, которую все время бомбят; вспоминаю тамошние страшные ветра и постоянные метели, — мне начинает казаться, что я никогда не забуду тех, казалось бы, ничем не примечательных минут, что я пробыл там.

На собрании женщины сидели устало, клевали носами, не в силах преодолеть желания спать. Потому что как раз днем они обычно и спали, а по ночам работали. В прачечной стирали белье только в темное время, когда идущий из трубы дым не демаскировал расположение. И при таком распорядке работы получалось, что даже сейчас, когда полярная

ночь еще не началась, эти женщины по целым неделям не видели дневного света.

К вечеру Гинзбург наконец дозвонился, и ему обещали, если хоть мало-мальски позволит погода, прислать за нами из Озерков моторку. А метель все продолжалась.

Ближе к ночи пришел подполковник Собчак. Он устало повалился на койку, свернул сигарку и вдруг стал рассказывать о финской кампании, о том, как он мучился тогда с оленьим транспортом, будь он проклят!

— Уж слишком неприхотливые животные — олени, — сердито говорил он. — Такие неприхотливые, что ничего, кроме своего ягеля, не жрут. А где его возьмешь, этот ягель? Дашь ему сена — головой мотает, дашь ему хлеба — головой мотает. Дай ему ягеля! А ягеля нет. Так я и воевал с ними, с оленями. Я на себе вместо них грузы таскал, а они ходили и свой ягель искали.

Собчак стал одну за другой выкладывать разные административно-хозяйственные истории, связанные со службой на Севере. Запомнить я их не запомнил, но понять хорошо понял: что здесь, на Рыбачьем, все перевозки, все виды снабжения, и топливо, и еда — все достается горбон!

За этот день, что мы пробыли в Эйне, ее два раза бомбили и один раз над головой произошел воздушный бой, ушедший потом куда-то за облака.

Теперь ночью говорили об этих бомбежках лениво, привычно обсуждая, где и когда падали бомбы, где сегодня, где в прошлый раз. Собчак сказал, что если бы собрать все железо, сброшенное на несколько домов, составлявших раньше поселок Эйна, то из одного этого железа можно было бы выстроить три таких поселка.

Про бомбежки говорили долго, наверно часа полтора. И я понял, что, как ни крепись, а сидеть здесь уже полтора года людям безмерно скучно, и бомбы, падающие в разных местах — сегодня здесь, а завтра там, — пожалуй, вносят

в их жизнь некое, хотя и жутковатое разнообразие и именно поэтому являются главной темой ночных бесед. Не потому, что люди придают такое уж особенное значение этим бомбежкам, а просто потому, что здесь уже больше не о чем и говорить.

Ночью по телефону позвонили, что моторка пришла.

Простившись с комендантом, подполковником и Таисией Ивановной, мы с Зельмой взвалили на плечи вещевые мешки и двинулись под гору к гавани.

Моторка стояла у одного из разбитых причалов. В ней было двое — моторист и пулеметчик. Мы спрыгнули в лодку, и она сразу тронулась. В самой гавани было сравнительно тихо, но едва мы вышли в Мотовский залив и пошли вдоль берега, как стало сильно мотать. Было пять-шесть баллов. Лодку швыряло то вверх, то вниз; она зарывалась в воду, и хотя я был одет поверх ватника еще в кожаное пальто, но все равно промок до нитки. Нам предстояло идти примерно часа полтора, но лодку с самого начала стало заливать водой. Моторист сидел за рулем, а пулеметчик, сняв пулемет со стойки, в обнимку с ним лежал под брезентом на носу.

Один раз с нашего берега нас окрикнул часовой. Здесь по скалам ходили патрули, потому что от немцев и до нас напрямик через залив было три-четыре километра. Мы шли близко под нашим берегом, чтобы нас не было видно на фоне скал. Ночь была хотя и бурная, но не особенно темная. Вдруг слева от нас, ближе к немецкому берегу, показалась тень. Моторист закричал пулеметчику:

— Волков, готовь пулемет к бою.

Пулеметчик молча вылез из-под брезента, установил пулемет на стойку и приготовился стрелять. Слева от нас прошел небольшой баркас — наш, видимо, за ночь решивший проскочить в Озерки и возвращавшийся оттуда.

— Отставить пулемет, — сказал моторист, и пулеметчик, также молча, сняв пулемет, залез с ним под брезент.

Мы прошли еще минут двадцать. Теперь, по нашим расчетам, было уже недалеко от Озерков. Но лодку швыряло все сильнее, и мне иногда казалось, что она нырнет и уже больше не вынырнет обратно. На дне сильно прибавилось воды. Пулеметчик, теперь лежавший наполовину в воде, сказал спокойно:

— Воды — больше некуда.

— Сколько до картера? — спросил моторист.

— Два пальца, — ответил пулеметчик.

— Ну, тогда дойдем, — сказал моторист, но на всякий случай подался еще ближе к берегу.

Лодку уже совсем захлестывало, когда наконец началась тихая вода гавани.

Мы пристали в Озерках к таким же разбитым причалам, какие были на Эйне, и по скользкому берегу взобрались наверх. На причалах громоздились мешки, ящики, бочки, и их грузили в темноте на машины. Очевидно, это было продовольствие, пришедшее в Озерки на встреченном нами баркасе.

Пока мы шли в Озерки, моторист все время торопился, потому что, как он нам объяснил, на этой же моторке после нашего прихода должна уйти на немецкий берег разведка. Через несколько минут после того, как мы вышли на берег, мы встретили эту разведку. К причалам шло пять или шесть человек в белых маскахалатах с автоматами. Как я узнал на следующий день они в эту ночь выбрались на проходившую здесь близко к морю Титовскую дорогу, одного немца убили, а другого взяли в качестве «языка».

Мы добрались до землянки пограничного поста и связались из нее со штабом укрепрайона. За нами обещали прислать машину. Но машина что-то не шла и не шла, и мы минут сорок, дрожа на холодном ветру, ждали ее у бывшего здания почты.

До войны Озерки были небольшим, наспех построенным военным городком, с клубом, школой, почтой и несколь-

кими рядами двухэтажных и одноэтажных домов. Сейчас все это было вдребезги разбито. Из снега торчали щепки, бревна валялись поперек дороги. Уже четыре месяца поселок непрерывно бомбили и обстреливали артиллерийским огнем, хотя в нем уже давно никто не жил и ничего не было. Все ушло под землю, и лишь по ночам на причалах сутились люди, спеша разгрузить затемно пришедшие мотоботы и баркасы.

Наконец машина все же пришла. Дважды застряв по дороге и вытащив ее на своих плечах, мы наконец забрались на гору, а потом съехали в какой-то овраг, белый и пустой, в котором, казалось, не было ни малейшего признака присутствия людей. На часового мы наткнулись буквально в упор, в двух шагах. В своей маскировочной куртке и штанах, он на фоне снега был почти незаметен. Часовой сперва довел нас до политотдела, а потом оттуда проводил в блиндаж комиссара укрепрайона. Вход в блиндаж был завешен белым полотном; новый часовой вырос тоже в двух шагах от нас, из ниоткуда. Чувствовался порядок.

Начальника укрепрайона полковника Красильникова не было. На месте был только комиссар Шабунин. В блиндаже, в который мы вошли, все было устроено по-хозяйски! Он был сколочен из толстых бревен и обшит изнутри досками. Койки были утоплены по сторонам в ниши. Это было постоянное, прочное жилье людей, которые уже давно живут здесь и собираются еще долго жить.

Сам Шабунин был такой же плотный и уютный, как его блиндаж. Ему было за пятьдесят, и он сидел тут комиссаром укрепрайона уже добрых полтора года и знал, как он выражался, на обоих полуостровах каждую дырку, но, заболев здесь на севере астмой, в последнее время сравнительно мало вылезал из блиндажа — не в пример своему беспокойному полковнику.

Шабунин встретил нас очень радушно и угостил чаем, который к нашему приходу уже кипел на круглой гофриро-

ванной финской плите. Зельма ушел ночевать в политотдел, а я остался ночевать у Шабунина. Забрался на койку в верхней нише и лег, раздевшись догола, потому что абсолютно все, что на мне было, оказалось мокрым до последней нитки и пришлось мне все это развесить на ночь вокруг железной печки.

Утром я вылез на воздух, хорошенько умылся снегом и с интересом огляделся. Метель к утру стихла, и стояла ясная тихая погода. Как выяснилось при дневном свете, командный пункт укрепрайона размещался в узком ущелье между двумя невысокими каменистыми холмами, сейчас, в середине октября, уже сплошь покрытыми снегом. В расщелинах между камней кое-где рос мелкий, цепкий, узловатый кустарник — единственная растительность на полуостровах. Более холодную и неприятную землю трудно было себе представить. Сейчас, при дневном свете, если внимательно вглядеться, можно было увидеть в скалах, и выше и ниже, отверстия блиндажей, завешенные белыми полотенцами. Но с воздуха вне всякого сомнения их было совершенно невозможно увидеть, и мне теперь становилось понятно, почему немецкая авиация столько месяцев подряд бомбит давно опустевшие Озерки. У немцев есть только две возможности: или бомбить эти Озерки — единственный хорошо различимый с воздуха пункт на поверхности полуострова, или, ничего не видя, бомбить весь полуостров наугад, по площадям. Видимо, немцы все же предпочитали бомбить опустевшие дома, от которых хоть щепки летят.

А вообще, достаточно было поглядеть при дневном свете на этот пейзаж, чтобы понять каторжные условия, в которых приходится работать здесь бомбардировочной авиации, и немецкой и нашей.

Когда пришел Зельма, то, к несчастью, оказалось, что Шабунин — сам пламенный фотолюбитель. Он сразу же потребовал от Зельмы, чтобы все, что здесь будет снято, было здесь же проявлено и здесь же отпечатано, объяснив,

что у него в хозяйстве все найдется — и фотобумага, и реактивы, и увеличитель.

— Вы не думайте, — сказал Шабунин, — что если вы на край света заехали, так здесь уже ничего и нет. Здесь-то как раз все и есть!

Зельма понял, что ему не отвертеться и придется не только снимать, что фотокорреспонденты очень любят, но и проявлять, — чего они не особенно любят, — и печатать — что они уже просто-напросто ненавидят. Понял и смирился. Тем более, что во всем остальном Шабунин оказался очень славным человеком.

Он подробно рассказывал нам в то утро о положении на полуострове и о тех событиях, с которых началась тут война и в результате которых оба полуострова — и Средний и Рыбачий — оказались кусочками земли, отрезанными от всего остального фронта. То есть, в сущности, оказались с третьего дня войны как бы на положении Одессы, окруженной с суши и имеющей подвоз только с моря.

В тот день в разговоре с Шабуниним, а впоследствии в разговоре с полковником Красильниковым и другими командирами я примерно восстановил для себя картину того, что произошло здесь в первые дни войны. Судя по тому, что я слышал, дело обстояло так. 29 июня немцы силами трех горноостерских полков навалились на стрелковый полк, занимавший позиции у самой границы. Не выдержав неожиданного удара, советские части отступили.

Немцы в первые же двое суток прошли вдоль берега тридцать километров, заняли Титовку и оставили у себя в тылу перешеек, который соединял Средний полуостров с материком. На следующий день, решив захватить с ходу и полуостров, немцы повернули на перешеек и начали переваливать через горный хребет Муста-Тунтури, чтобы потом разлиться по всему полуострову.

Оказалось, что оборонять полуостров с суши, со стороны перешейка очень трудно. До войны на Рыбачьем и Сред-

нем был построен типично морской укреп район, где все орудия, все батареи были установлены так, чтобы отражать атаки с моря. А некоторые орудия вообще стояли на неподвижных тумбах и поддавались перемещению с величайшим трудом. На самый перешеек к началу войны у нас не было направлено ни одного орудийного ствола. Сухопутная линия обороны проходила не по перешейку, а по матерiku, дальше, западней перешейка. Никак не предполагалось, что немцы могут дойти до перешейка по суше.

В течение суток на полуостровах все было поднято на ноги. За ночь, на руках, через скалы артиллеристы перетаскивали тяжелые орудия на такие позиции, с которых они могли бить по перешейку.

Это была титаническая работа. Легко задним числом говорить о ней, но трудно понять, как она была сделана, когда смотришь на эти скалы и на те позиции, на которых расположена артиллерия.

Утром немцы, сбивая на Муста-Тунтури наше слабое охранение, стали скатываться с хребта вниз, устремляясь на полуостров. Вот здесь-то, на скатах хребта, их и встретила огневой валом артиллерия. В том числе и тяжелая. Вся, которая уже была повернута к этому времени. Остальную продолжали поворачивать.

Полковник Красильников, забрав с Рыбачьего полуострова полк охраны, по частям перетаскивал его на Средний и бросал в бой. Он вытаскил на передний край все какие только были в укрепленном районе пулеметы. На перешейке к середине дня было сосредоточено так много артиллерийского и пулеметного огня, что немцы, уже перевалив через хребет, не смогли с него спуститься. Скатывавшиеся с хребта, обращенные в нашу сторону, стали местом большого кровопролития.

Линия обороны так и проходит по этому хребту, по тем его местам, где были остановлены немцы. И с тех пор все, что происходит на Среднем полуострове, — это ежедневные

кровавые схватки боевых охранений, поимка «языков» и постоянные, глубокие разведки в немецкий тыл. Иногда — большими группами.

Там, где были остановлены немцы, перед нашими позициями — проволочные заграждения и минные поля. Но все это саперы сделали уже потом, под немецким огнем. А в первые дни боев на перешейке не было ровным счетом никаких укреплений.

Однако вернусь к рассказу.

В этот первый день мы решили поехать на самый краешек Среднего полуострова, в бывшее финское курортное местечко, откуда хорошо виден Петсамский залив, а в ясные дни, говорят, видно даже и побережье Норвегии, до которого отсюда всего несколько десятков миль.

Меня в этой поездке интересовали, главным образом, наши торпедные катера, которые стояли надежно спрятанные в одной из бухточек полуострова и совершали оттуда вылазки к Петсамо и к берегам Норвегии.

Шабунин решил поехать вместе с нами и на случай встречи с зайцами, которых, как он говорил, здесь великое множество, взял с собой двустволку.

Мы доехали на машине до второго перешейка, который соединял Средний полуостров с Рыбачьим. В свое время там собирались прорыть канал, который позволил бы судам не огибать Рыбачий, а проходить, если можно так выразиться, сквозь него, на сотню с лишним миль сокращая путь между Мурманском и норвежскими портами. Теперь, во время войны, конечно, об этом канале все забыли. Вышло даже к лучшему, что он так и не был прорыт.

На перешейке, в сложенных из камня землянках, стоял саперный батальон. Нам пришлось оставить здесь машину — дальше на ней в том направлении, куда мы должны были добираться, проехать было нельзя — и стали ждать, когда нам дадут лошадь и сани.

Комиссар саперного батальона сначала сам рассказывал нам о том, как его ребята под огнем укрепляли перешеек, а потом позвал одного из своих лучших саперов, старшину, казака по национальности. Это был среднего роста щеголеватый парень лет двадцати пяти с красивым раскосым девичьим лицом. Он ходил в легких до блеска начищенных сапожках, в гимнастерке с портупеей и без верхней одежды. Когда его спрашивали, не холодно ли ему, отвечал, что «ни в коем случае». Он говорил по-русски с сильным акцентом и, рассказывая о своем участии в боях, почему-то особенно напирал на то, как важно в боевых условиях быть легко одетым, лавить по скалам не в шинели, а в фуфайке. Слово «фуфайка» он произносил, как «пупайка», а о себе говорил во множественном числе: «приказали», «пошли», «выполнили приказ». И хотя он был парень хороший, храбрый, и все, что он рассказывал, совершенно ясно, было чистой правдой, но я несколько раз еле удерживался от улыбки из-за этой его «пупайки», которая повторялась через каждые два слова.

После разговора в землянке у саперов мы сели в сани и поехали дальше. Дорога шла в гору, но лошадь бежала довольно резво. Своеобразие дорог здесь в том, что они одновременно и русла ручьев. В зимнее время их то заносит снегом, то опять обнажает ветрами их каменное дно, по которому деревянные полозья саней тащатся со скрипом и скрежетом.

Мы ехали то по камням, то по мелкой воде, то снова по камням. Два раза нам приходилось вылезать из саней и с ходу протаскивать их через быстрые горные ручьи. Мороз крепчал, и мы то и дело вылезали из саней, чтобы побегать и отогреть замерзшие, промокшие во время переправ ноги.

Здесь, немного повыше, на скалах уже не было никакой растительности. О том, как сурова здесь природа, может дать представление одна подробность. Вдоль дороги шла

постоянная телефонная линия на столбах. Чтобы здешние ветра не вырвали и не сломали столбы, они ровно до половины своей вышины обложены пирамидами камней.

Изрядно замерзшие и усталые, мы добрались до места уже перед самым вечером. На то, чтобы проехать всего двенадцать-тринадцать километров, ушел почти целый день.

Бывший финский курортный поселок представлял собой живописное зрелище, которое запомнилось мне по контрасту со всем остальным, что я видел на полуостровах. Вода темно-серая, почти черная. И на этой черной воде, у маленького причала — стального цвета торпедные катера. Где-то далеко-далеко, над черной водой виднеется финский берег. А сзади, когда обернешься, на полуострове всюду кругом — абсолютно белые горы, покрытые снегом. И среди этого снежного пейзажа — два десятка чистеньких, нарядных, похожих друг на друга финских домиков ярко-кирпичного цвета с белыми наличниками рам и дверей. Аккуратные маленькие, похожие на игрушечные, домики.

До финской войны сюда приезжали отдохнуть, посмотреть на северное сияние, порыбачить и поохотиться на зайцев. Теперь это крошечное местечко было самой крайней северной точкой гигантского фронта. И в одном из этих домиков размещался штаб отряда торпедных катеров.

Операциями катеров руководил здесь представитель штаба флота старший лейтенант Моля, веселый и вместе с тем сдержанный, умный, интеллигентный человек с хорошим чувством юмора.

Моля и другие моряки рассказали нам о последних операциях катеров, в ходе которых они потопили и на выходе из Петсамского залива и в самом заливе несколько немецких транспортов.

Я потом написал обо всем этом в очерке «На «ты» с Баренцевым морем», который в редакции переименовали в «Дерзание». Кстати, первоначальное название очерка родилось у меня как раз в разговоре с Модем.

Главным врагом катерников здесь были не столько немцы и финны, сколько отчаянная погода, погода, при которой такие утлые суденышки, как торпедные катера, иногда почти невозможно выпустить из гавани в открытое море.

— Но мы все-таки выпускаем, — сказал мне Моля. — Хотя Баренцево море и требует, чтобы с ним обращались на «вы», а мы все-таки иногда рискуем говорить с ним на «ты».

В тот вечер я оценил прочное устройство финского домика. Снаружи все сильнее разыгрывался ветер, на море отчаянно штормило, а в домике было тепло и уютно. Радист то и дело передавал позывные, и все, кто был в комнате, тревожились: какой-то катер вышел со специальным заданием, и за него беспокоились из-за этой бурной погоды. Я спросил у Моля, пойдут ли сегодня еще катера. Он сказал, что один пойдет. И я спросил, нельзя ли мне будет сходить с ними один раз на операцию. Он ответил, что вообще, почему же бы нет, но сегодня как раз этот катер пойдет в такое место, что мне нельзя идти с ними. Я было начал спрашивать, почему и как, но по уклончивым ответам Моля понял, что, видимо, катер пойдет на специальное задание, связанное с дальней разведкой, и дальше расспрашивать не стал.

Заглянув потом в соседнюю комнату, я понял, что не ошибся. Там сидело пять разведчиков из морской разведки, и среди них — Мотовилин. Потом в комнату вошел огромного роста человек в лейтенантской форме, в котором я узнал одного из штатских людей, заходивших в свое время при мне в Мурманске в помещение разведки.

Разведчики ели и отдыхали перед походом. Моля уточнял с радистом последние данные. Потом один из морских командиров сказал: «Ну, пора», — натянул на себя огромный кожаный шлем торпедиста, плотно застегнул реглан и вместе с лейтенантом из разведки и пятью разведчиками вышел в ночь. Моля и остальные моряки остались.

Вскоре подъехал командир стоявшего неподалеку морского артиллерийского дивизиона, капитан, которого все стали поздравлять с только что полученным им орденом Красного Знамени. А получил он этот орден за то, что во время непрерывной бомбежки немцев, которые засекли батарею и бомбили именно в то время, когда мимо нее пытались проскочить в Петсамский залив немецкие суда, он установил у себя на батарее своеобразную очередь: пока расчет одного орудия стрелял, расчеты всех остальных орудий лежали в щелях; затем стрелял расчет следующего орудия и так далее.

После прихода капитана на столе появились разбавленный спирт и шпроты в еще невиданном мною до сих пор количестве. Не банка шпротов и не тарелка со шпротами, а целое блюдо величиной с треть стола. Когда мы справились со шпротами, нас напоили еще и какао. И мы долго сидели и разговаривали.

Была уже глухая ночь, когда я вышел на крыльцо. Все кругом было черным-черно. На море ревел чудовищный ветер, и я невольно подумал о разведчиках, два часа назад вышедших в море на катере. Теперь на море было не меньше восьми баллов, а пошли они, наверное, далеко, должны быть, в Норвегию. Так потом и оказалось.

Мы заночевали у моряков и утром, проснувшись, с удивлением обнаружили, что за ночь население нашей комнатки удвоилось. Промокшие, измученные, четыре часа промаявшись в напрасных попытках отойти от берега, разведчики вернулись обратно и спали как мертвые.

В середине дня, поговорив еще с Модем, мы двинулись в обратный путь и, проделав ту же дорогу, добрались к вечеру до командного пункта укрепрайона.

Радио из-за атмосферных условий работало очень плохо, но все-таки в политотделе поймали обрывки сводки, в которой сообщались новые тревожные известия о Москве. Было томительное ощущение страшной оторванности

и невозможности принять участие в том, что там происходит. И это ощущение было не только у меня, а у всех, кто находился здесь. Тут тоже была война, фронт, но казалось, что в эти дни, когда Москва в опасности, все мы, кто сейчас не там, не под Москвой, занимаемся не самым настоящим делом.

Я залег под потолок на свою верхнюю койку и в том печальном ощущении оторванности от Москвы, которое у меня было в этот вечер, написал стихи, которые «Красная звезда» потом напечатала под заголовком «Голос далеких сыновей». Они совершили очень долгий путь, прежде чем дойти до редакции. Сначала их переправили в пакете на моторный катер, потом на этом моторном катере довели до Мурманска, там отнесли на военный телеграф и только на третий или на четвертый день, переданные по телеграфу, они очутились в Москве.

Я кончил писать стихи уже глубокой ночью и вышел на мороз погулять. Был сильный ветер, холод пронизывал до костей, но уходить обратно в блиндаж не хотелось. Над головой стояло северное сияние. Верней, не стояло, а перебегало по всему горизонту, иногда становясь похожим на сплошной небесный мост.

Я еще долго бродил, проваливаясь в снег и стараясь отогнать от себя разные тоскливые мысли, от которых весь вечер после получения сводки никак не мог отделаться.

Утром, приведя в порядок свои записи, я дозвонился по телефону до Моля, и он сказал мне, что сегодня, если к середине дня улучшится погода, глядя на ночь, пойдут на операцию, в которую можно взять и меня.

Я ждал до трех часов звонка от моряков, но в три часа они позвонили и сказали, что погода и сегодня не позволит выйти на катере.

Вскоре после этого к Шабунину приехал местный старожил, сидевший в укрепрайоне с весны сорокового года,

комиссар тяжелого артиллерийского полка Дмитрий Иванович Еремин. Впоследствии мы с ним сдружились, хотя, надо признаться, в первую минуту он мне не понравился. Едва он зашел к Шабунину, как я понял, что эти люди, давно живущие рядом, в одном гарнизоне, до тонкости знают не только все свои, но и все чужие хозяйственные дела, все недостатки и погрешности: Еремин — в укрепрайоне, а Шабунин — в артполку.

За их разговором чувствовалась скука долгой гарнизонной жизни на краю света, которую даже война не в силах была преодолеть до конца. Они оба были любопытные и своеобразные люди, но говорили друг с другом все о том же самом, наверное, уже в десятый раз.

Поговорив с Шабуниным, Еремин предложил нам с Зельмой отправиться к нему в полк с тем, чтобы сегодня побеседовать, а завтра съездить на огневые позиции артиллерии.

Мы быстро собрались и спустились вместе с Ереминым в овраг, где его ждала машина. Водителем машины, к моему удивлению, оказался собственный сын Еремина.

— Понимаете, какое дело, — кивнув на сына, сказал Еремин, когда мы уже сели в машину и поехали. — Приходится все время его откомандировывать. Как водку привезут на мотоботе, — пока на машины погрузят, смотришь — уже не вся! Теперь, как только приходит для полка пайковая водка, посылаю самого надежного в этом случае человека — сына. Он ее забирает и, представьте себе, довозит до складов без единой пробоины в бочках!

Минут через двадцать мы съехали вниз, к самому берегу моря и по узкой лестничке пробрались в ереминский блиндаж. Это был не просто блиндаж, а целое двухкомнатное помещение. Первая комната была обставлена в канцелярском стиле — рабочими столами с лампами под зелеными абажурами. А вторая комната была совершенно

жилая, и стояли в ней две кровати и большой кожаный диван, неожиданно для себя попавший под землю.

Мы немного поговорили с Ереминым о событиях, происходивших в полку за первые четыре месяца войны, а потом, на мою удачу, к нему явился рапортовать о прибытии только что вернувшийся из госпиталя сержант Данилов, звукометрист, разведчик, детина колоссального роста, буквально упирившийся головой в потолок довольно высокого блиндажа. У него было круглое детское лицо и руки, в которых небольшой арбуз, наверно, выглядел бы, как яблоко.

Когда я разговорился с ним, он стал рассказывать о почти невероятных вещах с таким удивительным спокойствием и с такой детской уверенностью в том, что иначе оно и не могло быть, что я ему поверил так, как, может быть, не поверил бы никому другому. Много месяцев спустя, под Сталинградом, слушая на митинге выступление полковника Утвенко, я, когда Утвенко сказал, что у гвардейцев нервы должны быть толщиной в палец, невольно вспомнил этого Данилова.

Вскоре после ухода Данилова к Еремину, тоже с рапортом, явился сержант Букин, «поэт Рыбачьего полуострова», как откомендовал мне его Еремин. Это был бойкий паренек, видимо, кончивший десятилетку, много читавший. Он держался с той подчеркнутой строевой подтянутостью и даже некоторой щеголеватостью, отличающей людей, которым строевая подготовка еще не вошла в плоть и кровь и которые все время помнят о том, что они должны вести себя по-строевому.

Мы поговорили с ним, потом Букин о чем-то пошептался в углу с Ереминым и ушел. А Еремин после его ухода стал жаловаться мне, что комиссар укрепрайона Шабунин хочет забрать у него этого Букина.

— А Букин наш, — говорил он, — зачем его отдавать?

Из дальнейшего разговора выяснилось, что артиллерийский полк был, если можно так выразиться, старожилым этих мест. К началу войны у него было все свое. Своя типография, своя газета, свой поэт, свой фотограф, свой клуб и даже свое подсобное хозяйство — корова и поросята. Теперь на полуострове шла титаническая борьба: Еремин делал отчаянные попытки удержать все полковое имущество в своих полковых руках, а Шабунин стремился к тому, чтобы кое-что из артиллерийских богатств перешло в общее владение.

С этой точки зрения, в частности, рассматривался и Букин. Еремин говорил о нем, что это «наш, артиллерийский поэт», а Шабунин хотел дать ему звание политрука и забрать к себе в политотдел укрепрайона.

А шептались Букин с Ереминым, оказывается, потому, что у них возникла идея собраться с моим участием в редакции полковой газеты и побеседовать с начинающими поэтами Рыбачьего и Среднего полуостровов, из которых Букин был самым уже маститым. Я, конечно, согласился, и Еремин немедленно посадил телефониста вызывать с разных точек обоих полуостровов артиллеристов, частных к поэзии.

Мы заночевали в блиндаже, а перед сном Еремин еще долго ворочался и сокрушался, что я не был у них здесь до войны. Какой они тут клуб полковой построили! Его теперь бомбами разбило в щепки. Как там все оборудовано было! Какой зал на триста мест!

Командир полка майор Рыкис, которого мы ждали, так и не вернулся ночевать с наблюдательного пункта, а начальник штаба капитан Тюрин пришел глубокой ночью и улегся на свою высокую с двумя перинами кровать, про которую Еремин насмешливо говорил, что хотя дом у Тюрина начисто разбомбило, но жизненно необходимое для себя он все же спас — обе перины тут, в блиндаже.

Мы встали в восемь утра, было еще совсем темно. Еремин вызвал своего ординарца и сказал ему, что хорошо бы к вечеру, как он выразился, «сообразить поросеночка». После этого мы отправились в дорогу.

У меня с утра отчаянно разболелся зуб, который потом так и продолжал мучить меня до самого конца этой поездки. Я пополоскал зуб водкой, и мы двинулись с Ереминым на артиллерийские позиции. Ехали на трехосном грузовике, но даже и на этой машине дорога была почти непроходимой.

Мы переехали по перешейку на Рыбачий полуостров, там каменистая дорога пошла через большие промоины. В одну из таких промоин мы вскочили с полного хода, и она оказалась такой глубокой, что вода покрыла колеса грузовика, залитый водой мотор заглох, и мы оказались в кузове, как на острове. Через полчаса нас кое-как вытащили задним ходом при помощи трактора.

Еремин сказал, что дальше, видимо, все же придется добираться уже не на грузовике, а на моторке, и мы пошли в подземный полевой госпиталь, который был расположен тут же поблизости. Пока Еремин звонил там, вызывая моторную лодку, мы с врачом обошли одну за другой все палаты.

Надо отдать должное и саперам и медикам. Все здесь было устроено очень прочно и хорошо. Стены и перекрытия были срублены из добротного леса, а это уже само по себе было подвигом, если учесть, что на Рыбачьем не растет ни одного дерева. А сверху все было обложено камнями и замаскировано так, что не только с воздуха, но и с земли, в каких-нибудь тридцати метрах, госпиталь был совершенно не виден. Приемный покой, перевязочная, операционная и палата для тяжелораненых были связаны общим подземным коридором. Так, что все, что надо было делать с тяжелоранеными, можно было делать, не вынося их на воздух.

Пожалуй, что по своему капитальному устройству этот госпиталь был единственным в своем роде, здесь, на Севере. Эвакуация с Рыбачьего и Среднего и возвращение с Большой земли сюда были сопряжены с такими трудностями, да и отнимали столько времени и сил, особенно осенью и зимой, когда из-за непогоды связи с материком не бывало по целым неделям, что тут, не в пример другим госпиталям, оставляли всех, кто впоследствии мог вернуться в строй. Даже таких, для кого требовалось трехмесячное лечение. Из-за этого госпиталь, обслуживавший не такой уж большой гарнизон, был рассчитан на двести постоянных коек.

Водивший меня врач, с гордостью показывая одно за другим помещения госпиталя, наконец вернулся со мной в приемный покой и сказал:

— Вот сейчас мы посмотрим здесь интересную вещь.

Он открыл дощечку, закрывавшую стеклянное окошко, и предложил мне посмотреть в него. Я в первую секунду даже отшатнулся и только потом понял, что окно выходило в операционную и как раз на уровне его находился операционный стол. А то, что я увидел совсем близко за стеклом, было человеческой ногой, кровоточащей, разодранной от колена и почти до паха.

Глядя на эту ногу, врач с удовольствием сказал:

— Сейчас делают перевязку. Редкий случай. Чудом спасли эту ногу. Посмотрите, в каком она сейчас хорошем виде.

От этого «хорошего вида» с непривычки мороз подирал по коже, но врач, показывая мне на эту ногу, лежавшую на операционном столе, с упоением говорил:

— Вот видите, какая она сейчас, — вся розовая. А когда привезли, была вся черная. Розовая — значит будет в порядке. Пресекли нагноение. Очень интересный случай.

Он говорил об этой ноге, как о произведении искусства, и в его словах была такая покоряющая профессиональная

увлеченность, что я невольно, преодолев первое чувство, долго смотрел на эту «великолепную» ногу.

Обход на этом закончился, и тут меня черт дернул пожаловаться на мой больной зуб. Еремин и Зельма с тем легкомыслием, которое отличает людей, когда зубы болят не у них самих, а у кого-то другого, посоветовали мне сейчас же, здесь же обратиться к зубному врачу. Пришлось обратиться.

Очевидно, у меня все-таки есть интуиция, потому что, увидев хорошенькую двадцатилетнюю девушку, которую мне отрекомендовали как зубного врача, я дрогнул. Мне не понравилось, что на ее лице была написана явная нерешительность и застенчивость, прямо противоположенные ее профессии.

Девушка привела меня в маленькую комнату, отгороженную от приемного покоя только занавеской, посадила на табурет и позвала санитара, который пришел, держа в руках керосиновую лампу.

Через минуту после того, как я открыл рот, выяснилось, что мой больной зуб требуется вырвать, и девушка, выбрав соответствующие щипцы, приготовилась действовать. Теперь в ее глазах вместе с нерешительностью было выражение отчаяния и готовности ко всему. Щипцы лязгнули, и половина зуба была отломлена. Они лязгнули еще раз, и вторая половина зуба была тоже отломлена. Таким образом, полдела было уже сделано: верхняя часть моего зуба была в ее руках, оставалось лишь достать из меня вторую, нижнюю, часть, или, как она выразилась, «корни». Сначала она пробовала их вынуть с помощью щипцов, а потом достала какой-то инструмент, напоминающий ручку железного молотка, предназначенного для выдергивания гвоздей. И я почувствовал, что дело мое плохо, и посмотрел на часы. Было ровно десять утра. Это оказалось не лишним, ибо встал я с этого табурета ровно в одиннадцать.

Если бы я до этого не осматривал госпиталь в качестве корреспондента «Красной звезды», то, наверное, я или бы завопил, или бы убежал. Но теперь медперсонал госпиталя там за занавеской, в приемном покое, с интересом прислушивался к тому, что здесь происходило, и убегать было уже поздно, а кричать — несовместимо с достоинством «нашего собственного корреспондента».

Двадцать минут одиннадцатого я увидел, как дрогнула лампа в руке выдавшего виды санитаря. Очевидно, не в силах наблюдать мои страдания, он отвернулся от меня к стене. В половине одиннадцатого девушка уперлась коленом мне в живот и, выломав из меня кусок кости, тут же показала его мне:

— Вот он, ваш корень.

— Все? — спросил я, облегченно вздохнув.

— Нет, — сказала она, — это один корень, а у вас там еще один.

— Ладно, — сказал я. — Даю вам еще полчаса. Если вы его за полчаса не вынете, бог с ним, пусть уж останется у меня.

Без пяти одиннадцать она опять взялась за щипцы и, отхватив мне полдесны, сказала, что щипцами тут не возьмешь, и снова схватилась за ту штуку, которой можно выдергивать гвозди.

Ровно в одиннадцать она, по-моему, теперь уже просто наугад, еще раз с треском повернула эту штуку у меня во рту и, так и не вырвав второго корня, обессиленная, опустилась на табуретку рядом со мной, прислонившись головой к стене. Лицо ее было бледно, а глаза полузакрыты. Испугавшись, что ей плохо, я взял из рук санитаря стакан воды и дал ей. Она выпила и поблагодарила.

— Ну как? — встретили меня Еремин и Зельма, когда я вышел.

Я сказал, что ничего. Но, должно быть, выражение моего лица никак не соответствовало моему ответу, потому

что Еремин, как и большинство северян, знавший от всех бед одно лекарство, сразу потащил меня в комнату к главврачу и налил мне спирта. И на первые несколько минут это действительно помогло.

В это время по телефону позвонили, что моторка выслана, и мы двинулись в дальнейший путь.

На Рыбачьем бывают приливы и отливы. Когда мы вышли из госпиталя, прилив только начинал подниматься; торчавшие из-под воды каменные гряды мешали моторке подойти к тому месту, до которого мы добрались. Матросы спустили шлюпку, но и шлюпка не смогла подойти к самому берегу. Она подошла только лишь к оконечности длинной каменной косы, далеко выдававшейся в море, но еще не залитой приливом. Идти по ней до лодки нужно было метров пятьсот. Ее уже начинало понемногу заливать водой, но на ней повсюду торчали камни, и до лодки можно было добраться, перепрыгивая с камня на камень.

Однако через сто метров выяснилось, что мы не учли стремительности прилива, и половину косы мы, как Иисус Христос, шли уже прямо по морю, глядя под ноги и нащупывая подошвами очередной камень. Наконец, с величайшим трудом и совершенно промокшие, мы все же добрались до лодки.

Лодку колотило о камни приливом; она то свободно плыла, то вновь застревала среди камней. И теперь снова и снова приходилось вылезать и, стоя уже по пояс в воде, вытаскивать ее на глубину. С лодки мы перебрались на моторку, а на моторке наконец добрались до того места на берегу, откуда посуху было ближе всего идти к огненным позициям артиллерии.

Мы прошли с километр, перепрыгивая с камня на камень и иногда проваливаясь в снег, и наконец добрались до пушек. Они стояли за обратным скатом высокой каменной горы, с вершины которой видны были все немецкие

позиций не только на перешейке между Средним полуостровом и материком, но и намного глубже, вплоть до самой Титовки. Как выяснилось, именно эти батареи, благодаря точному наблюдению с вершины горы, разбили недавно два немецких гидроплана, сидевших за двенадцать километров отсюда, на воде, в Титовском заливе.

После того, как Еремин принял обычные рапорта, батарея получила сверху, с наблюдательного пункта, приказание вести огонь, и тяжелые 152-мм орудия начали одно за другим бить рядом с нами.

Артиллеристы привыкают к этому грохоту, а я в пятнадцати—двадцати метрах от пушек все же каждый раз вздрагивал при выстреле, а потом было такое ощущение, что мне наглухо заткнули ватой уши.

Зельма немножко поспинал, и мы пошли наверх, на наблюдательный пункт. По воображаемой прямой это было не так уж далеко и высоко, но по той единственной тропинке, по которой можно было двигаться, длина этого пути составляла около пяти километров в гору.

Отойдя на полкилометра от батареи, я обернулся. Орудия были замаскированы так хорошо, что, несмотря на их солидную величину, их можно было разглядеть отсюда только с большим трудом, да и то заранее точно зная, где именно они расположены.

Кругом был угрюмый дикий пейзаж, нагромождение камней при полном отсутствии дорог. И, глядя на этот пейзаж, я лишний раз вспомнил о той ночи, когда вот эти самые тяжелые системы перетаскивали по горам с одних позиций на другие всеми видами транспорта, а больше всего — на руках, и этим спасли оба полуострова.

Эти пять километров мы поднимались больше двух часов. Местами тропинка почти совсем терялась. Лезть в гору было долго и трудно, и мне вскоре стало жарко идти в моей кожанке. Однако нет худа без добра: по крайней мере мы на полдороге уже забыли о том, что совершенно

промокли, и нам даже начинало казаться, что все надетое на нас начинает на нас же и сохнуть.

Наконец, после того, как нам несколько раз казалось, что мы уже долезли до самой вершины, но после этого за ней открывалась еще одна, новая, вершина, мы добрались до командного пункта. Это было небольшое плато на самой вершине горы. Гладко, почти как стол, срезанная каменная площадка, примерно сто на сто метров. На этом каменном столе местами лежали естественные нагромождения камней, и их было трудно отличить от двух искусственных — от командного и наблюдательного пунктов, тоже спрятанных в камнях. Командный пункт размещался чуть пониже, а наблюдательный — в ста метрах от командного, на самом краю скалы, за небольшим каменным бруствером.

Сначала мы зашли на командный пункт, где нам сказали, что командир дивизиона старший лейтенант Скробов находится на наблюдательном. На несколько метров выше командного пункта все уже начинало просматриваться с немецкой стороны, и мы, прежде чем идти дальше, надели на себя белые халаты, белые варежки, белые капюшоны, а пунктуальный начальник штаба дивизиона не забыл заставить нас спрятать под халаты и бинокль и фотоаппараты. Чувствовалось по всему, что маскировочная дисциплина стоит здесь на должной высоте.

Кстати сказать, с этим у нас далеко не всюду благополучно. Не потому, что люди не понимают значения маскировочной дисциплины, а потому, что ложное представление о храбрости заставляет порой людей пренебрегать маскировкой из боязни, чтобы их осторожность не была принята за трусость. Но здесь, в дивизионе у Скрובה, видимо, презирали эти ухарские соображения и маскировались самым добросовестным образом, не желая ни при каких обстоятельствах оказаться вынужденным менять этот лучший в окрестностях наблюдательный пункт.

Когда мы добрались до него, то увидели, что это, как чаще всего здесь бывает, не вырытая в земле, а воздвигнутая из камней над землей крошечная земляночка с двумя отверстиями — для стереотрубы и бинокля. Нас встретил в ней старший лейтенант Скробов, рослый человек с грубоватым умным солдатским лицом и пристальными глазами. Он отрапортовал Еремину и стал подробно докладывать ему события дня. Он сообщил все замеченное за этот день, каждое малейшее передвижение немцев, и за словами его чувствовался охотничий азарт человека, изучившего здесь каждый вершок земли и уже так давно и так повседневно охотящегося за немцами, что это превратилось у него не только в привычку, но и в потребность.

Оказалось, что когда мы были там, внизу у орудий, батарея была по одной из лощин, через которые шла дорога, ответвлявшаяся с петсамского шоссе к перешейку. В этой лощине у немцев скопилось несколько машин и два или три десятка конных. Их-то и накрыл огонь дивизиона с первого же залпа, ибо, как это часто бывает в позиционной войне, лощина была совершенно точно пристреляна, с поправками на атмосферные условия.

Скробов показывал в стереотрубу засеченные им точки расположения немцев. Потом он показал нам эту только что обстрелянную лощину. Оставалось лишь удивляться тому, как он точно знает весь этот однообразный угрюмый пейзаж, как отличает одну крошечную лошину от другой, один кустарничек от другого, там, где, казалось бы, невозможно отличить это человеческим взглядом. Но он все это видел и даже показывал черневшие на снегу пятнышки убитых лошадей и людей, которых немцы еще не успели вытащить из лощины. У меня зрение не отличается особой остротой, и я этих пятнышек не разглядел, но Еремин, а вслед за ним и Зельма подтвердили точность наблюдений Скрובה.

Скробов понравился мне. Он докладывал комиссару полка очень спокойно, по-деловому. В нем не было никакого искательства перед Ереминым. Чувствовалось, что этот человек всецело отвечает за порученное ему дело и именно поэтому совершенно спокоен перед лицом начальства.

После того, как Скробов рассказал мне о действиях своего дивизиона и немножко о себе, и я записал все это в блокнот, — он стал разговаривать с Ереминым о разных деталях служебного свойства. А я на минуту присел на чехле от стереотрубы. Зубная боль впервые за все время вдруг отпустила меня, и начало так клонить ко сну, что я задремал, прислонившись к ледяным камням, холодный и голодный, но счастливый тем, что меня никто не трогает и я могу несколько минут поспать.

С наблюдательного пункта мы вернулись на командный. Там нас угостили из котелков обедом, который приносили сюда снизу из-под горы, тем же путем, каким мы поднимались, — в термосах, за плечами. Сегодня, в более или менее сносную погоду, это было еще ничего, но в бурю и в метель это довольно тяжелое занятие. А таких дней, когда бури и метели, здесь насчитывают примерно двести в году.

Пообедав, мы проговорили еще немного со Скробовым, который показал нам свою артиллерийскую документацию, в условиях такой землянки, сделанную с неслыханной тщательностью, чуть ли не на ватманской бумаге цветными карандашами и тушью. Коротко и точно ответив на все наши вопросы, он попросил у Еремина разрешения вернуться на наблюдательный пункт.

Это был несомненный самородок, выходец из рядовых красноармейцев, ставший к тому времени, когда мы у него были, старшим лейтенантом. В нем было большое чувство собственного достоинства — не удивительное у человека, который абсолютно все в своей жизни сделал собственными

руками. Он экстерном сдавал и за десятилетку, и потом за военную школу. Голова у него была большая, лобастая, с внимательными медленными глазами. Я подумал тогда, что такие люди всегда пробивают себе дорогу. Именно такого типа люди, даже в старое время, даже из кантонистов, случалось, выходили в генералы.

После ухода Скробова мы перед дорогой, отогреваясь, посидели еще с полчаса в землянке, и Зельма заставил меня прочитать собравшимся в землянке артиллеристам несколько стихотворений, в том числе и «Жди меня».

Под гору спускались меньше часа. Только внизу, когда уже стемнело и усилился ветер с моря, мы почувствовали, до какой степени продрогли. У меня не попадал зуб на зуб, ноги были чугунные, их жгло холодом, а промерзшее белье корбило.

Дмитрий Иванович Еремин вдруг повернулся ко мне и сказал:

— Поросенок.

— Что, поросенок? — с недоумением спросил я.

— Там у нас будет поросенок. С корочкой. Как вспомнишь, так вроде и не так уж холодно, верно?

Я невольно рассмеялся и согласился, что верно.

До берега добрались в полной тьме. Долго шли по камням, спотыкаясь и падая, и наконец свистом и криками вызвали лодку. Меньше чем через час после этого мы были снова на Среднем полуострове, в землянке Еремина. И на столе там действительно стоял поросенок — с корочкой. Мне даже на минуту показалось, что у меня перестал болеть зуб.

На следующий день мы с Зельмой с утра перебрались от Еремина к пограничникам. Штаб пограничного отряда размещался внизу, у самого моря. Здесь был наносной грунт, мягче, чем повсюду на полуострове, и пограничники зарылись в землю. Пограничники еще накануне отправили

на передний край, на перешеек, большую разведывательную партию, и сегодня в ночь она должна была проходить через наши позиции в тыл к немцам.

В штабе отряда мы познакомились с комиссаром отряда Филатовым и с командиром майором Калениковым. И раньше и позже мне редко приходилось встречать людей, похожих на этого своеобразного человека. Очень большой, грузный, уже немолодой, лет сорока пяти с виду, седеющий человек с большими руками, с большим и широким загорелым лицом. Обычно он мало передвигался и сидел на одном месте, у себя за рабочим столом.

Он был очень гостеприимен, но совсем по-особому. На столе у него всегда лежало несколько пачек папирос. На полке стояла бутылка со спиртом. И невозможно было отказаться закурить или выпить, так настойчиво и с таким добродушием и хлебосольством он угощал. Разливал спирт он сам своей хозяйской рукой по кружкам, а себе ставил самую большую синюю эмалированную. Но когда потом начинали чокаться, выяснилось, что майор чокается молоком, потому что сам ничего другого не пьет. Да вдобавок и не курит.

Это был веселый человек, хороший рассказчик и обаятельный собеседник за столом. Всегда ровный — и во время дружеских бесед, и во время служебных разговоров с подчиненными, и — как мне говорили — во время боевых операций он со своим твердым спокойствием, сердечностью и какой-то особенной хозяйственной неторопливостью был любимцем всего отряда. Должно быть, такой характер, как у него, сложился на заставах, где он прослужил чуть ли не двадцать лет подряд на польской и румынской границе, а потом здесь, на Крайнем Севере. Жизнь в замкнутом кругу маленького гарнизона с постоянными поимками нарушителей, с повседневной напряженной, нервной работой, — наверно, именно она сделала его таким спокойным, неторопливым, казалось ко всему привыкшим и ничему

не удивляющимся. А уже веселый нрав, видно, был дан ему от природы.

Только уже уезжая, я случайно узнал от комиссара отряда, что у майора Каленикова в начале войны на Украине погибла семья. Но он сам никогда ни одним словом ни в одном разговоре не обмолвился об этом.

У пограничников мы с Зельмой провели два или три дня. В смысле военном никаких примечательных событий по соседству с нами за эти дни не происходило. Кроме одной сильной бомбежки, которая, к несчастью, пришлась как раз на то время, когда на пристани разгружали привезенные ночью продукты. Во время нее было убито и ранено около двадцати человек. Бомбы ложились совсем рядом с землянками пограничников. Две из них, к счастью в это время пустых, развалились от прямых попаданий.

Землянка, в которой мы жили, ходила ходуном, из-под бревен сыпалась земля. Все это продолжалось минут двадцать, а потом в отряде снова пошла привычная жизнь.

Мы ожидали в отряде возвращения ушедших в тыл к немцам партий. Но в первые же сутки, ночью, произошло событие, немножко отвлекшее меня от этого ожидания.

К Рыбачьему полуострову пристала лодка, на которой приплыли из Норвегии двое норвежских партизан. Их переправили к пограничникам. Мне захотелось поговорить с ними, и я попросил об этом Каленикова.

Сначала в землянку пришел только один из двух. Это был, как тут называют, «русский норвежец», молодой парень, лет двадцати шести. Его родным языком был норвежский, но так же как его отец и дед, он жил в России, на Вайда-губе, на крайней северо-западной оконечности Рыбачьего. Он служил у нас во флоте и был переправлен в Норвегию вместе с небольшой группой в пять-шесть человек наших морских разведчиков. О том, что произошло с ним за последние две недели, он рассказал мне и Калени-

кову на довольно хорошем русском языке, хотя и с сильным акцентом.

Одна из наших диверсионных групп действовала против немцев между Нарвиком и Киркенесом. Она имела радиостанцию, была связана с норвежскими партизанами и занималась не столько диверсионной, сколько разведывательной работой. Три дня назад эта группа, вместе с несколькими норвежцами — в их числе было двое рыбаков и старый учитель, участник обороны Нарвика, — была застигнута немцами в маленьком доме на берегу океана. После короткого рукопашного боя три человека, в их числе командир группы, погибли, а остальные ушли обратно в горы. Туда, где у них оставалась рация.

После этого рассказчик вместе со стариком-учителем пробрался в рыбацкий поселок, взял там лодку и в страшную бурю, содрав до крови руки, сделал шестьдесят миль на веслах, добрался до Рыбачьего полуострова.

Рассказывал он об этом обо всем с подробностями, врезавшимися в память. Вроде того, например, что у командира отряда была лысая голова и отросшая за неделю скитаний рыжая борода и что по этим приметам его и узнали потом пришедшие на место боя рыбаки.

Рассказчик и старый учитель переправились на Рыбачий полуостров вдвоем с тем, чтобы сообщить сюда все полученные за последние две недели сведения о передвижении немецких транспортов, войсковых частей и о базировании немецких самолетов. То, что они по такому бурному морю прошли в шлюпке на веслах шестьдесят миль и не потонули и добрались, следовало считать чудом. Правда, надо добавить, что они оба были норвежцы, то есть — прирожденные моряки.

У меня так до сих пор и стоит в ушах весь этот его рассказ со всеми подробностями и мелочами. И его голос, и его совершенно особая манера речи, когда он, сидя в своей старой просоленной фуфайке, поджав ноги, на койке

Каленикова, говорил все это со своим сильнейшим норвежским акцентом, почти после каждой фразы повторяя очень забавно звучащую в его устах присказку: «Едрит его в корень».

Мне не хочется записывать еще раз весь ход его повествования в тот вечер потому, что все это почти с абсолютной точностью уже изложено мною в рассказе «В скалах Норвегии». Помню, как я жалел, когда писал этот рассказ, что мне приходится сознательно зашифровывать в нем кое-какие вещи да и называть все это рассказом, потому что вся эта история выглядела бы куда интереснее, если бы читатель мог знать, что в ней нет ни слова выдумки.

Когда мы поговорили с этим парнем, он ушел и вернулся уже вдвоем со старым норвежцем, школьным учителем. Это был невысокий старик, на первый взгляд казалось, несильного телосложения, а на самом деле весь подобранный, крепко сбитый, коренастый. Он был в старых железных очках и говорил неторопливо, спокойно и охотно. Рассказывал о последних днях независимости Норвегии, о том, как они сражались в Нарвике и как они, будь на то их воля, не ушли бы оттуда. Он много говорил о норвежском короле, которого он откуда-то лично знал. А еще больше — о пасторах, которые, по его словам, были одним из главных оплотов антигерманского движения в стране.

В этом старом школьном учителе, в его уважении к королю, к пасторам, к национальному укладу жизни чувствовалась вся патриархальность этой северной стороны, все ее честные обычаи, вся прочность ее привычек и пристрастий.

Помню, тогда, когда я его слушал, мне показалось, что именно для них, для этих казалось бы невоинственных людей, присутствие немцев нетерпимо, что они никогда не перенесут этого присутствия и что вся их жизнь питается только верой в то, что все это прекратится, что где-то в Англии есть король и есть армия, что оттуда уже пере-

плыли и продолжают переплывать норвежские офицеры и что скоро настанет час освобождения Норвегии. И нам, русским, этот старик душевно очень симпатизировал именно потому, что считал, что мы непременно будем причастны к освобождению его Норвегии.

Мы проговорили с норвежцами весь вечер. Несмотря на то, что по внешности все было очень обычно и просто, на меня дохнуло романтикой, что на войне не так-то часто бывает. Причиной тому были и сами эти люди, и их рассказ, и то, что разговор этот происходил на краю света. Снаружи, за стенами землянки, одновременно бушевала и буря, и снежная метель — и все это вместе взятое было так бесконечно далеко от Москвы.

Весь следующий день прошел в разговорах с людьми о прошлых походах разведчиков из этого пограничного отряда. Я расспрашивал об этих боевых действиях, а сам имел вид далеко не боевой. Зубная боль не отпускала меня ни на минуту, и заботливый Калеников вручил мне из своих запасов, оставшихся еще с финской войны, химическую грелку. Заливая эту грелку водой, чтобы она не остывала, я весь день так и держал ее привязанной к щеке.

Ближе к ночи атмосфера в блиндаже стала становиться все тревожнее. Калеников и Филатов с нетерпением ждали сведений о своей переправившейся в тыл к немцам роте. Если там, в тылу у немцев, все прошло благополучно, пограничники должны были сегодня к часу-двум ночи выйти обратно к нашим позициям.

Я сидел напротив Каленикова, который, поглядывая на телефон, пил свое неизменное молоко, когда ровно в два часа ночи раздался звонок. С переднего края через промежуточную станцию передали, что разведчики вышли обратно на линию фронта.

Через полтора часа замерзшие, багровые от мороза, приехали на конях двое командиров возвратившегося отряда. Калеников сразу же налил им по стакану водки

и лишь после этого стал слушать их рассказ. Водка была кстати, потому что они оба обмерзли почти до потери сознания. Они рассказывали горячо, перебивая друг друга, но в общем толково и подробно, а главное, не теряя за подробностями сути.

Надо сказать, что рассказы об этой разведывательной операции были для меня, как для корреспондента, пробным камнем. По этим рассказам можно было проследить, как люди рассказывают о пережитом ими сразу же, через час, через несколько часов, через сутки. В течение этой ночи и всего следующего дня я провел кропотливую работу, а именно — расспросил около тридцати участников этого рейда по немецким тылам о том, как все это происходило. Мною было записано с их слов примерно страниц восемьдесят, которые послужили потом материалом для очерка «По дороге на Петсамо».

Но дело не в том, как я сумел использовать эти рассказы в очерке, а в том, что я на этот раз мог проследить, как видоизменяется рассказ об одном и том же событии. Видоизменяется без всякого злого умысла, просто по закону психологии. Начиная с рассказа людей, только что приехавших с первым донесением, еще обмерзших, еще дрожащих от волнения, и кончая рассказами людей через сутки после их возвращения, людей уже выпавшихся, помывшихся в бане, а главное подробно поговоривших между собой и как-то невольно усвоивших уже общую точку зрения на происходившее.

Помню, я впервые это тогда так остро почувствовал, а потом взял себе на заметку для будущего, что рассказы, которые тебе удастся услышать непосредственно по горячим следам, сразу после событий, отличаются не только большей достоверностью, но и большим количеством живых, непрдуманых деталей. Когда я наталкиваюсь на такой рассказ, то потом стараюсь почти стенографически передавать все то, что мне рассказал человек. В таких

случаях ничего не нужно придумывать, надо только суметь расположить тот материал, который услышал.

Возвращаюсь к своему повествованию.

Оба командира, едва успев донести о результатах рейда, о том, что он прошел благополучно, что мост взорван и при этом потеряно два человека, — повалились на лавки и заснули мертвым сном. Всего два человека погибших — немного для такой операции, но Калеников в эту ночь очень сокрушался о них. Он, что вообще характерно для пограничного командира, знал обоих по именам и отчествам, знал их в лицо и, говоря о них, напоминал недавно пришедшему в отряд комиссару, какие они были с виду: «Да этот вот такой рыжеватый, с веснушками. А этот — высокий черный парень, у него дисциплина, помнишь, хромала...»

Слова Каленикова навели меня на размышления о том, почему пограничники с самого начала войны так хорошо и стойко дрались? Думается, в значительной мере потому, что именно в пограничных частях командиры отлично знали своих бойцов. Человек знал, что он для своего командира не только боец такой-то роты, но еще и Трофим Иванович Иванов. И если он погибнет, то командир будет знать, что в роте погиб Трофим Иванович Иванов и будет помнить, какой он был и о чем они с ним разговаривали. Это существенный момент, порождающий ответственное чувство, — любовь и доверие к командиру.

Весь следующий день я записывал рассказы участников рейда и к концу дня устал как собака. Рука у меня просто не работала — сколько пришлось записывать.

Приближалось время нашего возвращения с Рыбачьего на материк. Оставалось съездить на день в расположение полка, стоявшего на самом хребте Муста-Тунтури. Мы выехали туда рано утром на следующий день вместе с Филатовым, который должен был встретить там остальных, еще не вернувшихся в отряд пограничников. Нам заложили

санки, и пара довольно бойких лошадей повезла пас по санной дороге в полк.

Погода по нормам Рыбачьего стояла удачная, только слегка порошил мелкий снег. К тому же нам еще и повезло, что немцы, на нескольких участках просматривавшие и обстреливавшие эту дорогу, на этот раз так и не выпустили ни одного снаряда.

До полка мы добрались за два часа. Командный и наблюдательный пункты полка были расположены на скатах каменистого холма. Был обычный день. Шла редкая артиллерийская перестрелка, иногда стреляли пулеметы. Наиболее активные действия, при этом довольно кровопролитные, происходили по ночам в сторожевых охранениях. Там и наши и немцы лежали друг от друга на расстоянии гранатного броска, и всякую ночь вспыхивали стычки.

А вообще говоря, не только здесь на перешейке, но и на других крайних северных участках фронта все наиболее активные операции были связаны в то время с действиями дальних разведывательных партий. В дни затишья именно они наносили немцам наиболее чувствительный урон. По крайней мере, такое впечатление сложилось у меня.

Здесь в полку я записал несколько любопытных рассказов о ночных действиях в скалах Муста-Тунтури. В частности, я встретился с интересным человеком — сержантом Даниловым, подробно записанный рассказ которого, вместе с рассказом его однофамильца Данилова из ереминского полка, впоследствии вошел в очерк «Однофамильцы». А точнее — весь очерк составил в сущности из этих двух сводных стенографических записей плюс некоторые описания природы от автора.

Пришлось мне поговорить и с комиссаром полка. Это было любопытно по сочетанию крайностей: Рыбачий полуостров, Муста-Тунтури — крайняя северная точка фронта — и назначенный недавно комиссаром полка казах, старый кавалерист Кужухметов — человек явно южный, брон-

зовый от загара, со смешком и трогательным акцентом объяснявшийся по-русски.

Обратно из полка возвращались уже затемно. Когда вернулись в отряд к Каленикову, выяснилось, что днем в заливе произошла целая драма. Морские разведчики, которым было приказано как можно быстрее вывезти на материк норвежцев, доставивших важные сведения, пришли в Озерки на своем боте, не дожидаясь полной темноты. Немецкая артиллерия с мыса Пикшуев заметила и стала гвоздить по ним. Деться им было некуда, оставалось только идти вперед. Они и шли, пока в них не попало несколько снарядов. Выбросились на камни. Капитан мотобота был убит, несколько человек ранено. Кое-как по камням перебрались на берег.

Тяжелая батарея с Рыбачьего открыла огонь по Пикшуеву мысу и подавила немецкую артиллерию, но поздно.

В эту ночь на материк отплыл мотобот, и нам с Зельмой предстояло на нем возвращаться.

Прощальный вечер начался для нас неудачно. Еремин решил, что мы с Зельмой должны помыться перед дорогой, и мы помылись у него в баньке, после чего отправились погреться к нему в блиндаж. Мы оставили в предбаннике вещевой мешок с тем бельем, которое сняли с себя; его обещали потом прихватить, когда поедем на машине на пристань, не стали его брать в блиндаж. Но больше этого белья мы так и не видели. Пока мы обогревались у Еремина, налетели немецкие бомбардировщики, разбомбили баню и предбанник. Жалкие остатки моего, очень пригодившегося мне здесь на Севере, шерстяного белья, будто бы на смех, закинуло на телеграфные провода.

Оставалось утешаться тем, что все же нам повезло, что мы не задержались в бане еще минут на пятнадцать.

Перед отъездом мы собрались в блиндаже у Каленикова, чтобы поужинать на прощанье. Кроме Каленикова и Филатова был Еремин и командир артиллерийского

полка майор Рыклис. Вышло так, что я впервые познакомился с ним только в этот последний вечер.

Именно в тот вечер он рассказал мне историю, происшедшую с ним и с одним из его подчиненных, с сыном его старого друга, историю, которую потом я положил в основу поэмы «Сын артиллериста».

Рыклис оказался отличным рассказчиком, Калеников тоже разошелся, рассказывая разные истории из пограничной жизни. Мы с Зельмой тоже не остались в долгу. В общем, к двум часам ночи, когда нам предстояло выходить в метель и грузиться на бот, нам уже все было нипочем. Филатов проводил нас до пристани; мы втиснулись в маленькую кают-компанию бота — она же кубрик, она же все на свете. Зельма устроился внизу, а я, еще раз подлив воды в свою химическую грелку и улегшись на нее щекой, примостился на верхней койке под потолком каюты...

**ГОВОРИТ
"БОГ
ВОЙНЫ"**

ЭТИ ДНИ Я ВСПОМИНАЮ С ГОРДОСТЬЮ...

Осенью 1939 года 104-й артполк, в котором я служил комиссаром, получил приказ направиться в г. Мурманск в распоряжение 14-й армии. Это был мощный четырехдивизионный полк, имевший на вооружении 48 тяжелых орудий на механической тяге отечественного производства. Раньше ежегодно в дни больших праздников полк участвовал в парадах на Красной площади, демонстрируя мощь советской артиллерии.

Перед началом финской войны полк дислоцировался в нескольких километрах от Мурманска, штаб и тыл размещались в зверосовхозе, где разводили песцов.

В финскую нам практически не пришлось участвовать в боях, так как 14-я стрелковая дивизия под командованием полковника Журбы, не встречая сопротивления, почти без боя прошла до Петсамо.

Нашим войскам в основном доставляли хлопоты малочисленные финские отряды: засев среди скал, они стреляли по нашим колоннам, а затем мгновенно исчезали. Надо признать — на лыжах финны ходили мастерски, не так-то просто было угнаться за ними...

После взятия Петсамо нам приказали погрузить один дивизион на транспортное судно. Он должен был занять оборону на берегу Баренцева моря, почти у самой границы

с Норвегией: опасались, что противник высадит с моря десант в тыл нашим войскам.

Вся эта операция проводилась ночью, в штормовую погоду. Для нас, полевых артиллеристов, никогда не имевших дела с морем, такой «переезд» был не только непривычным, но и очень сложным занятием. Я поехал сопровождать дивизион. Шли с погашенными огнями, в кромешной тьме. Больше всего боялись, как бы не взлететь на воздух: мы знали, что этот водный район враг усеял минами.

Наконец, шторм сменило затишье. Воспользовавшись им, судно настолько близко подошло к берегу, что чуть не цеплялось за морское дно. На сооруженные из резиновых лодок плоты сгружали пушки, трактор и на буксире катером подтаскивали к берегу. Начинался морской отлив, плот оказывался на суше. Заводили трактор, и он тащил за собой пушку. Сейчас, конечно, просто рассказывать об этом. Но в тот день все выглядело куда труднее. Наши бойцы, да и мы, командиры, не знали морской терминологии и тем самым приводили судовой экипаж в «жестокую ярость».

Кричат артиллеристу: «Поддай трап», а тот, разинув рот, недоумевает, что, мол, за штуку просят у него. Моряки, сообразив, в чем загвоздка, стали приспособляться к пехоте: «А ну-ка, солдат, поддай веревочную лестницу!»

Каждое бы, пустяк. Но ведь в той обстановке каждая минута имела особую цену. А берег? Выходишь промокшим до нитки. Одежда как металлический скафандр, а согреться негде — ни одного жилого дома во всей округе. Приходилось сооружать снежные укрытия. Забравшись в пещеры, растапливали на походных спиртовках замерзший хлеб и выпивали по чарке спирта. Только такая трапеза и могла согреть малость.

Мне вспоминается один почти анекдотичный случай, который произошел в то время. В километре от огневых

позиций наши разведчики нашли пустой рыбацкий домик. За дверью в сарайчике неистово кричали овцы и корова. Мы передали их на кухню поварам. Занять хату сразу разведчики побоялись, финны, как правило, все вещи минировали. Потом, не обнаружив никаких «сюрпризов», осторожно вошли. Все как в жилом доме: и постели, и перины, а самое главное — хорошая плита и запас дров. Ребята разожгли печку, поставили греть воду для чая и размораживать консервы. Словом, устроились что надо. После еды всех потянуло ко сну. Чтобы места было больше, койки вынесли наружу. Крепко зажав в руках винтовки, задремали. И вдруг раздался ужасный взрыв. Все схватилось за оружие. Один боец заорал во все горло: «Убили, убили! Спасите...» Когда мы подбежали, он держался рукой за щеку... Ну, думаем, ранен. Но все закончилось смехом.

Кто-то забыл на горячей плите банку консервов, и она, накалившись, разорвалась. Кусок мяса, вылетевший из банки, попал бойцу в щеку. Тот, почувствовав на лице что-то горячее, решил, что это осколком мины оторвало ему часть щеки...

Недолго пробыл дивизион на тех холодных берегах. Вскоре был заключен мир: Петсамо возвратили финнам, а Рыбачий и Средний стали советскими полуостровами.

Части 14-й армии отправились на прежние места дислокации, а нашему полку приказали занять береговую оборону на Среднем и Рыбачьем — от поселка Пумманки до Цып-Наволока.

Установить орудия на суше в то время не представлялось возможным: здесь не было ни дорог, ни самых обычных тропинок. Мы размещались в таких местах, где, наверное, не ступала еще человеческая нога. Взять мыс Скорбев. И название-то подходящее — действительно одна скорбь: здесь на берегу мы обнаружили скелеты людей и остатки суденышек, когда-то выброшенных волной.

Занимали мы оборону более двух месяцев: с апреля и по июнь. 1 Мая мы встречали в открытом море, и я с капитанского мостика держал речь перед бойцами. А капитан судна в этот день позволил даже спустить на воду шлюпки для праздничного катания.

По существу, мы первыми стали обживать Рыбачий. Из единственно доступного материала — камня — построили жилье, пекарню, баню. За короткое время здесь появилось все, что необходимо человеку для жизни. Каждая огневая точка имела и свою пекарню, и баню, и прачечную. И все это делалось руками самих же бойцов. На безлюдном берегу залива Озерко вырос почти поселок: тут и казармы, и столовая, и театр.

Поначалу к нам не приходили транспортные суда, и только попутные рыбацкие суда доставляли почту до Озерко. Но позже, благодаря заботам 14-й армии Ленинградского военного округа, Мурманского обкома партии, мы получили богатое культурное имущество, оборудование для мощного радиоузла. Нам дали походную типографию — стала выходить своя многотиражная газета. Каждой батарее выделялись радиоприемник, гармошка, патефон.

Полковые тылы по-прежнему находились в зверосовхозе, и надо отдать должное — совхоз очень помог нам: предоставил помещение для хранения продуктов, помог организовать подсобное хозяйство.

На Рыбачьем мы жили в отрыве от семей, которые остались под Ленинградом, где прежде находился полк. Приезжать к нам на границу родственникам не разрешалось.

Осенью 1940 года в полк пришло пополнение — в основном рабочая молодежь с московских и ленинградских предприятий. Мы создали духовой оркестр, драматический, струнный и другие кружки. Большая заслуга в этом принадлежала новобранцу-москвичу Николаю Букину. К нам его призвали сразу по окончании литературного института. Невысокий худощавый паренек, на которого даже трудно

было подобрать обмундирование, оказался талантливым активистом. Он был и массовик, и режиссер, и редактор газеты, и наборщик типографии, и музруководитель, и поэт.

Он написал песню о 104-м артполке. Во время войны Букина перевели в укрепрайон. Он получил звание младшего политрука, редактировал фронтовую многотиражную газету. Потом работал во флотской газете. Ныне полковник в отставке член Союза писателей СССР Николай Букин живет в Москве.

Были в полку и другие талантливые солдаты. Помню радиста Шапиро. Радиостанцию 6ПК, обеспечивающую связь только на близком расстоянии, он переделал так, что мы могли разговаривать даже с Мурманском.

Вскоре по-соседству с нами поселились пограничники и стали капитально обживать Озерко, понастроили двухэтажные казармы и дома для семей комсостава. Теперь рядом было даже свое почтовое отделение.

С пограничниками мы жили в большой дружбе. Правда, в первое время случались недоразумения. Нашим артиллеристам из Пумманок были хорошо видны Айновские острова, где у финнов находился монастырь. Однако они превратили «святое» место в настоящее шпионское гнездо. От этих островков к нашим берегам часто направлялись люди на моторках и весельных шлюпках. Артиллеристы, вооруженные дальномерами, стереотрубами, замечали и задерживали нарушителей раньше, чем пограничники. Узнав об этом, командование погранвойск, видимо, крепко отругало наших соседей за подобные «просмотры». Пограничники попросили нас не направлять нарушителей в Мурманск, а передавать их на заставу. Мы охотно согласились и стали обезвреживать шпионов вместе со своими соседями.

Так шла наша боевая и мирная служба. В мае 1941 года командира полка А. М. Щербакова перевели на повышение, а его пост занял бывший начальник штаба 14-го

артполка майор Ефим Самсонович Рыклис, молодой, энергичный человек, хорошо знавший артиллерийское дело.

Наступило лето 1941 года. Рыклис поехал проверить наши боевые точки, знакомиться с людьми, а я остался на КП за командира. В это же время Военный совет 14-й армии разрешил мне вызвать семью, которую я не видел с самой финской войны. Я послал телеграмму в июне, когда у детей начались каникулы, и они могли приехать с матерью. 21 июня 1941 года в Озерко прибыла моя семья в полном составе: жена Агриппина Петровна, сыновья Миша и Лева, дочка Лена. Пришлось разместить их всех в своей землянке. Жена тут же приготовила что-то вкусное, домашнее, мы сели за стол.

За разговорами не заметили, как пролетела ночь.

В 6 часов утра зазвонил телефон. Дежурный доложил, что получена радиограмма из штаба армии: немцы вероломно напали на нашу страну и бомбили ряд наших городов. Полку приказано иметь боевую готовность № 1. Сначала я не поверил во все это и даже переспросил дежурного: уж не путает ли он что-то. Но через несколько минут позвонил член Военного совета армии Крюков и дал указание провести в подразделениях митинги, призвать бойцов и командиров к стойкости и мужеству.

Быстро одевшись, я выскочил из землянки, а семье сказал, что объявили учебную тревогу.

Весь личный состав был в сборе. Я провел короткий митинг, распорядился, чтобы развернули по полной боевой готовности зенитные пулеметные установки.

Около 10 часов над Озерко появились немецкие самолеты. Они пролетели на бреющем полете, но не сделали ни единого выстрела.

Не прошло и часа, как «мессеры» показались снова. На этот раз их было гораздо больше, и они открыли огонь из крупнокалиберных пулеметов. Наши зенитчики оказались неподготовленными к такой атаке, беспомощно строчили

мимо целей. Я приказал рыть убежища, выставить наблюдение и подавать сигналы воздушной тревоги. Частый вой сирены раздирал душу. Один из сыновей Рыкписа подошел ко мне и сказал сквозь слезы: «Дядя коммиссар, ты дай команду, чтобы вместо этой противной сирены оркестр играл какую-нибудь музыку...»

Так началась война. Моя семья и семьи пограничников ушли в скалы и там укрывались от бомбежек.

В поселке, кроме штаба пограничников и нашей артиллерии, никого не было. 14-я стрелковая дивизия под командованием полковника Журбы, стоявшая под Титовкой, на подходе к границе встретила с фашистскими войсками и приняла бой. Дивизия понесла большие потери, но помешала немцам развить наступление.

Некоторое время я поддерживал телефонную связь с полковником Журбой — он сообщал о ходе боя. Потом связь оборвалась, и я не мог ничего узнать о судьбе командива.

На второй день войны в Озерко пришло транспортное судно с пополнением. Прибыл штаб укрепрайона, который объединил все войска, находившиеся на полуостровах. Командира укрепрайона полковника Красильникова я знал давно. В финскую войну мы оба были награждены орденами и вместе получали их из рук М. И. Калинина в Кремле. Красильников был боевой и храбрый командир. Его личная смелость воодушевляла весь личный состав. Комиссаром укрепрайона назначили старого большевика Шабунина. Пополнение прибыло с «гражданки» — людей пришлось одевать и вооружать буквально на ходу. Тем временем немцы приближались к Рыбачьему. Заняв Титовку, противник отрезал гарнизон полуостровов от Большой земли. Новобранцам пришлось сразу вступить в бой.

В этот трудный момент Красильников проявил особую твердость. Когда гитлеровцы, овладев Муста-Тунтури, стали спускаться к перешейку, некоторые наши бойцы

дрогнули, стали отступать. Красильников с пистолетом в руке бросился навстречу отступавшим и остановил их. Паника рассеялась. Немецкие части были отброшены.

Когда судно, доставившее пополнение, уходило обратно, противник уже обстреливал из орудий Мотовский залив. Было мало надежд на то, что транспорт, доставивший пополнение, благополучно вернется в Мурманск. Но капитан судна, умело маневрируя по заливу, ушел от обстрела немецкой артиллерии. Судно с пассажирами осталось невредимым.

А наше положение ухудшалось с каждым часом. Противник напирал, колошматил по нашим частям из орудий и минометов. Связь с Мурманском прервалась. А из штаба армии шли радиogramмы: «Будьте стойки и мужественны, ни в коем случае не оставляйте Рыбачьего».

Наши бойцы действительно вели себя стойко, мужественно. Но встречались и люди нестойкие, трусы. Их следовало беспощадно судить. А как? Своего трибунала не было, а добираться к нам стало опасно. Обратились в Военный совет: что делать? Оттуда пришло распоряжение: временно председателем трибунала назначить меня, членом трибунала подобрать на месте.

Стали судить сами. Нашли одного бойца, в прошлом юриста, который помогал нам оформлять приговоры по всем требованиям закона. После того как нескольких паникеров и трусов приговорили к высшей мере наказания — расстрелу, членовредительство прекратилось. Временный трибунал больше не понадобился...

Обстановка, между тем, стала угрожающей. Тогда на помощь пришли моряки-североморцы. Туманным утром — на пятый или шестой день — в районе поселка Озерко появились два боевых корабля. Они связались с нашими артиллеристами, и те, указав огневые точки немцев, стали корректировать с суши огонь корабельных орудий. Все вышло на славу. Пока немцы приходили в себя, наши корабли

ли снялись с якорей и дали полный ход, оставляя за собой густую дымовую завесу.

Поддержка флота воодушевила гарнизон, мы дали почувствовать противнику свою силу. Немцы усиленно старались сбросить нас в море и взять Рыбачий: применяли психические атаки, посылали крупные силы авиации, наращивали артиллерийский и минометный огонь.

Встал вопрос о том, чтобы снять часть артиллерии с берега и бросить ее на помощь пехоте, державшей линию обороны. Снарядов было много, и мы могли вести интенсивный обстрел врага.

Так и сделали: сформировали сводную батарею под командованием помощника начальника штаба полка по оперативной части капитана Я. Д. Скробова.

Яков Дмитриевич выбрал для орудий очень выгодные позиции, под скалой в ущелье. Сколько ни стрелял противник по «сводной» — поразить ее он не смог. Батарея находилась в мертвом пространстве. В то же время батарейцы с НП могли хорошо просматривать боевые порядки немцев. Батарея стала для них «бельмом на глазу» — эшелонами посылали гитлеровцы бомбардировщики на бомбежку позиций батареи. Но орудия и расчеты были так надежно укрыты под обрывами скалы, что их не доставали даже осколки бомб.

А Скробов все искал новые и новые цели. Однажды у него родилась идея: послать в тыл к немцам разведчика, который бы занял хороший наблюдательный пункт и корректировал артогонь по скрытым вражеским целям. Выполнить эту сложную задачу вызвался молодой лейтенант Иван Лоскутов. Буквально за несколько дней до этого мы приняли его в партию.

Я вызвал Лоскутова к себе, сказал, что это очень серьезное и опасное дело и надо ему взвесить все, прежде чем дать окончательный ответ. Ведь если его схватят немцы, будут и пытки, и мучения.

Лоскутов ответил, что он коммунист и с поставленной задачей справится.

От командира полка Рыклина я знал, что он когда-то учился вместе с отцом лейтенанта Лоскутова. Лоскутов-старший служил в звании полковника и, кажется, погиб под Одессой.

На прощание Рыклин по-отцовски обнял, поцеловал Ивана.

Точно в установленное время Лоскутов занял высоту в немецком тылу, дал по радию сигнал, что готов к выполнению задачи.

Батарея Скробова начала, что называется, крошить немцев. Снаряды ложились точно в цель. Фашисты ошалело метались, падая на развороченную от снарядов землю.

Между тем Лоскутова окружили немецкие автоматчики. Укрывшись в расщелине, он вызвал на себя огонь батарей. Часть немцев была уничтожена, многие пустились наутек. Воспользовавшись паникой, Лоскутов покинул то место, где запеленговали его радию. А позже выбрался к своим. Прототип симоновского «Сына артиллериста» подполковник И. А. Лоскутов служит сейчас на Дальнем Востоке.

Часто наши артиллеристы действовали совместно со своими морскими собратьями. Неподдалеку от Пумманок на берегу моря находилась наша вторая батарея, а правее от нее стоял дивизион морской артиллерии. Обе артточки имели одну и ту же задачу — обстреливать суда противника, шедшие в залив Петсамо.

Немецкие суда постоянно находились под прицелом наших батарей. В первое время, как только фашистские транспорты подходили к заливу, на батареи налетали десять-двадцать бомбардировщиков. Пикировали до самой земли, сбрасывали бомбы, обстреливали из пулеметов и пушек. Они так прижимали к земле наши орудийные расчеты, что те и носа высунуть не могли. Однажды мы с начальником штаба полка Тюриным выехали на мотоцикле проверить,

почему батарея молчит. Только выскочили на пригорок, где стояли наши позиции, смотрим — бойцы как горох рассыпались по земле. А мы не поймем, что это люди своего мотоцикла испугались? Оказалось, артиллеристы уже по инерции воспринимали шум любого мотора за шум самолетов.

Некоторое время спустя послышался гул немецких самолетов. Наблюдатель доложил, что к заливу подходят два транспорта противника. Мы дали команду: «К оружию!» и приказали открыть огонь. Артиллеристы успели произвести по три выстрела, пока появились самолеты. Сделав разворот над батареей, они стали входить в пике. Только тогда мы подали команду: «В укрытие!».

Но до укрытия бежать далеко, и все попрыгали в обрыв, к самому берегу. Это естественное убежище оказалось более надежным, чем наше постоянное. Когда бомбы ложились близко от батарей, осколки разлетались поверху и не могли задеть нас. Но пробыть в таком укрытии даже минуту — было тяжело. Все вокруг содрогалось от взрывов. Казалось, вся скала вот-вот оторвется и полетит вниз. Осколки пролетали над головой и с шипением падали в воду. Пока самолеты набирали высоту, чтобы сделать второй заход, артиллеристы успевали выскочить из убежища и сделать несколько выстрелов по транспорту.

Не удалось вражескому транспорту войти в залив и на этот раз. Его потопили. После этого батарея не раз еще вела подобные поединки. Во время налетов немцы сумели лишь повредить одно орудие и ранить несколько бойцов. Правда, погиб политрук батареи, у которого во время бомбежки сдали нервы. Он выскочил из укрытия и, матерясь, начал из пистолета стрелять по фашистским самолетам. Это был бессмысленный поступок. Пулеметная очередь скосила политрука.

Как-то в туманную погоду к нам проскочило суденышко с боеприпасами и продовольствием. Немцы заметили

судно и стали стрелять из пушек. Но снаряды не доставали, и тогда противник поднял в воздух три самолета. Наши зенитки подбили один самолет. Летчик и штурман выпрыгнули с парашютами из горящей машины. Летчик сел на воду и утонул, а штурман приземлился на нашем берегу. Это был наш первый пленный немец. Когда его привели в штаб укрепрайона к комиссару Шабунину, я как раз находился там. Смотрю и глазам не верю — пленного вместе с другими бойцами ведет мой старший сын Миша, которого я отправил в Мурманск, наказав ему ехать с матерью в Ленинград. Оказывается, он не захотел возвращаться домой, а пошел в армию.

Его обмундировали и зачислили в мой же полк бойцом. В тылу, в зверосовхозе, он обучился водить автомашину и теперь прибыл на Рыбачий, он — военный шофер Еремин. Позднее сын вместе со мной перешел в штабную батарею управления 14-й армии, был там командиром отделения транспортного взвода. Потом учился в артиллерийском училище, заболел, а по выздоровлении был отправлен под Курск и там погиб.

Участвовал в боях за освобождение Украины второй мой сын Лев. Таким образом, все мужчины из нашей семьи воевали с немцами.

В октябре 1941 года к нам было очень трудно добираться с Большой земли. И вдруг как-то в землянке Шабунина я встретил незнакомых людей в военных шинелях. Называют себя — военный корреспондент «Красной звезды» Симонов, фотокорреспондент Зельма.

К. М. Симонов пробыл на Рыбачьем недолго. Он слушал рассказы моряков, пограничников, артиллеристов о первых днях войны, о людях, дравшихся на полуостровах.

Вторично мы встретились с К. М. Симоновым, когда я был уже комиссаром артиллерии 14-й армии. Тогда он был у меня в гостях с писателем Евгением Петровым. Мы встретили в моей землянке 1 Мая. В тот вечер Симонов получил

поздравительную телеграмму от редактора в связи с награждением орденом. И надо же быть такому совпадению — через час после этой телеграммы мне позвонил член Военного совета Крюков и сообщил, что я награжден орденом Красного Знамени за участие в боях на Рыбачьем.

Сидели мы при коптилке, в сырой неуютной землянке, за примитивным столом, уставленным консервными банками. И тем не менее это был торжественный и неповторимый вечер...

Артиллеристы нашего полка вместе с бойцами 23-го укрепрайона не позволили врагу ступить на наши полуострова. Мы, защитники этой заполярной земли, можем с гордостью вспоминать дни минувшей войны.

г. Ставрополь

Д. ЕРЕМИН,
полковник в отставке, член КПСС с 1920 года

«ЗА НАШУ РОДИНУ! ПО ФАШИСТСКОЙ СВОЛОЧИ! ПЕРВОМУ... ОДИН СНАРЯД... ОГОНЫ!»

Когда 30 июня 1941 года после боя прибыл я в Озерко, где находился наш штаб, командир полка майор Рыклис сообщил, что для поддержки войск на перешейке формируется сводная батарея и я назначаюсь ее командиром. Не позднее 12 часов 1 июля я обязан был закончить формирование батареи и привести ее в боевую готовность. В «сводную» входили четыре 152-мм и две 122-мм пушки из других батарей полка.

Орудия выделялись вместе с расчетами и двумя комплектами боеприпасов. К 7.00 1 июля они должны сосредоточиться на юго-западе полуострова Рыбачий севернее высоты 301. «Сводная» предназначалась главным образом для борьбы с теми целями противника, которые распола-

гались слишком далеко, чтобы их могла достать наша дивизионная и полковая артиллерия.

Здесь я должен объяснить, почему было решено сформировать «сводную» батарею, сняв по одному-два орудия с других батарей, расположенных на Рыбачьем и Среднем. Казалось, куда проще взять полностью одну батарею и перебросить ее на перешеек. Однако в сложившейся в то время обстановке это было рискованным делом: гитлеровцы могли (и мы ждали этого) высадить морской и воздушный десанты на Рыбачьем и Среднем. Оголенный участок существенно ослабил бы нашу и без того неплотную противодесантную оборону.

Командир полка разрешил сформировать взвод управления «сводной» из курсантов полковой школы, которая с началом боевых действий распускалась. Я отлично знал состав полковой школы, так как довольно часто проводил там занятия, и мне не стоило больших трудов отобрать наиболее дисциплинированных и подготовленных курсантов. Командиром взвода управления назначался лейтенант Иван Алексеевич Лоскутов.

...В тот день дул холодный северо-западный ветер, небо закрывали низкие дождевые облака. Погрузившись на рыбацкие баркасы, мы направились через губу Озерко к высоте 301, где должны были разместиться боевые порядки батареи.

Взвод управления имел задачу: выбрать и топографически привязать огневые позиции, наблюдательный пункт, организовать разведку и связь. К 7 часам утра, когда были закончены эти подготовительные работы, начали прибывать орудия. Их тут же устанавливали на позиции.

В 11 часов утра батарея была готова к ведению огня. Тем временем дождь перестал, в просветах облаков показало солнце.

Мы с комиссаром полка Дмитрием Ивановичем Ереминым поспешили на наблюдательный пункт. Лейтенант Лос-

кутов оборудовал его среди валунов на склоне сопки, обращенной к противнику; добираться до НП, как предупредил нас разведчик, надо было ползком. Ничего не поделаешь — пришлось нам с комиссаром метров 75 преодолевать попластушки. С НП открывалась широкая и очень четкая панорама всей местности от Муста-Тунтури до Титовки.

Лоскутов доложил, что на Титовской дороге обнаружено большое скопление машин. В стереотрубу было отлично видно, что на раскисшей после дождя дороге несколько десятков буксующих автомобилей образовали солидную пробку. Около машин копошились немцы.

Посмотрев в стереотрубу, Дмитрий Иванович сразу загорелся боевым азартом.

— Давайте накрывать, — заторопил он.

Я быстро подготовил данные для ведения огня из 152-мм пушек и подал команду: «За нашу Родину! По фашистской сволочи! Первому... Один снаряд... Огонь!»

Орудийный выстрел эхом раскатился в прибрежных скалах. Снаряд пронесся с угрожающим воем и разорвался рядом с целью. Закончив пристрелку, «сводная» перешла на поражение. Гитлеровцы пытались спастись бегством, но их настигали и поднимали на воздух тяжелые снаряды. Остатки разбитых и сгоревших машин на обочинах Титовской дороги еще долго напоминали о первых залпах нашей сводной батареи.

Эта, хотя и небольшая, победа вдохнула в артиллеристов новые силы — мы убедились, что врага можно бить точно и крепко.

Зная, что противник сосредотачивает у Среднего силы, чтобы перейти в наступление, мы стали готовиться к тяжелым боям.

Огневые позиции батареи были еще не оборудованы в инженерном отношении. Правда, нас пока не обстреливали и не бомбили, но мы уже «открылись» противнику, и он в любое время мог предпринять контрмеры. Поэтому

В короткий срок предстояло отрыть орудийные окопы, ровики и погребки для боеприпасов, оборудовать укрытия для личного состава и наблюдательный пункт.

Словом, работы было очень много.

В ночь на 2 июля все кругом затянуло плотным туманом. Воспользовавшись такой погодой, мы бросили все силы батареи, кроме охранения, на инженерные работы. К утру огневые позиции были полностью оборудованы и хорошо замаскированы. Из каменных плит сложили блиндаж для НП, передней стенкой его служил огромный валун. Это был хороший наблюдательный пункт. Забегая вперед, хочу сказать, что он служил мне с сентября 1941 по март 1942 года, когда я был командиром 1-го дивизиона полка, и что именно этот НП писатель Константин Симонов, посетивший нас в октябре 1941 года, назвал «Орлиным гнездом».

Сосредоточив здесь свои войска, гитлеровцы начали активные действия. Они неоднократно атаковали Муста-Тунтури и высоту 201. Бои носили крайне ожесточенный характер. Противник стремился во что бы то ни стало захватить командные высоты. Они много раз переходили из рук в руки. «Сводной» довольно часто приходилось не только подавлять огонь немецкой артиллерии и минометов, но и отражать атаки противника, поддерживать контратаки 135-го стрелкового полка, оборонявшего высоты.

Своими боевыми делами «сводная» очень скоро завоевала уважение пехотинцев.

— Ну, «сводная» заговорила, поддаст немцам жару! — радовались они, когда батарея открывала огонь.

В боях на Муста-Тунтури противник понес огромные потери и вынужден был прекратить атаки. Северные склоны хребта Муста-Тунтури и высота 201, обильно политые кровью, остались за нами. Эта победа далась защитникам Среднего ценой больших потерь. Но что поделаешь — война без жертв не обходится.

На фронте наступило некоторое затишье. Однако «сводная» продолжала действовать.

Однажды из района Титовки открыла стрельбу неизвестная нам вражеская батарея. Снаряды рвались в местечке Озерко, где располагались наши штабы и тыловые подразделения. Вскоре нашим разведчикам по кольцам дыма удалось засечь батарею. Судя по всему, это были 105-мм дальнобойные орудия.

Я получил категорический приказ — уничтожить батарею. Однако наши крупнокалиберные 155-мм пушки не могли с занимаемых позиций достать противника. Пришлось передвинуть их на несколько километров вперед. Около 4 часов утра — в это время немцы обычно спали — батарея 155-мм орудий заняла позицию в березовой рощице на восточном берегу залива Озерко.

Несколько часов провели мы с лейтенантом Лоскутовым над картой, уточняя координаты вражеской батареи, готовя данные для стрельбы.

Около 9 часов утра немецкая батарея сделала несколько выстрелов по какой-то цели на полуострове Средний. Мы тут же открыли по ней огонь. Выпустили сотню снарядов. Орудия врага смолкли, и мы уже решили, что вражеская батарея подавлена. Но через 30—40 минут она вновь ударила, теперь уже по нашим позициям. Снаряды рвались в 200—250 метрах от нас. Мы открыли огонь — и немцы стихли. Но когда мы израсходовали боезапас, гитлеровская батарея вновь открыла огонь, более прицельный, чем раньше. Ответить мы уже не могли, и я приказал отвести личный состав в укрытие. Наконец и противник прекратил стрельбу. У нас было повреждено одно орудие и три человека получили легкие ранения. На этом артиллерийская дуэль закончилась, и наша батарея вернулась на прежнюю позицию. Отвели свою батарею и немцы. Теперь она стояла за Титовкой и не доставала до месторасположения наших штабов.